

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

ГРАФИТ

№ 7

Тольятти
2014 год

Главный редактор: Сергей Сумин

Заместитель
редактора: Дмитрий Перегудов

Редколлегия: Татьяна Бочкарь
Кристина Власова

Художник номера: Елена Смурова

Все права принадлежат авторам.

В ряде случаев сохранена оригинальная авторская орфография.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Афиша культурной жизни Поволжья, тексты наших авторов и анализ событий культуры и искусства можно найти на сайтах: graffitt.ru и sumin.moy.su

30 экземпляров каждого номера бесплатно направляется в библиотеки городов Поволжья

Сентябрь 2014 года, г.о. Тольятти.

Для связи: sumin_sergei@list.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Екатерина Боярских

В воде по колено, в резиновом сапоге
Стояла одна елена на мокрой пустой ноге.
Весна вверху – внизу ещё не пора.
В ноге дыра, повсюду мох и кора.

Была пуглива, и некрасива, и неправа.
Молчала, сидела криво, как есть трава.
Вмерзала в лед, весной начинала пить,
С небес вода прибегала ее топить.
Ждала семян для времен, чтобы выйти вон.
Таких елен из полян торчит миллион.
Она не одна растёт из земного дна.
И все видны, но эта – освещена.

А где-то над, и сбоку, и за спиной
в безвестный воздух бросив огромный рост,
есть дерево, птичий приют сквозной,
одновременно – возглас, гора и мост.
Себе самому навстречу будущее несёт.
Оно не конечно, оно никогда не всё.
Оно – цветенье, хоть и не зацвело,
Оно как сердцебиенье всему назло.

Проходит, свободен, светел,
Лёд, который ручей.
Она стоит перед этим – неведомо перед чем.

Весна зияет. Веет. Тает. Лучи растут.
Елена верит-не-верит, что дерево тоже тут.

И, обмерев в провале, в пропасти голубой,
Кивает ему, кивает разомкнутой головой.

ПОЭЗИЯ

Воздух принял облик человека,
поменял себя с собой местами.
Допустил провалы и просветы,
упустил неважные детали.

Воздух обнял облик человечка,
честно повторил его изъяны –
это первый сумеречный встречный,
кто лежал на дне воздушной ямы,

у кого не сложены, не сшиты
лоскутки и блёстки-отголоски.
Жизнь не станет выше или шире.
Воздух добавляет только воздух.

Кто прочтёт его неосязанье
на своей обманчивой ладони?
Разве что осинки-партизанки,
мелочь тонконогая на склоне.

Воздух лета движет воздух леса.
Воздух леса лижет воздух лапы.
Кто-то дышит, чтобы не исчезнуть,
или пишет, чтобы не заплакать.

Не оттуда, но и не отсюда,
он лишён и знания, и незнания,
о себе он помнит только чудо:
«У меня воздушное посланье».

Я не знаю, как его достигнуть,
и не помню, как его доставить.
Всё, что я могу, - просить: «Прости мне,
то, чем это "я" опять не станет».

ПОЭЗИЯ

Бесконечный, запертый в конечном,
воздух понимает, что он воздух,
и бросает камень человеческий
в пропасть человеческого роста.

Он летит и падает сквозь облак,
и летит, и падает сквозь возраст.
Этот воздух прожил этот облик.
Этот облик любит этот воздух.

Непредмет, который стал предметом —
оболочкой, бывшей перекличкой,
на краю усталого предместья
упадёт беспалой рукавичкой,

и ему осинки-следопытки,
ломанные линии на склоне,
прочитают с первой же попытки
прямо по отсутствию ладони:

Пресекалось и пересекалось
больше и не больше, чем дыхание.
Всё казалось. Всё соприкасалось.
Вот и всё воздушное посланье.

Что это было - лилии ли, трава ли,
что за поводыри, как нас сюда позвали?
Ливни были или леса горели,
дети пели, листья ли моросили?
Это ещё не правда, это её детали.
Их уже невозможно понять превратно —
надо лишиться сил и набраться силы:
если ещё не правда, то станет правдой.

Это ещё не местность, а только вехи.
Нет у судьбы никогда ничего другого.
Вот человек. Он неподвижный ветер.
Это всего лишь схема, где будет слово.

ПОЭЗИЯ

То, что в нас брезжит, нас изнутри и режет.
Можно его отвергнуть и не рождаться.
Жизнь тебя на руках осторожно держит –
Знает, она могла бы и не дожидаться,
всеми цветёт калитками, сквозняками,
лестницами, болезнями, стариками.
Так нас сюда и звали. Всем садом звали.
Первыми росли, закрывая камень.
Звали тем садом, который цветёт из мрака –
браки, овраги, бараки, кровоподтёки...
Вот человек – свет, не лишённый страха.
Это ещё не вечность, это её намёки.
Ты ей не бремя. Ты ей живое время,
ты ей ручей, который размыл границу.
Мы же и есть – её разговоры с теми,
кто её не боится.

Вот человек – сон в середине сада.
Одной он рукой до неба, другой – до моря.
Поговори с ним. Скажи ему то, что надо,
и возвратись в любовь. Из любви. Любовью.

Я разучилась это разлучать. Огонь похож на счастье, мост на старость.
Ручей, как мысль, уходит из-под ног.
Я отключилась это отличать и становлюсь похожа на дорогу,
мы с ней растём в долину и в длину и на спине лежим под вечным солнцем,
пока вода руками моет мрамор.

Я потерялась в этом приземленье, где полдороги отдано потоку,
где часть ручья накрыла часть пути.
Пока вода не делает ошибок, пока дорога с ней наедине,
они непобедимо равносильны. Двойное дно, двойное освещение –
неотделимы, неопределимы. Тогда и я оправдана вдвойне.
Куда бы спрятать это оправданье, чтобы начаться с чистого песка,
с мельчайших сибиринков, азиянок.

ПОЭЗИЯ

Природа прячет разум на весу, и даже воздух полон квазиямок,
в них те, кто нас признает и такими, фонариком мигают и зовут:
«Там зренья нет, а нам всё видно ясно, но мыслей нет, а ваши сложно думать —
у нас нет места для таких событий. Мы вас храним другими, в здешних днях
нет вашего взросленья и старенья, мы в это не умеем, не играем».
На ручейках катаются верхом, качаются у воздуха на ручках.

Природа держит разум на ветру, чтобы его развеяло по дому,
чтоб он забыл, что каждая секунда уже полна следов неразличимых,
а жизнь — нерастворимых преступлений. Земля приоткрывает труд воды.
Ручей приоткрывает суд дороги. Похоже на моё двойное дно.
Я заблудилась в этом воплощенье. Мой смысл идти ногами по земле,
пока оно уходит и приходит, восходит и нисходит по ручью,
и то, за чем оно ко мне приходит, оно и добывает из меня.
Дойти до этой строчки и вернуться
и не вернуться, и не пожалеть.
И то, за что оно меня уводит, оно и вырывает из меня.
Дойти до этой строчки и упасть
дошла до этой строчки и упала.

Пока я то, что знает обо мне. Пока вода руками моет мрамор.
Пока я не устала ощущать родное дно единого течения.
Как сделать, чтобы это не ушло?

Я расскажу, как было и как будет,
я расскажу, как было и не будет,
я расскажу, как не было и будет,
и замолчу, как не было и нет.

Дождь сиреневый, камень белый,
путешественник ниоткуда.
Память рядом, но за барьером,
до полёта одна минута.

ПОЭЗИЯ

Невозможные по крупицам,
дождь бездонный и мост бесплотный.
Мне пришлось от них отступиться,
чтобы стали они свободны.

Чтобы капли на тех перилах
совершенно, нечестно, честно
время заново сотворило,
из которого я исчезла.

Разделённый на до и после
мир открыт для неповторенья.
Полный доступ. Дырявый космос.
Лестниц ангелов оперенье.

ПОЭЗИЯ

Виктор Липатов

Анабиоз pt2

И всё же я замру – морской фигурой,
замру надолго, насмерть, навсегда,
большевиком, орнаментом, авгуром,
убитой девочкой, униженной, когда

среди того – безумного порядка
десятых долей, ломок (мало ли'?),
я говорил кому-то: «я в порядке!
Серьёзно, я нормально, я в порядке!»,
чтоб он отстал, состарился, отлип.

И это всеми (мелко раз не всеми!)
поставив галочку на кипельных полях
заверено, замётано – поверь мне
но не сознайся, – в путах словаря,

об этом шансе (чёртов mortal combat
до первой крови!), первый, кто моргнул,
запеленгован будет... и запомнен...
...Я не могу! Я – жить так – не могу!

Любой ценой (во что бы то ни стало!)
я всем скажу с последней прямоотой:
«я развлекать стихами вас не стану!
Не стану развлекать вас!» Мизантроп,

по тропам города (от края и до края!)
брожу я, словно что-то здесь ищу
(а я давно и ничего здесь – не ищу!),
плачу долги, – да ноги – волочу,
и каждый день – немного – умираю»...

ПОЭЗИЯ

Отцы и дети

Семейное застолье - горький плод
обыденности, перешедшей в праздность
родства на почве благородства, под
предлогом уз, как следствие, отказом

от большего. Ни общих мест, ни тем —
обрывки встреч ленивых и предвзятых,
где взрослые, в присутствие детей,
их обсуждают... Это ли не зависть?

Не так ли истину в зародыше узнав,
мы восстаём на тех, кто, заблуждаясь
в делах своих, — напоминает — нас
безграмотных, беспомощных, бездарных?

Приглашение в дорогу

I

Теперь я собираюсь сделать шаг
(стопам в квадрате комнатухи пусто),
отправиться, уверенно дыша,
имея мало общего с искусством,
не помня цель — в далёкие края,
овеянные степью, — проверяя
куда влечёт, — сомнений не тая, —
не песня муз, так точно дар Валдая.

II

Ступай! И чтобы всюду яркий свет
(которого — не достаёт — нимало!),
и чтобы не сказать на то в ответ
всегда выходит плохо или мало —
горящий дом, беременный собой,
ступай! Передвигай опоры смело,
обычный, грустный, радостный, живой,
за сквозняком, гулявшим под омелой.

ПОЭЗИЯ

III

Такая свежесть в этом сквозняке,
что звуки песни, явно соловьиной,
переплетаясь с хором вдалеке,
мне кажутся музыки – пуповиной.
- Рождение трагедии? - Да ну! –
Нож мнений режет пуповину песни,
и мы, застав рождённой тишину,
обречены – на зимованье – вместе...

IV

Ступай! Тебе здесь нечего терять
и некого, ты сам хотел покоя,
и жизнь твоя не обратится вспять –
здоровья не вернуть, когда б такое
случилось, очарованный взамен
психозов – очертаньями кургана,
ты мог бы позабыть, бежав камен,
жизнь – в самом эпицентре урагана.

V

Ни дать ни взять сюжетец кабаре:
за десять лет скалымить на квартиру
в любой, забытой музами, дыре,
и спиться в ней, и жаловаться Тиру
(в неясном образе, не тот актёр
в спектакле, где означены все роли),
Ареву и... Астике – как хитёр! –
на долю аргонавта – в чистом поле.

VI

В порядке исключения – намёк,
утроенный не столько лексиконом,
но дикцией посла (мне невдомёк,
зачем плутать ораком, лепреконом

ПОЭЗИЯ

среди глухих, сидящих у воды,
которым даже золото – не нужно),
приобретает статус – лебеды
и, трын-травую обрастя, услужлив.

VII

Мне думается (если только мой
рассудок не померк), что я тут лишний
и пролечу фанерой над Москвой,
как ранее – фанерой над Парижем.
И оттого мне, собственно, дабы
здесь избежать окказионализма,
пора... Поэзия – продукт среды,
её вердикт, и он не многим близок.

VIII

Итак, ступай. Будь лёгок шаг и пусть
твоя звезда, минуя груз препятствий,
не затемня дорог – осветит путь.
«Желаю всем счастливо оставаться!» –
скажи и повернись – туда – лицом,
где, впрочем, заменяя собой солнца,
Джон Китс и Мильтон, Саути, Джон Донн...
И Роберт Бёрнс, их обнявший, смеётся...

Примитивный запев

Примитивный запев, не лишённый нюансов, звучит из окопа.
Я учусь улыбаться сквозь муки – выходит синкопа.
-Ты торопишься? Сильно? - Достаточно сильно, и вечно.
Я учусь расправлять свои плечи,

не атлант и не карлик, не с чёрными, не среди белых,
утверждая над маршами, то превосходство галерных
песен, чуть ли не всем знакомых; то перси, ланиты...
Отзовитесь, Хариты!

ПОЭЗИЯ

Отзовитесь, придите, даю своё честное слово –
я креплюсь день от дня, я пытаюсь казаться здоровым,
пусть пою междометия, анжамбеманы и сопли,
нечленораздельные вопли...

Уверенность тает с количеством денег в кармане.
Ефросина, ты тут? Позови уже Талию, крикнем Аглае
и затащим тогда, как по нотам, четыре возможные сексты...
- Как давно у тебя не было секса? –

вопрос знакомой, возвративший в реальность, дебилен.
Я шучу: не поверишь, никогда ещё не было так стабильно!
Половые акты – заканчиваются нажатием alt+F4
последние дни, то есть недели.. ладно, можешь взять шире.

Крестовый поход

1) Лиро-эпический герой:

Настала пора отправляться в крестовый поход,
мне нужен герольд и армия – дело за малым:
достать деревянный меч, выпить на ход
ноги, поклясться в верности идеалам,

изъясняясь короче: с места двинуть в карьер.
Фанатик во все времена смотрелся курьёзно.
Но если ты думаешь: спектакль не стоит премьер,
то ты заблуждаешься друг. Я – серьёзно.

2) Хор восторженной толпы:

Здравствуй, рыцарь похода славного!
Богатырь, ублюдок наш: милости
просим – жги! Поноси бесславие!
Против старости, дело милое
выйти во поле – дайте сталь ему! –
биться насмерть с плитой могильною
за алмазный венец! (по Катаеву)
За потерянный рай! (по Мильтону)

ПОЭЗИЯ

3) Хор негодующей толпы:

Замешательство, огорчение и досада
от молодых ногтей (считай от детства)
и свободу свою отдавать на откуп,
чтоб спокойно хлестать во дворах водку,
запасаться солью, растить терпенье,
изъясняясь короче: подобно пене
появляясь из волн – выходить из моря,
как логичный вывод из уст Пифагора,
как дешёвая песня, почти ваганты
мы играем роли, места – вакантны,
а тебя, горбатого, могила исправит,
там где наша судьба неизменно картавит,
выводя причины из тусклых следствий
возбуждённых против помнящих Лесбос;
водружая страх, символ высшей власти,
на почётное место: ты понял, Вася?!..

4) Лиро-эпический герой:

О горькое бремя героев с пометкой «ничей».
Кому я здесь нужен с намереньями благими,
Сенека на левом, Гельвеций на правом плече,
во славу скупого добра и друзей во имя?

Две эти толпы собираются в год под исход,
какое мне дело до брани, признания, славы?
Настала пора отправляться в крестовый поход,
мне нужен герольд и армия – дело за малым!

ПОЭЗИЯ

Сергей Ивкин

Ангел (зимний)

*живая одежда женское пиво
распродажа любовного зелья
ободранные билборды
перетасованная реклама
рождественские скидки на удачу
позвольте себе настроение*

Мой ангел знает многое, но я
живу пока что без его подсказок,
как будто бы он в тёплые края
свалил за стаей крачек над Кавказом;
как будто бы со школы обалдуй,
разбогатевший на сырье ямальском,
ко мне он наезжает раз в году
в родной Е-бург с какой-нибудь Ямайки;
как будто он – блудящий брат-близнец,
которого в семье не поминают,
прописанный в диагнозе скорбца,
которого врачи не понимают.

Пожалуйста, бродячий парадокс,
не проявляйся, не мани похмельем,
я не из тех, кто слаб на передок
и с радостью себя готов похерить
за-ради пары опалённых крыл,
за-ради смерти в траурном флаконе,
за-ради двух счастливых в зюзю рыл,
курящих на незнамо чьём балконе.

Я – человек тоскующий, по мне
предчувствия и ностальгия басче
каштанов, пропекаемых в огне
тобой на пальцах сочинённой басни.
Я объяснял тебе, что не хочу
срываться и летать над пепелищем

ПОЭЗИЯ

накопленных за эти годы чувств,
когда я жил и одевался нищим.

Привычный «ноль» в начале января;
печальный запах мандаринной корки;
всё, что ни сделал в жизни, сделал зря:
скатал снежок, и прокатился с горки,
купил горячих роллов, расщепил
две палочки над парком полосатым,
и с телефона вывесил в сети
ещё один стишок без адресата.

Пепельница из Кисловодска

хранитель тлеющих угольков

Салман Рушди «Дети полуночи»

Детище Империи, Рейха, Рима,
оберег от сглаза, хулы и порчи —
пепельница в памяти сохранила
всю семью от прадеда. Вензель сточен.
В силуэт орла с азиатским клювом,
вглубь, на дно гнезда из чугунных граней,
как в застывшем кадре, летел окурок.
За внимание к вещи ребёнка драли.

Где им, взрослым, понять, что такое символ,
что мне делать, если орёл клекочет...
Я стянул окурок, орлу «Спасибо»
прошептал, удрав из постели ночью.
Фильтр смял, жевал осторожно пепел —
колдовской порошок, что даёт возможность
улететь отсюда туда, где детям
разрешают больше, чем мир киношный.

Голоса пришли. Не совсем стихами.
Но такую речь не проходят в школе.
Я ревел навзрыд, как пророк Мухаммед,
осознавший, что он реально болен.

ПОЭЗИЯ

Я закрыл уста, испугавшись кары.
И с тех пор, как слышу табачный запах,
часто в сочетании с перегаром,
открываю окно и смотрю на Запад.

Очевидец

На Купалу в сумерки над холмом
появляются двое, из ниоткуда.
Те, кто были там, не своим умом
возвращались утром, как после блуда:
кто в засосах синих, как в орденах,
у кого разодрана вся спина.

Выступал чиновник с отарой СМИ
(шуганула полиция любопытных),
обещал развеять досужий миф –
даже жёлтой прессой остались скрыты
результаты выгула на луга.
И погоны с местными ни га-га.

Взяв бинокль и камуфляж надев,
я залёг в осиннике недалече.
За час сорок вызубрил весь рельеф.
Где живут полёвки, мне выдал кречет.
Пару раз барсук подходил ко мне.
Но ничто не дёрнулось на холме.

По рассказам первый (мужик) высок.
Вроде негра, божился Василий Каин.
Над башкой со спицами колесо
золотые искры вокруг пускает –
под гипнозом сами идёте вы.
А вторая – баба без головы.

За спиною солнце коснулось трав,
и на лысой вершине, где только ветер,
проявились эти. Василий прав:

ПОЭЗИЯ

Майкл Иэр Джордан* в закатном свете.
Прям рекламный клип: над его лицом
баскетбольное ворочается кольцо.

Я вцепился в оптику: между плеч
у товарки гладко, а то, что ниже
неприкрыто и выпукло. Слышно речь,
словно в церкви молятся. Дальше вижу:
оба воздух плотный, как будто ткань,
раздвигают в стороны. Я – тикать.

Не прополз и метра, из-за осин,
вышли люди. И с ними Василий Каин.
Закрутили руки мне и внесли
в безвоздушный лаз. Он внутри зеркален.
Отовсюду слышатся визг и лязг.
Тут земля и небо пустились в пляс.

Баскетбольный мяч ощущает так
пот ладоней, площадки солёный гравий.
Я два раза отскакивал от щита,
извивался, был, в нарушение правил.
Попадал в лицо не понять кому,
бесконечно долго летел во тьму.

Разлепил глаза: санитарка, гипс.
Приходили в штатском, вели беседу.
Отвечал: не помню. Как не погиб-с,
объяснить не в силах. Брехал соседу,
что набрёл в потёмках, мол, сам дундук.
Поскользнулся – вывих обеих рук.

Я сегодня снова иду к холму.
По периметру выставлены капканы.
Я остался в разуме: никому

* Майкл Джеффри Джордан – знаменитый американский баскетболист, за способность высоко прыгать прозванный «Air Jordan» и «его Воздушество».

ПОЭЗИЯ

не свезло так прежде. Василий Каин
дурачка включает, пока молчу,
но при встрече хлопает по плечу.

* * *

Плоды гниют. Сорняк уходит в рост.
Не прополоть, что впрок не прокосили.
А с винодела невысокий спрос:
молчи – ты нем, лежи – ты обессилен.

Сквозь ставни ночью не увидеть сад.
И только запах просочится мятный.
У притолок гудящая оса
невидима и неприятна.

Дорога пролегает в пустоте,
в зрачках репья и бархате крапивы.
Твоя душа сменила сотни тел,
не научившись выглядеть красивой.

В давяльне застоялся аромат.
Дощатый пол опасно пружинит.
Ветшает одиночная тюрьма.
И нет вина в надколотом кувшине.

* * *

перед созданием новой катаны
мастер постится три дня
дело не в возрасте просто усталость
не вспоминайте меня

тихого неба и чистого леса
линию гор вдалеке
самых любимых и бережных вместо
спрятаться на потолке

ПОЭЗИЯ

вместо театра и стадиона
парк культуротдыха где
неоперившийся толком утёнок
чесет пешком по воде

просто мне нужен такой промежуток
выпита чаша на треть
сесть на песок и втыкая на уток
личность и память стереть

Тому Бомбадилу

– Он – это он, – с улыбкой ответила Златеника.
– Тот, кого ты видишь. Хозяин леса, реки, холмов.
Дж.Р.Р.Толкин «Братство Кольца»

Хозяин, я не мыслил оскорбить
ни столбовой пластмассовый репейник,
ни насекомых мраморное пенье,
ни ржавую экспрессию рябин,
ни осыпи кирпичной шелухи,
ни вдоль тропы проросшую рассаду
свинцовых ив и пихтовых фасадов,
ни элемента четырёх стихий,
 поскольку я не знал, что бадминтон
 в твоём лесу слывёт за моветон.

Прикормленному жвачному огню
я предлагал без умысла дурного
различные покровы и обновы,
скрывавшие питательные ню;
я разделял вершки и корешки
по собственному суетному вкусу
и принимаю гневные укусы
тебя сопровождающей мошки,
 и я прошу нижайше извинить
 за хохот, посылаемый в зенит.

ПОЭЗИЯ

Я помню, на коммерческой реке
положены рулады под гитару,
вклад Менделеева в небьющуюся тару,
гулянья под луной рука в руке,
ломоть посоленный, оставленный в дупле,
купанье голышом тебе вприглядку –
беспечная иллюзия порядка,
восторженный языческий косплей;
но это пошло: кланчить разрешение
через шаблоны жертвоприношения.

Хозяин, я пришёл глаза в глаза,
а лучше помолчать (без дискотеки).
Моим друзьям заполнить небо нечем,
что о земле могу им рассказать?
Достаточно не оставлять следа,
сырое не валить, собрать сухое?
Что счастье – пребывание в покое,
а воля переменна, как вода?
Что в хвойной бане поймы Чусовой
я сам стою сейчас как часовой.

ПОЭЗИЯ

ПРОЗА

Сергей Давыдов

Пурпурное небо Брайивика

I

Кажется, Бримирсон родился в морской пучине. Борода его была русой, с проседью и, кажется, грязно-зеленым оттенком, который присущ водорослям. Волосы его были грязными, толстый серый свитер был усыпан пятнами. Он отпил горячего чая из алюминиевой кружки и продолжил свой рассказ:

- Помню, в эту каюту залетела чайка. Здоровая такая, размах крыльев - сантиметров 80, не меньше! Говорят, чайка – душа погибшего моряка. Это хорошая примета.

Бримирсон посмотрел сухими от недомогания глазами на бушующее за стеклом иллюминатора море. Оно было цвета ночного неба, сплошным черным полотном, то вздымающимся, то падающим и сокрушающим свою силу на судно.

- Помню, тогда мы ничего не могли поймать. Я перепробовал все приметы, но ничто не дарило мне удачи. Клетка захватывала лишь одного краба. Одного! Как обидно, ты забрасываешь сеть туда, где должны быть тысячи крабов, а ловишь одни водоросли, - он помолчал. - Море бушевало. Море, эта могучая сила. Вся моя жизнь... Но вам же все равно невдомек, зачем я все это говорю.

Ахсель и Синдри переглянулись.

- Хорошо, - продолжил Бримирсон. – Расскажу вам историю. Однажды у берегов Гренландии мы выбрали одного эскимоса. Он еле полз, когда мы взяли его с собой. Левой ноги у него не было по колено – то ли кто отгрыз, то ли еще что, хрен разберешь. Так вот. Он все бубнил себе под нос этот их лепет. А иногда будто рыгал: ну, знаете, это у них типа пения. Так вот, он пел, качался. Ну а что нам оставалось делать? Таковы правила: нельзя бросать на берегу. Но на чокнутого он не смахивал, хотя и странно, что вообще остался жив и соображает. Хотя они там все такие. Короче, через неделю наш кок слег с жаром, перестал есть, задерживать в теле жидкость и таял на глазах, а еще через четыре дня бросился за борт. Потом матрос последовал его примеру. А вы представляете, что значит лихорадка на судне? Мы плыли на Фарерские острова, спасения искать было нигде. Ясен пень, виновен во всем был этот эскимос. Его эта зараза не брала! Ублюдок не ел и не пил, только песни свои

ПРОЗА

рыгал, а наши парни бросались за борт! Я решил, что больше так нельзя. Я замотал лицо тряпкой, вымоченной в отваре шалфея, взял топор и спустился в трюм. Этот подонок сидел на полу, склонив голову, и рычал свои песни. Я уже замахивался, когда тот развернулся и на чистом фарерском, моем родном, на котором я до сих пор думаю, сказал: «Каждому свое» и – хоп! – исчез. А топор крепко врезался в металл. Что думаешь, Отец Мира? – Бримирсон показал на Ахселя.

- Я думаю, что это очень интересная история.

- Как так? Ты же Отец Мира! Вот как ты думаешь, почему наш кок и матрос бросились за борт?

- Меня зовут Ахсель. И это очевидно: они просто решили не подвергать риску остальных членов экипажа.

- Нет, Ахсель, дело не в этом. Не так ты мыслишь. После прибытия на Фарерские, я отправил телеграмму о самоубийстве двух членов экипажа. И знаешь, что я узнал? Они были из одной деревушки. И как раз в это время в этой деревне – черт знает, как она называлась – прошла эпидемия брюшного тифа. Из шестисот стариков и старух, мальчишек и женщин остались лишь сто или сто пятьдесят. А еще через пару дней я узнал, что старик кок и молоденький матросик были теми еще тварями. Они продавали местных детишек богатею, чтобы тот ослеплял их, отрезал ноги и руки потехи ради. Смерть будто бы искала их, но скосила большую часть деревушки, и все же нашла. – Бримирсон снова посмотрел на море. – Бойтесь своих поступков. Каждому свое. Да, Отец Мира? Чиста ли твоя совесть?

- Меня зовут Ахсель! – не выдержал молодой мужчина. – И мне надоело слушать ваши страшилки. Я честный человек, желающий сделать жизнь людей лучше. За тем я и плыву в Брайивик.

- О, какой ты благородный, Ахсель. А ты знаешь, что твое имя переводится как «отец мира»? А ты, Синдри? Ты Сверкающий. Какие же у вас имена! Герои, не меньше. Моего отца звали Бримир, Прибой. А я стал Сыном Прибоя, Бримирсоном. При рождении мне дали имя Атли, Отец. Моего сына будут именовать Атлисоном, Сыном Отца. Смешно. Поэтому у меня не будет детей. А если те и есть, то носят имя матери или кого-то из близких родственников. Поэтому я и рассказываю все это вам. Дорога длинная, а язык у меня еще длиннее.

Синдри протянул Ахселю записку. В ней было написано: «Кажется, старый выжил из ума».

- Надо иметь совесть чистую, - продолжал Бримирсон. – А то и глазом моргнуть не успеешь, как одноногий эскимос появится у тебя на пороге. Теперь я знаю, как выглядит смерть. Теперь я никогда не поплыву в Гренландию.

ПРОЗА

- Какая разница, куда плыть? – возразил рыжий и кудрявый Синдри, -
Ведь по вашей логике возмездие все равно найдет всех злодеев.

- Логика логикой, а страх сильнее.

Тусклый свет в каюте стал еще более тусклым.

- Я высажу вас на маяке. Там живет Стефан. Он белый, как снег, болезнь такая, но вы не бойтесь его, не заразный. Он еле понимает фарерский, но торговый язык понимает хорошо. Говорят, раньше он был семинаристом с континента. А как оказался в тех краях только морю известно. Хотя по нему не скажешь, что семинарист. Они же все задохлики запуганные, а этот высокий, широкий, словно из известняковой скалы родился. Он строит эолову арфу на скале. Не буду объяснять, что это, сами увидите, а, может, и услышите. Говорят, под ее звуки море меняет свой цвет, хотя кто его знает.

Бримирсон отпил чаю.

II

Судно Бримирсона приближалось к отвесной скале. Остров напоминал каменную колонну, выросшую прямо из моря. Казалось, около него нет ни одной отмели, не то чтобы бухты.

- С этой стороны сплошная стена! – пытался перекрычать ветер Бримирсон. – С другой стороны есть обвал, по нему и взберетесь!

Ледяной морской ветер пронизывал Ахселя. Его темно-русые волосы били по угловатому, обветренному лицу. По этому лицу было видно, что мужчина лет двадцати пяти был жителем севера.

- Возможно, вы встретите на острове одну старуху! – кричал Бримирсон. – Ее зовут Сиф! Молитесь, чтобы она была там! Иначе вы рискуете не добраться до Брайивика!

- Сиф!? – кричал Ахсель. – Кто такая Сиф!?

- Она пиратка! Угнала судно морского управления и не вернулась! Поделом им! Я не повезу вас до Брайивика, но она довезет! Упрашивайте ее! Скажите, что покажете ей магию! – Бримирсон засмеялся.

Ахсель снова посмотрел на остров. Кажется, он никогда не заплывал так далеко. Он вообще никогда не покидал пределы родных островов. Ахсель не был из тех людей, которые любят «приключения с закрытыми глазами», как говорят в его краях.

- А ты хорошо знаешь эту Сиф и Стефана!?

- Не приходилось вместе пить! – снова засмеялся Бримирсон.

Разве можно отправляться в столь далекое путешествие, не зная точного пути? Разве можно подвергать свою жизнь опасности, рассчитываясь за приют

ПРОЗА

с контрабандистами? Разве можно следовать за чудом, которого, возможно, и нет, нарушая при этом закон? Разве можно снова и снова врать себе, что все идет по плану?

- А эта Сиф точно отвезет нас на Брайивик!? – спросил Ахсель.

- Нет! Ее может и не быть!

- И как же нам тогда вернуться домой!?

- Если у отмели будет ее развалюха, значит, она на острове! Если же нет, то я высажу вас на Фарерских! На Брайивик вы попадете, только если она вас повезет! Я же говорил! Больше никто не поплывет туда! Сейчас там один лед!

Ахсель знал, что Брайивик, остров на самом окончании Атлантики, был населен лишь однажды группой датчан несколько сотен лет назад. В основном это были преступники и отчаянные искатели лучшей жизни. Корабли с континента туда не приплывали – Брайивик расположен на пересечении двух течений в большом отдалении от земли. Группе из пары сотен человек тогда просто повезло, что они смогли добраться до острова.

На острове практически не было леса. Уже через несколько поколений поселенцы стали заболевать врожденными заболеваниями и цингой, но у них не осталось леса, чтобы строить корабли. Для историков остается загадкой, почему они не ели местную рыбу. На этот счет есть несколько теорий, одна из которых гласит, что кто-то убедил поселенцев в том, что местная рыба ядовита. С тех пор прошло много лет. Наверняка лес возродился, а животные расплодились, но никто так и не заселил остров на краю света.

- Буди брата! – Бримирсон отвлек Ахселя от мыслей.

III

Судно Бримирсона причалило к отмели. Синдри и Ахсель ступили на скалу, к которой было пришвартовано небольшое рыболовецкое судно.

- Раб сделал свое дело! – крикнул Бримирсон. – Я вернусь через восемь дней! Ровно на это место! Доброй дороги! – С этими словами Бримирсон отправился в море.

- Тебе не кажется, что все это напрасно? – спросил Ахсель своего брата. Синдри выглядел значительно младше брата – разница в возрасте составляла почти семь лет, но несмотря на это, Ахсель общался с братом как с равным.

- Неужели ты уже готов свернуть? Мы проделали такой удивительный путь. Было ли что-то более интересное в твоей жизни? – Его рыжие волосы разлетались в порывах ветра. Было видно, что юноше тяжело тащить набитый вещами рюкзак.

ПРОЗА

- Тобой движет интерес, а мной – долг. И нет никакой уверенности в том, что Бримирсон вернется за нами.

- О чем ты? – Синдри пытался скрыть напряжение в голосе.

- Не важно. Надеюсь, эта Сиф окажется добропорядочным человеком.

- Добропорядочным? – Синдри усмехнулся. – В этом мире не осталось добропорядочных, тем более на севере. У нас в Керкуолле они, возможно, и остались, но не здесь. Хотя черт его знает. Я предпочту верить в то, что я хитрее всех хитрецов.

После подъема на скалу перед Синдри и Ахселем предстала длинная, вогнутая долина из валунов и низкорослых трав. Около самого края стоял невысокий серый маяк. Около маяка стояла женщина. Она не была стара, скорее средних лет. У нее были длинные темные спутанные волосы. Одежды на ней было столько, что, казалось, хватило бы двум женщинам и одному мужчине. На ее шее блестели причудливые украшения, каких ни Ахсель, ни Синдри раньше не видели. Она курила трубку.

Увидав мужчин, женщина пошла им навстречу.

- Она похожа на цыганку, - сказал Ахсель Синдри на ухо.

Женщина подошла к мужчинам. Ее походка была резкой.

- Что-то ищем, мальчики? – ее приветливость к незнакомцам настораживала Ахселя.

- Ты Сиф? – резко спросил Ахсель. – Меня зовут Ахсель, а это мой брат Синдри. Нас привез Бримирсон.

- Я его видела. Что хотим?

- Ты можешь отвезти нас на Брайивик?

Сиф задумалась.

- Пойдемте в дом, - она указала на маяк. – Я познакомлю вас со Стефаном.

Приближаясь к маяку, перед людьми предстал высокий, слишком высокий для человека мужчина. Он был белый, как снег. Черты лица у него были жесткие, словно высечены из камня. Нельзя не сказать, что выглядел он пугающе. В руках у него были длинные металлические проволоки.

- Стефан, это ребята. Ребята, это Стефан, - Сиф, как и братья, говорила на торговом языке.

Мужчины поздоровались, но вместо приветствия услышали невнятное мычание. Стефан задержал свое внимание на путниках лишь на долю секунды и продолжил свой путь к изогнутой раме на постаменте прямо около обрыва. Ходил Стефан быстро, но сильно прихрамывал.

- Можно подумать, что он невежественный и необразованный, но на самом деле он просто немой. – Сиф вытряхнула табак из трубки и отворила

ПРОЗА

дверь в помещение.

Первый этаж маяка представлял собой одновременно и кухню, и спальню. Около окна, выходящего на море, была печь, шкафы, стол. Всюду висела одежда, стояли стопки из книг, тетрадей, горы барахла занимали почти все свободное пространство.

- Нам нужно обговорить цену, - сказал Ахсель, снимая со спины тяжелый рюкзак.

Сиф кивнула Ахселю и обратилась к Синдри.

- Дорогой, ты не хочешь помыться? Я вижу, ты весь вспотел после восхождения.

- Было бы неплохо, - сказал Синдри, скидывая с себя рюкзак.

- За поворотом будет пристрой, там у нас баня. Пожалуйста, помоги Стефану растопить нам баню.

Синдри благодарно кивнул головой и вышел.

- Я думаю, ты не против. Я сразу поняла, что ты тут главный, - Сиф указала жестом на стул около обеденного стола. - А ты с севера, Ахсель. Не из простых. Правда, лицо у тебя, как у моряка. Откуда ты?

Ахсель сел на предложенный стул. Он был крепко сбит, но явно не мастером этого дела.

- Я из Керкуолла.

- Неправда. Шотландцев не называют Отцами Мира.

- Мои родители не из местных.

- Интересно, - Сиф облокотилась на доморощенный ящик. - Что ты предложишь мне, Ахсель?

- Я не имею никакой валюты, но у меня есть золото и...

- Нет, оно и у меня есть. И бумажки у меня есть. Я хотела бы что-нибудь другое. Ахсель, ты не хочешь пить?

После подъема Ахселя мучила жажда.

- У тебя случайно не будет стакана воды?

Сиф открыла ящика.

- Посмотрим, чем могу помочь. Питьевой воды у нас мало – на острове нет родников, только пара дождевых озер, но есть кое-что не хуже.

Сиф достала из ящика темную бутыл, открыла ее и налила пурпурную жидкость на дно стакана.

- Не думаю, что я этим напьюсь, - сказал Ахсель.

- Это напиток святой Эржебет, как я его называю. Попробуй его.

Ахсель сделал глоток. Напиток вязал рот и был горьким на вкус, но к его удивлению жажда полностью исчезла.

- Как это возможно? – не скрывая удивления воскликнул Ахсель.

ПРОЗА

- Это напиток инуитов с северо-востока Гренландии. Они называют его икуума. Он делается из пурпурной травы, которая каким-то чудом выживает под снегом у самого побережья. Не поверишь, они отдают его за те покрытые глазурью побрякушки, что вываливаются из европейских карманов. Странно, что цивилизованные люди не интересуются секретами выживания у забытых народцев. Хочешь еще? – Сиф указала на бутылку.

- Нет, я напился, - сказал Ахсель.

- Как ощущения на краю света, Ахсель?

- Волшебно, - Ахсель пожалел, что не попросил еще одну волшебную настойку, чтобы запить ею горечь во рту.

- Повсюду волшебство. Ты даже не представляешь, сколько его. Буквально на каждом новом острове. Волшебство... Это слово греет душу, не так ли?

- Не уверен, что верю в него.

Сиф внимательно посмотрела на Ахселя и села за стол.

- Но раз ты в него не веришь, то зачем ты отправился в Брайвик? Никогда не видел пустые острова? Ахсель, я знаю, что сюда не приходят от хорошей жизни. Что такого ты хочешь найти на Брайвике, что не можешь без этого жить?

- Мне нужен один человек.

- Ха! Они вымерли сотню лет назад! Тебе нужны скелеты?

- Ты не поняла. Там есть один человек. Вероятно... И мне нужно с ним увидеться.

- И что же, по твоему мнению, делает этот человек?

- Исполняет самые сокровенные желания.

- Чушь! – Сиф соскочила со стула. – Ты думаешь, я полная дура, раз не знаю о том, что находится почти у меня под носом?

- Я сам в этом не уверен, но надежда есть! Сиф помолчала.

- Я знаю, о ком ты, - интонация Сиф приобрела серьезный оттенок. - Та шаманка. У нее еще узоры эти на лице и на руках, и они движутся, словно паутина, и вся она обмазана грязью, и ходит она босая и не мерзнет. Знаю я про нее! Так знай, благородный Ахсель, не стоит к ней соваться.

- Почему?

- А знаешь ли ты свои сокровенные желания? Что ты хочешь от нее получить? Все мы алчны в душе!

- Я хочу, чтобы моя дочь смогла жить, как все люди! – перебил ее Ахсель. – Астрид была чудом. У нас не могло быть детей. Но она родилась, и родилась она больной. Сперва мы думали, что она просто чудная, что она просто

ПРОЗА

придуривается. Говорит сама с собой каким-то лепетанием, отказывается учиться говорить по-человечески, не хочет ходить. Потом мы стали понимать, что ее личико, милое, детское личико превращается в звериное, безволосое, похожее на маску льва или кошки. Что она вряд ли сможет ходить и говорить. И что вряд ли она когда-то сможет нас понимать. Врач предположил, что она не доживет до половозрелости. Я знаю, что таких детей становится все больше, и они редко доживают до двенадцати! Я знаю, что их похищают. Я честный человек, я всегда честно работал в поте лица и смог дать жене и брату все, что им нужно. Но сам я не могу получить то, чего так хочу.

- А хочет ли твоя дочь становиться как все?

- Что за глупости? Конечно! Она еще слишком мала, чтобы осознать это полностью, но, конечно же, она хочет быть как все!

- Ох, Ахсель, - Сиф выдержала паузу. – Я ходила к ней, к этой зверушке. Несколько раз я кружила вокруг Брайивика, высматривая ее, но лишь один раз смогла ее увидеть. Я вышла на берег, рассыпала астровый порошок на траве, а сама спряталась. Когда она вышла, она была босая, вся грязная и в рванине. Она скорее животное, чем человек. Когда та стала нюхать траву в поисках источника запаха, я вышла из-за ее спины. Смотрела ей в глаза всего одну секунду – черные, огромные глаза. А потом она убежала, и я не решилась ее догонять. Приплыв на маяк, я обнаружила Стефана лежащим на полу. Его ноги были сломаны. Он поскользнулся на винтовой лестнице. Я так и не смогла его вылечить. Случайностью это быть не могло, Стефан всегда был аккуратен.

- Ты в этом не виновата...

- Моим самым сокровенным желанием было, чтобы Стефан не мог уйти от меня.

- Мне очень жаль.

- Теперь ему больно ходить. И все из-за меня. Из-за моей алчности, глупости и неведения. Так знай, Ахсель, я бы хотела, чтобы она умерла. Потому что все люди не хуже и не лучше меня.

- Это твоя цена? Жизнь человека? Скажи, Сиф, много ли раз после этого ты приплывала на Брайивик?

- Несколько раз.

- Хотя бы раз ты ее видела?

- Ни разу, сколько бы ни искала.

- А ты не думаешь, что она не является к тем, кто желает ей зла?

- Думаю, ты ее переоцениваешь, Ахсель.

Ахсель выдержал паузу.

- Хорошо. Я принимаю твое предложение.

Сиф рассмеялась.

ПРОЗА

-Ахсель, не шутишь ли ты?

- Я клянусь.

Сиф стала такой серьезной, какой, казалось, быть не могла.

- Поклянись своим братом.

- Клянусь своим братом, я убью ее, как встречу.

- С тобой приятно иметь дело, Ахсель! – Сиф соскочила со стула и выбежала за дверь.

- Синдри! Стефан! – она прыгала и смеялась. – Сегодня звезды благоволят нам, а завтра укажут верный путь! Мы поплывем на Брайивик!

С детским смехом она затворила дверь и вернулась к Ахселю.

- Ты воистину мой друг, Ахсель, - она потрясла Ахселя за руку. Казалось, ее эмоции неуправляемы. – Но мне нужны доказательства ее смерти. Принеси мне ее волосы. Нет, лучше палец. Хотя нет, лучше волосы. Да, думаю, волосы – это самое то. Я смогу продать их. Вымочу в анкане и скажу, что это волосы пигмеев. Скажу, что их нужно есть по одному волоску в день, и тогда тебя минует тиф, - она снова засмеялась.

Ахсель был бледен.

- Не бойся, Ахсель, разве это не достойная плата за здоровье дочери?

- Не вынуждай меня отказываться.

В дом вбежал Синдри.

- Мы все же плывем? – его глаза горели от восторга.

- Конечно! - улыбка не покидала Сиф. – Синдри, ты не хотел бы узнать о возникновение этого острова за сорок два дня?

- Думаю, это интересно, – Синдри сел рядом со своим братом. Глаза Синдри сияли от предвкушения интересной истории.

- Я знала, что тебе сразу понравится история. А что ты думаешь, Ахсель?

- Говори о чем угодно, - Ахсель тяжело выдохнул.

Сиф сделала глубокий выдох. Предвкушение рассказа доставляло ей удовольствие.

- Казалось бы, этот остров – бесполезная скала, - начала она. - И знаете, так оно и есть. Здесь не проплывают торговцы: невыгодно торговать на краю мира. Только заблудшие, и то редко. Ближайший населенный пункт находится в милях трехстах по ледяному, бурлящему океану. Всего пятьдесят лет назад здесь было море. Потом из моря стал подниматься черный дым. Море стало кипеть, бурлить, выбрасывать камни. Так, за сорок два дня из земли выросла гряда скал миль шесть в длину. Ни деревьев, ни кустов, только трава, принесенная птицами. Как-то здесь искали золото, руду, но ничего не нашли и покинули остров, установив на нем маяк Нафнлаус, «Безыманный». Море здесь

ПРОЗА

никому не принадлежит. А Нафнлаус – все равно, что море. Если ты тут, то ты не принадлежишь никому.

- Ахсель, разве тебе не интересно? – спросил Синдри брата, который сидел, опустив взгляд. Ахсель промолчал.

- Главное, чтобы тебе было интересно, Сверкающий, - Сиф улыбнулась Синдри. Она указала пальцем на окно, за которым Стефан в отдалении возился с арфой.

- Это я его сюда привезла.

- Ты? – спросил Синдри.

- Да, я. Это было тринадцать лет назад. Работать тут трудно, да что там – совсем невыносимо. Ну, сами знаете байки о смотрителях маяков здесь, на севере. Проще сойти с ума, чем согласиться отработать здесь хотя бы сезон. В контору морского управления на Фарерских островах пришел белый, как снег, молодой мужчина, возрастом приблизительно с твоего брата, весь в ожогах от палящего летнего солнца. Тогда лето было очень жаркое. Он не мог говорить и поэтому писал писульки на торговом языке. Оказался грамотным: знал греческий, считал, управлялся с техникой. Просил, чтобы его сделали смотрителем маяка. «Хм...», - подумала я. Странная ситуация! Тогда моя работа предполагала поиск добровольцев и транспортировку их на отдаленные острова на свой страх и риск. На море я была свободна, но, возвращаясь на острова, я становилась подневольной. Дело в том, что за несколько дней до этого со склада управления пропала тонна топлива для кораблей. Я знала, что это сделал глава управления, проигравшийся пьяница, но я также знала, что вину повесят на меня, как только кто-то с континента заметит пропажу. О пропаже я умолчала. Я знала, что времени у меня лишь до конца лета. Искать справедливости в этой системе нет смысла, а скрыться на Фарерских мне негде. И тут-то я отважилась. Я согласилась отвезти Стефана на остров в обмен на то, что он даст мне укрытие. Политика управления такова, что если команда не возвращается с дальних островов, значит, команда погибла в шторме или при столкновении с айсбергом, поэтому им редко ищут замену. Думаю, они просто решили, что я умерла. И теперь, - Сиф улыбнулась, восхищаясь своей хитростью, - они думают, что меня нет.

- И ты согласилась жить здесь? – спросил Синдри.

- Нет, что ты, я не планировала здесь жить! Мне нужно было пристанище. Я знала, что здесь меня никогда не будут искать, знала, что со мной будет друг, которому, как и мне, некуда идти. Мы со Стефаном нуждаемся друг в друге. Мы одни на всем свете. На этой базе.

- Ты называешь остров базой?

ПРОЗА

- Я торгую полезными вещами. Настолько полезными и редкими, что их либо не найти, либо их запрещают.

- Пиратство? Оно еще существует?

- Я бы назвала это полулегальной торговлей. Я же торгую на море. Ты даже не представляешь, что можно найти на таких вот брошенных и всеми забытых островах. Здесь самая настоящая магия.

- За магией мы и приехали.

- Я знаю, - Сиф налила на дно стакана пурпурную жидкость. – Не хочешь ли ты пить после тяжелого восхождения, Синдри?

- Не отказался бы, - восторженно произнес Синдри. – А что это?

- Сок рябины, - Ахсель встал из-за стола и вышел из помещения.

IV

Сумерки поглощали море. Здесь непривычно быстро темнело, хотя Ахсель уже и не помнил времени. Он смотрел на Стефана: тот натягивал последнюю струну на своей арфе. Струн было, кажется, около сорока или даже больше. Подойдя поближе, Ахсель уловил сказочный звук, какого никогда не слышал. Он был похож на звук гитары на сильном ветру и на дребезжание металлического листа, но ни то, ни другое не могло бы послужить аналогом этого чарующего атласного звука. Арфа манила к себе, издавала то низкие вибрации, напоминающие духовые, то высокие, похожие на пение птиц. Все они звучали одновременно, проплывали по морскому воздуху, и море было идеальным аккомпанементом для этого солиста, поющего на северном ветру.

Стефан снял с себя куртку, свернул ее, положил на землю и сел на нее. Он сидел неподвижно минут пять, когда Ахсель осмелился подойти ближе. Он сел рядом. Глаза великана были закрыты.

«Что же приключилось с таким сильным человеком на суше, что он отправился жить в это Богом забытое место?» - думал Ахсель.

- Аи а ое! – Стефан обратился к Ахселю.

- Я не понимаю.

Великан указал своей белоснежной рукой на море.

- Аи! – глаза Стефана были наполнены детской радостью.

Ахсель посмотрел на море. За считанные минуты серый оттенок севера стал исчезать. На его место стали надвигаться золотистые, потом рыжие, охровые, лиловые оттенки. По атласной морской глади побежали разноцветные разводы. Воздух становился гуще, насыщеннее. В свете заката Стефан напоминал каменное изваяние, выросшее из земли. Время окончательно потеряло значение.

ПРОЗА

«Каждый хочет оставить что-то после себя. Пусть жизнь пуста и однообразна, но непременно должно остаться что-то, что напомнит о тебе. Этим может быть арфа на скале, бессмертный труд, дети, а еще этим может быть память других людей», - подумал Ахсель.

В небе пролетала стая птиц. Они долетели до края моря и полетели обратно, сделав крюк.

Позади раздался смех. Это были Сиф и Синдри.

- Вода закипела. Гости идут мыться первыми. А потом мы поедим, - сказала Сиф. Ее гостеприимство действовало Ахселю на нервы. – Завтра утром мы отправимся в Брайивик.

Ахсель неохотно встал с земли и пошел за Сиф.

V

Ахсель и Синдри стояли под ночным небом. После бани они курили папиросы из кенийского табака, которые дала им Сиф.

- Я не могу взять тебя с собой на Брайивик, - сказал Ахсель после долгого молчания.

- Почему?

- Не могу сказать.

- Ты же обещал!

- Я обещал, что возьму тебя с собой. Но я не обещал, что возьму с собой на Брайивик.

Синдри со злобой пнул землю. Его щеки все еще были красными после бани.

- Что ты отдашь Сиф за эту поездку?

Ахсель молчал.

- Что же? – настаивал Синдри.

- Я поклялся своим братом, что убью ее.

- Кого? Шаманку? Зачем?

- Ты видел Стефана? Он хромает из-за нее. Сиф говорит, что шаманка исполняет лишь самые сокровенные желания. А она не хотела, чтобы он уходил от нее.

- Ахсель, нет! Ты не можешь!

- Я знаю! – Ахсель повысил голос. – И поэтому я не знаю, что мне делать.

- Но даже если так. Как ты докажешь, что ты убил ее?

- Сиф запросила принести ей волосы.

Синдри помолчал.

- Говоришь, на этом острове раньше жили люди?

ПРОЗА

- И что?

- А то, что там, где живут люди, полно волос.

- Нет, это глупости.

- Ты всегда отвергаешь новые возможности!

- Я поклялся тобой, что убью шаманку! Что не ясно? О каких волосах ты мне говоришь? Если я не принесу ей доказательства смерти... - Ахсель прервался.

- Ты слишком честный, Ахсель, - Синдри усмехнулся. - Ты на севере, тут нет благочестивых. Здесь не действуют законы. Возьми меня с собой, прошу. Я знаю, что делать. Возьми меня, и тогда, увидишь, я найду выход. Не молчи! Твое молчание означает согласие, ведь так? Ну, подумай сам: совсем небезопасно отправляться на остров одному! Ведь так? Вспомни, из каких только передрыг я не находил выход. Ведь ты знаешь это мое свойство, Ахсель! Ведь ты поэтому согласился меня с собой взять, я знаю! Твое молчание означает согласие. Хоть кивни.

- Я не хочу принимать такое решение.

- Тогда просто ничего не говори.

Остаток времени они провели молча. Докурив, Ахсель направился к маяку. Синдри последовал за ним.

VI

Раннее утро было чернее ночи.

Плотно позавтракав, братья собрали все самое необходимое и направлялись к судну Сиф.

- Какое темное тут утро, - Ахсель водил взглядом по черной морской глади.

- Самый черный час перед рассветом, - сказал Синдри. Он был в прекрасном расположении духа.

- Неужели тебя совсем не страшит этот остров?

- Смеешься?

Ахсель так и не понял, что имел ввиду его брат. К слову сказать, он вообще редко его понимал. Они с братом никогда не были похожи ни внешностью, ни нравом. Объединяло их лишь упорство, свойственное их народу, да и то было разным. Казалось, Ахсель никогда не совершал необдуманных поступков. Синдри же, наоборот, всегда действовал сиюминутно.

Сиф уже ждала их на судне. Одежды на ней стало еще больше, чем в день знакомства.

ПРОЗА

- Советую вам вздремнуть по пути! – Сиф указала на спуск в каюту. – Вам потребуется много сил!

- Как можно спать в такое время? – возразил Синдри.

- Поспи, - возразил Ахсель, - она права.

- Ты можешь остаться со мной! – Казалось, Сиф молодела на глазах. – Я научу тебя управлять судном! Ты хотел бы этого, Синдри?

Ахсель тяжело вздохнул - ответ брата был предсказуем. Он скинул с плеч рюкзак и спустился в трюм. Он оказался завален вещами не меньше, чем маяк: всюду стояли бочки, ящики, валялись ткани и мешки, набитые черт знает чем. В воздухе пахло благовониями и плесенью.

Старое судно скрипело, шум мотора был чуть менее громким, чем на палубе, однако, упав на кровать, Ахсель уснул почти мгновенно.

Ему снился сон о родном доме, о жене и дочери Астрид. Ему снилось, что Астрид выходит замуж. На ней надето длинное, будто светящееся изнутри, платье из шелка и льна летнего, персикового цвета. Она стоит посреди улицы со своим женихом, лицо которого не увидеть, и все прохожие говорят ей комплименты, а невеста отвечает скромным «спасибо». Ему снилось, как ее мать плачет от счастья. Потом Астрид оборачивается: ее лицо похоже на кошачью маску, но прохожие продолжают говорить ей комплименты. Он видит, как жених целует ее. Ахселю кажется, что он видит будущее.

VII

Солнце опустилось низко. Путь занял почти весь день. Вдалеке виднелись берега – серо-зеленые равнины с редкими ерниками раскинулись на много миль. Берег из черного песка был испещрен глубоко вдающимися в сушу заливами, однако ни гор, ни холмов не было видно – лишь купол льда где-то почти за горизонтом и пара темно-зеленых пятен, напоминавших огрызки когда-то произраставшего леса – таким предстал перед путниками Брайивик. В золотых и пурпурных лучах уходящего солнца он казался сказочным.

- Прекрасный вид, не так ли? – Сиф закурила трубку. – Видел бы это Стефан.

- А почему ты его сюда не привезешь? – спросил Синдри.

- Скоро я непременно покажу ему этот вид.

Берег становился все ближе, и чем больше он приближался, тем спокойнее становилось Ахселю на душе.

- Этот остров успокаивает, - продолжила Сиф, - но ему нельзя верить. Его название переводится как «бухта поэзии», однако это лишь обман. Ты можешь

ПРОЗА

сделать всего пару шагов, но оказаться на другом берегу. Со мной однажды такое было. И это не шутки.

- Ты не пойдешь с нами? – спросил Сиф Синдри.

- Мне не по душе дух смерти. – Сиф помолчала. – Знаете, мне всегда хотелось узнать, как бы Стефан ругался, умеет ли он говорить. Вы знаете, почему Стефан не может говорить? Он был семинаристом-солнечником. Слышали о таких?

Братья отрицательно покачали головой.

- С его болезнью трудно заниматься какой-то другой деятельностью, тем более если ты сирота. Скорее всего родители отказались от него из-за болезни, хотя сам Стефан ничего об этом не знает. Вы знаете, в то время была война. Солнечников обвиняли в пособничестве ольстерцам, что не удивительно, ведь большинство солнечныхников – ольстерцы. И Стефан попал под облаву. Ему отрезали язык и привязали к дереву под палящим солнцем. После этого оставаться на Фарерских островах он не мог. Он пытался участвовать в программе натурализации, однако ольстерцам с Фарерских в Ольстер пути не было, и об этом знали все – солнечники априори считались предателями.

- Отвратительно, – сквозь зубы произнес Ахсель.

- Такова жизнь, – лицо Сиф на мгновение изменилось. – Стоит ли жить в мире, в котором тебя могут убить за цвет твоей кожи или за то, что ты молишься солнцу, надеясь на исцеление? Этот мир можно только использовать, и использовать так, как удобно тебе самому и только тебе.

Тем временем судно причаливало к берегу. Перед глазами путешественников проносились обледеневшие болотистые поля и небольшие островки леса. Судно остановилось около чудом уцелевшей густой рощи неподалеку от берега. Лодка была спущена на воду.

- Здесь я видела ее в последний раз. Она вышла из леса. – С этими словами Сиф спустилась в трюм. Вернувшись, она держала в руках винтовку.

- Берегись песцов и волков, – она протянула оружие Ахселю. Ее губы снова растянулись в улыбке. – Я вернусь вечером, через один день, на это же самое место, где вы оставили лодку.

Сиф проводила мужчин взглядом.

VIII

Лодка братьев причалила к берегу.

- Делай что хочешь, я отправляюсь в лес, – Ахсель повесил винтовку на спину.

- Возьми меня с собой, брат!

ПРОЗА

- Нет. И не смей мне возражать. Я отправлюсь один, а тебе советую не уходить далеко.

Ахсель ступил в лес. Синдри продолжал что-то кричать ему в спину, но тот его не слышал.

С берега роща казалась куда меньше. Она становилась все гуще и переходила в настоящий лес. Чем дальше Ахсель заходил в лес, тем меньше звуков он слышал и запахов ощущал.

Вечер наступил стремительно. Буквально за несколько минут в лесу не осталось ни одного лучика света. Ахсель бродил по, казалось, бесконечному безмолвному пространству цвета самой темой ночи. Лишь огоньки под ногами освещали путь – весь лес был усыпан крохотными кустиками растения, похожего на клевер, а лепестки его блестели, словно россыпь искр, отчего во тьме земля напоминала ночное небо.

Чувство времени покинуло Ахселя. Тот хотел было сделать привал и развести костер, как, стоило ему остановиться, за его спиной раздался шорох. Ахсель попытался присмотреться, но ничего не увидел в ночной тьме.

Ахсель набрал немного хвороста и сумел развести небольшой костер. Даже в юности, отправляясь с отцом в лес, он не видел такой всепоглощающей тьмы. Первобытный, неуправляемый страх будто бы крался по его стопам, будто бы сотни невидимых глаз устремились в спину путника. Казалось, лес дышал страхом, словно воздухом. Чтобы отвлечься от наваждения, Ахсель старался думать о доме и дочери.

«Больше месяца я был в пути. Интересно, что изменилось за это время в Кэркуолле? – думал он. - Наверное, ничего. Там никогда ничего не меняется. Только люди приходят и уходят. А, может, случилось чудо и Астрид здорова? И что это за болезнь? Болезнь ли? Ведь на Фарерских тоже были такие случаи. Говорят, «львов» где-то считают святыми. Но кто же захочет быть с ней, даже если она доживет до зрелости? Разве что циркач заберет ее к себе в труппу. Нет, это не может быть нормой. Никогда. Никогда».

Ахсель подобрал еще хвороста в свой костер.

«Синдри слишком сдружился с этой Сиф. Глупая женщина! Она говорит с ним так, будто хочет взять его на воспитание. Но кому же он нужен? С его повадками ему прямая дорога в мошенники и контрабандисты. Когда отец умер, я стал воспитывать его, учить всему, что знаю, но что ему в итоге пригодилось? Он ничем, ничем не похож на меня! Даже внешность у него черт знает от кого. Он не знает ни одной науки, ни одного ремесла так и не освоил. Одни лишь приключения у него на уме, он в них как рыба в воде. Приключение всей жизни – вот что он говорил тогда, у Бримирсона. Он еще просто не знает

ПРОЗА

ни страха, ни ответственности! А что, если он уйдет? Что, если он, узнав о море и землях, решит навсегда расстаться с родными краями? Это же неправильно! Так нельзя! И поездка эта была ошибкой, ведь это, может, и не болезнь, и стоит ли это жизни человека, даже такого одичавшего и неприкаянного, как эта шаманка? И стоит ли это моей жизни, если вдруг что-то пойдет не так? Все уже идет не так, с самого начала, и «как надо» быть не могло изначально».

С каждой минутой становилось все холоднее. Ахсель не заметил, как сознание покинуло его и он провалился в холодный, влажный сон.

IX

Ахсель проснулся на земле. От холода стучали зубы. Костер, который он разжигал, уже давно погас, а ноги вмерзли в болотистую землю. Он не понимал, сколько он спал и какое сейчас время суток.

Ахсель хотел пошевелиться, как почувствовал что-то теплое, что касалось его уха. Ахселя сковал ужас: кажется, это был старый, голодный волк, который, вероятно, преследовал его все это время, и сейчас он дышал мужчине в ухо. Ахсель не смел двинуться с места. Волк, видимо, счел Ахселя легкой добычей, изголодавшей и ослабшей жертвой, он из последних сил кусал шею мужчины, пытаясь прогрызть толстый слой одежды.

Ахсель резким движением попытался оттолкнуть волка, но тот лишь сильнее впивался в шею. Голодный, замерзший, уставший мужчина, который, как ему казалось, вечность бродит по Богом забытому лесу, не мог сделать ничего, кроме как попытаться встать на ноги и взяться за винтовку. Резким движением Ахсель повалил волка в иствлевшие, но сохранившие жар угли. Тот заскулил, но лишь на немного ослабил хватку, однако этого было достаточно. Ахсель вырвался из цепких клыков, схватил винтовку и попытался выстрелить в хищника. Раньше ему не приходилось стрелять, и пока тот возился с устройством орудия и прицеливался, волк сумел скрыться в непроглядном лесу. Ахселю ничего не оставалось, кроме как стрелять наугад, дабы хотя бы напугать зверя.

Внезапно за чередой выстрелов последовала еще одна череда выстрелов, не принадлежавшая мужчине. Ахсель прижался к земле, в ужасе пытаясь понять, кто бы мог в него стрелять, но понимал, что не находит этому объяснения. Гул выстрелов быстро растворился в тишине.

Проведя бесплодный день и бессонную ночь, Ахсель продолжал бродить по лесу, который, казалось, не кончался. В какой-то момент он пытался оставлять следы в виде поломанных веток и зарубок на деревьях, но это оказалось столь же бесполезно, как просить дневного света у луны, да и той не

ПРОЗА

было видно за толстым слоем черных облаков. Ахсель пытался сориентироваться по солнцу, но сколько бы он не ждал восхода, тот не приходил. Ахсель чувствовал, что волк все еще преследует его по запаху крови.

Потеряв надежду, Ахсель сел на упавшее дерево.

«Господь, молю тебя, заклинаю, прости мою глупость и невежество, по вине которых я на все это согласился, - молил Ахсель. - Астрид, любимая Мэл, Синдри, простите мне мою глупость и мое поражение. Не знаю, болезнь это или нет, чудо или наказание, но ведь не это делает любимых нелюбимыми! Ведь главное, чтобы человек был счастлив, и ведь счастье возможно всегда, в любой ситуации счастье возможно, даже если, по мнению других, счастье невозможно. Бедный Синдри, уплыл ли ты вместе с Сифф обратно на остров? Надеюсь, что да. Господи, заклинаю, дай им всем счастья, счастья такого, какого они себе пожелают. Я всегда верил в себя, но сейчас я потерял веру. Господи, пощади! Прошу, выведи меня отсюда!»

Произнеся про себя последнюю фразу, Ахсель уловил еле ощутимый запах гнилого дерева. Он появился столь внезапно, что показался чудом. Ахсель встал, пытался осмотреться, и, проделав пару шагов, увидел еле сияющий солнечный диск. Внезапно деревья стали расступаться. Сделав еще пару десятков шагов, Ахсель оказался на черном песке. Всего в нескольких десятках метров от него плескалось море. Около лодки, как ни в чем не бывало, сидел Синдри и уплетал копченую лососину. Его рыжие волосы переливались в свете садящегося солнца. Увидав брата, Ахсель не поверил своим глазам.

- Ахсель! – вскрикнул Синдри, направляясь навстречу брату. – Что с тобой стряслось?

- Не иди сюда! – кричал ему Ахсель.

- Ахсель! – Синдри подбежал к брату. – Что с тобой было? Ты ее видел?

- Нет! Почему ты не уплыл с Сифф? Идиот! Ты должен был! Идиот!

- О чем ты? Прошло всего два дня! Ахсель, я видел ее! Видел шаманку!

- Что ты пожелал?

- Ничего.

- Не ври мне!

- Я пожелал просто ее увидеть, и она пришла. Я ел лососину, и она пришла. Я не знаю, чего еще я желал.

- Не может быть...

- Я шел по окраине леса, выискивая старое поселение. Ахсель, я видел развалившиеся избы и церковь! Так вот, уже темнело, и я сел на привал, как вдруг в лесу я увидел столб белого света, плывущий в воздухе. Он то появлялся, то исчезал. Я присмотрелся и увидел рядом с ним крохотный

ПРОЗА

черный силуэт человека, который издали был похож на мотылька. Потом черный человек-мотылек стал приближаться. Перед ним шел столб света. Я понял, что мотылек вовсе не мотылек и не бабочка. Это была маленькая женщина, не то ребенок, не то старушка, чуть выше нашей старухи Хедвиг. Она была покрыта шерстью, а по ее лицу будто ползали змеи. И лишь потом я понял, что это вовсе не змеи, а узоры, похожие на много-много цепочек из колец. Они плыли по ее лицу и рукам. Она остановилась на границе между опушкой и поляной. Она говорила со мной, Ахсель! А за ее спиной стоял длинный, метра четыре в высоту, белый силуэт, которого она называла Наставником. Она говорила мне об острове и о том, что она была последней, кто здесь родился, что ее родители заключили последний на острове брак, и что живет она здесь уже очень давно, и что люди никогда не будут здесь жить снова, и что знает она все это от земли и узнает здесь и сейчас. Она говорила мне о мире и числах, а еще она показала на море и сказала, что там я найду свою судьбу. Она сказала, что она не вечна, а еще, что она не одна.

Ахсель смотрел на Синдри неотрывным взглядом. Казалось, смысл слов Синдри растворялся в воздухе, не доходя до ушей.

- Ты меня слышишь, Ахсель?

- Я не понимаю... Почему ты?

- Я могу лишь предполагать. Давай об этом позже. Сейчас тебе надо восстановить силы и обработать рану.

Братья сели на берег. Увидев еду, Ахсель понял, что за все это время он не съел ни крошки. С огромным аппетитом он уплетал все, что было взято с собой. Копченая лососина еще никогда не казалась ему такой вкусной, а вода - сладкой.

Вскоре начала надвигаться ночь.

«А вдруг она не приплывет?» – спрашивал себя Ахсель.

Изредка по морю проплывали ледяные острова. Видимо, они приплывали откуда-то издалека. По черному песку пробегали птицы, клевавшие мелких морских созданий, выброшенных на берег.

Из-за горизонта появилось судно. Оно приблизилось к берегу, остановилось, и громкий женский голос прокричал:

- Скорее на борт! Тут полно льда!

Мужчины сели на лодку и направились к судну.

Поднявшись на борт, Сиф протянула мужчинам чашки с отваром:

- Это снимает усталость.

Мужчины отпили кислое снадобье.

- Ахсель, ты видел ее?

Ахсель молчал.

ПРОЗА

- Ты видел ее, Ахсель? – Сиф повторила вопрос.

- Нет.

- Лицо Сиф потеряло бывшее дружелюбие.

- Ты врешь мне.

- Клянусь братом, я не видел ее! Лишь бесконечный лес, по которому бродил черт знает сколько дней или недель. А Синдри... Синдри ждал меня около берега.

Сиф перевела взгляд на Синдри:

- Где ты был все это время, Синдри?

Синдри глянул на брата.

- Я был недалеко от побережья. В лес я не заходил.

- Ты, правда, все это время не заходил в лес?

- Клянусь, это правда.

- Сиф, прости, но она так и не появилась передо мной, - Ахсель пытался выразить сожаление. Сиф поджала губы. Ее лицо стало значительно старше.

- Я вам верю. Эта настойка не дает соврать. По крайней мере, так говорят. Ну, что же, вы наверняка хотите отдохнуть. Синдри, помоги брату, отнеси его рюкзак вниз.

Не успел Ахсель что-то сказать, как Синдри схватил рюкзаки и побежал в трюм. Ахсель ступил за братом, но Сиф положила руку на его плечо и прошептала на ухо:

- Знай, Ахсель, ты его потеряешь, – ее голос напоминал шипение змеи. По спине Ахселя пробежал мороз. – Отдыхай, дорога будет опасной, - Сиф направилась к штурвалу. Резким движением она закрыла за собой дверь.

Х

- Путешествие всей жизни, не так ли? – глаза Синдри горели от восторга. – Уже утром мы будем на маяке. Правда, здорово?

- Не знаю, - Ахсель перебирал вещи и отвечал, не поднимая глаз.

- А потом мы отправимся на Фарерские! Нам про них уже столько рассказывали! Наверняка Бримирсон расскажет еще больше. Разве тебе не интересно, Ахсель?

Ахсель молчал.

- Ахсель? – переспросил Синдри.

- Не доверяй ей, - голос Ахселя приобрел командный тон.

- Ты о чем?

- Опасайся этой старухи.

- Но почему?

ПРОЗА

- Ты еще глупый, ты не знаешь ее.
- А ты ее знаешь?
- Я знаю жизнь.
- Ты не знаешь такой жизни.

Ахсель не стал спорить с братом. Он знал, что Синдри все равно его не услышит. На тело Ахселя вновь накатила усталость. Он лег на настил и повернулся к стене. Легкая боль пульсировала в шее, но это совсем не беспокоило мужчину.

«Каждому свое», - подумал он и провалился в сон.

XI

Летние лучи солнца падали на персиковую ткань. Казалось, платье Астрид светилось изнутри. Прохожие, шедшие по главной улице, останавливались, чтобы поглядеть на первую девушку-льва, выходящую замуж. Далеко не всем это было по духу, но каждый желал сказать невесте доброе слово: полагали, что это дает удачу.

Ее жених был старым другом Синдри, приплывшим в Керкуолл на рыболовецком судне «Брайивик» шесть лет назад. Самого же Синдри в Керкуолле видели редко с тех пор, как он отправился с братом в путь, а вернулся лишь через три года, уплыв ранним утром с пираткой, пока брат спал. Ту пиратку никто не видел, однако все знали, что она дала Синдри единственное ремесло из ему доступных – ремесло выживания в тех условиях, в которых другие выжить неспособны.

«Как это возможно? - думали местные зеваки, смотря на невесту. – Не может быть, чтобы она дожила до восемнадцати, да еще и нашла жениха! Не может быть, чтобы «львы» стали равны людям!».

Жених поцеловал невесту.

Ахсель проснулся. Его толкала женская рука.

- Ахсель, просыпайся. Сегодня у нашей дочери событие всей жизни!

Ахсель подумал, что все еще спит.

ΠΡΟΖΑ

ДЕБЮТ

Степан Рыкунов

Генрих

Генрих оглядел лежащий перед ним город. Давно он сюда не возвращался, но работа наконец привела его в родной Анамар. Ему приходило много заказов отсюда, хоть он и постоянно отказывался. До этого дня - заказчик был большой шишкой и мог рассказать хоть что-то о его личной цели. Кроме того, письма бы не остановились, пока он не принял один из вызовов. Ничего с этим не поделаешь - ремесло охотника на демонов любит раскапывать старые кости. Ухмыльнувшись своим мыслям, старик твердым шагом направился к городу, откуда его изгнали двадцать лет назад.

Анамар совсем не изменился. Все те же грязные улицы, бродяги, прячущиеся в темных переулках и готовые прыгнуть с ножом на каждого встречного, презрительные взгляды горожан, знающих все о Генрихе и его преступлении. Но его это не беспокоило. Никто не осмелится его тронуть. Они вызвали его, а значит, у них не было выбора. Им нужен был охотник. Генрих мог бродить по самым опасным улицам, не скрывая лица.

Заказчик должен был ждать на главной площади, где стоял давно высохший фонтан. Сегодня там было много людей. В центре толпы стояла клетка с тощими детьми и взрослыми, а народ кричал и бросал в них камни. Рабы. Их покупали богачи, а остальные издевались прямо так, при свете солнца. Генрих увидел как минимум троих человек, ублажающих себя и выплескивающих свое нечистое семя на лица и лохмотья пленных.

Это не его дело. Генрих отвернулся и стал искать заказчика. Тучный мужчина с засаленной бородой стоял у забора вокруг фонтана, а рядом с ним сидел привязанный на поводок мужчина-раб в женской одежде.

- Цель? - хрипло спросил охотник, подходя к толстяку. Генрих башней возвышался над грязным уродом.

Толстяк посмотрел на него, как на очередного раба или бродягу. Но, несмотря на все его деньги и власть в Анамаре, может даже в стране, ему все равно не хватало смелости пойти против охотника.

- Не знаю, - сказал заказчик. - Какая-то тварь ворвалась в мой сад и разорвала моего кота в клочья. Сожрала почти целиком, остались только кусочки да косточки. Котьяра был дорогуший, белый, толстый. А эта штука пришла и сожрала его! Я не успокоюсь, пока не увижу голову этой твари!

- Хоть какие-то зацепки?

ДЕБЮТ

- Говорят, тварь убежала на юг от города, - прокряхтел толстяк. - Там есть лачужка, где лесничий жил, ты-то точно знаешь. Помер лет пять назад, как-то так.

Генрих знал. Старый хранитель леса был единственным, кто дал ему убежище в тяжелые дни его изгнания. Если демон сидит там, проблем быть не должно. Лачуга маленькая и хлипкая, прятаться там негде. К тому же эта штука напала всего лишь на зажавшегося кота, вместо людей, так что сам демон должен быть довольно мелким. Работа будет легкой. Генрих ожидал большего.

- Сколько платишь? - спросил охотник.

- Пятнадцать сойдет? - хмыкнул толстяк.

Генриху хватило одного взгляда, чтобы убедить богача повысить цену до сорока. Это было уже лучше. Кивнув, Генрих поправил пояс с мечом и зашагал в сторону леса. Многие заказы из Анамара в последние дни говорили об убитых птицах и питомцах. Несколько раз они находили труп бродячего ребенка. Кем бы этот демон ни был, он охотился на слабую и мелкую добычу. Старый охотник уже начал сожалеть о своем возвращении - с этой тварью мог разобраться любой, даже новичок. Но у него были и свои причины посетить родной город, несмотря на ненависть горожан.

Генрих терпеть не мог Анамар. Этот город был ему противен, вызывал тошноту одним своим названием. Но было одно место, не дающее ему выбросить родину из головы. Работа была лишь прикрытием, на самом деле он вернулся к этому святилищу, последнему монументу его прошлой жизни. Тех времен, когда у Генриха еще была воля к жизни.

В нескольких десятках шагов от стен города был засыпан листьями небольшой бугор земли. В когда-то свежей почве стоял деревянный меч. Сейчас он уже покосился и прогнул, но все еще можно было разглядеть тонкую надпись, вырезанную на его клинке. "Адольф."

Сколько уже лет прошло с тех пор, как Генрих вонзил этот меч в землю... все так изменилось. Тогда он был опустошен, не знал, что будет дальше. Он хотел скрыться от всего мира, раствориться во тьме, исчезнуть раз и навсегда. Шрамы на руках постоянно напоминали об этом. Сейчас же он изменился, он больше не искал тьмы и забвения. Тьма нашла его.

Генрих сел на колени перед сыном и вздохнул. Он покачал головой и сказал:

- Как ты, Адольф? Надеюсь, у тебя там все в порядке. Я вот все еще охочусь. Как-то живу, на еду и кров хватает. Вообще, я сюда по работе пришел, знаешь. Говорят, какой-то мелкий демон завелся в доме лесничего. Помнишь его? Старый Людовик? Хороший был мужик, ничего не скажешь. Этот демон

ДЕБЮТ

на мелочь охотится, надолго я не задержусь. Ты уж прости, сегодня я без подарков.

Генрих провел рукой по деревянному мечу.

- Я зайду перед уходом, - шепотом пообещал он. - Ты там держись.

Близилась ночь. Лучшего времени охотиться и не придумаешь. Демоны просыпаются ночью, и Генрих любил сражаться с врагом на равных. Ни разу за свою карьеру он не убил спящего демона. Охотники, ждущие рассвета, чтобы напасть на незащитного противника, не заслуживают своего титула.

Лачуга была недалеко от могилы Адольфа. Вокруг нее было еще темнее, чем в остальном лесу. Казалось, присутствие демона сгущало тьму, приманивало ее, как запах мясного пирога приманивает бродячих котов и псов. Это было верным знаком силы демона. Может, он был еще молодым и неопытным, но дай ему вырасти - и он станет угрозой для всей страны. Нужно было покончить с этой штукой сейчас.

Подходя к дому, Генрих обнажил меч, готовясь к битве. Скорее всего, он сможет покончить с демоном одним ударом. Нужно только узнать, что это такое, и найти его слабость. В крайнем случае удара в сердце должно хватить. Если, конечно, оно у него одно и в нужном месте. Однажды Генрих уже совершил подобную ошибку и поплатился за это правым глазом.

Охотник покачал головой. Хватит топтаться на месте и вспоминать старые дни. Пришло время браться за дело. Покрепче схватившись за рукоять меча, Генрих подошел к двери хижины и медленно отворил ее, готовясь отразить любое нападение.

Но ничего не случилось. Никто не прыгнул на него. Дверь открылась в море густой, непроглядной тьмы, в дальнем углу которой легко было заметить пару горящих красных глаз. Вот он, демон. Размяв плечи, Генрих сделал два шага вперед, все еще ожидая прыжка. По-прежнему ничего. Напротив, существо отползло еще дальше в угол, съежившись перед высоким воином, освещенным луной. Генрих пригляделся поближе и остановился на месте.

Это был доврак. Похожий на человека, не считая мелких деталей, которые они скрыть не могут, - проблески их настоящего облика. Рога, когти, горящие глаза... Этот выглядел, как маленькая девочка. Довраки бесполое, и принимают облик того, кто им больше нравится. Она была совсем еще ребенком, как по виду, так и на самом деле. Генрих чувствовал, что она была молодой, даже слишком. Ей было не больше двух лет, хотя на вид она казалась девятилетней.

Охотник осмотрел пол вокруг. На нем лежали разорванные тела белок и крыс. В другом углу лежали два тела покрупнее. Генрих подошел к ним и

ДЕБЮТ

внимательно разглядел. Сперва он решил, что это были люди, но потом заметил все те же проблески, что и у девочки.

Довраки. Скорее всего, ее родители.

- Вот оно что, - сказал Генрих самому себе, поворачиваясь обратно к демону. - Ты сирота. Совсем одна, да?

Тех двоих точно убили солдаты или охотники - на них напал мечник. Возможно, они успели спрятать детеныша.

- Ты не хотела причинять вред, верно? - тихо спросил старик, садясь на колени рядом с довраком. - Просто пыталась выжить. Я понимаю тебя.

Он убрал меч в ножны. Страх на лице девочки слегка ослаб.

- Все в порядке, - продолжал Генрих. - Мы с тобой похожи. Я знаю, каково тебе. Я не стану убивать тебя.

Он и сам не понимал, почему делает это. Он убивал детенышей и раньше, но в этот раз что-то внутри заставило его остановиться. Он мог понять чувства демона, но не самого себя. Должно быть, это одна из тех странностей стариков, о которых он слышал.

Генрих протянул девочке руку в кожаной перчатке.

- Не бойся, - сказал он. - Все в порядке.

Доврак замешкалась, но потом все-таки подползла к нему ближе. Было видно, что она не могла двигаться на двух ногах. Она была совсем голая и худая, ее тело покрыто царапинами и шрамами, один из которых пересекал все ее грязное лицо. Черные, запутанные волосы падали до самого ее пояса. Она все еще боялась, но гораздо меньше. Испуг стал уступать место любопытству.

Что-то вновь щелкнуло внутри Генриха. Он уже понял, что не сможет занести меч и убить ее. Но он так же не сможет оставить ее здесь. Другой охотник может прийти и зарезать, даже не замешкавшись. Или, еще хуже, ее поймут работоторговцы. Кто знает, что в Анамаре сделают с ней.

Нет. Здесь было слишком опасно. Генрих снял с себя походный плащ и осторожно набросил его на плечи девочки.

- Ты пойдешь со мной, - сказал он. Доврак могла только смотреть на него в недоумении.

Что я делаю? - подумал охотник. - *Верно, старость в голову ударила.*

Он мягко поднял демона с пола и понес ее к выходу. Давно уже он не касался чьего-то тела так нежно.

Солнце начало подниматься, пока Генрих стоял у могилы сына. Доврак тихо сидела рядом с ним.

- Адольф, - вздохнул старик. - Скажи, правильно ли я поступил? Этот демон... эта девочка... у нее никого нет. Может, я просто обманываю себя, и

ДЕБЮТ

следующей же ночью она порвет мне брюхо, - он усмехнулся. - Я не знаю. Старый дурак. Но я не могу ничего поделать. Я просто не могу бросить ее. Адольф... сын мой... надеюсь, ты поймешь меня.

Он опустил взгляд на девочку. Она свернулась клубком на ковре листьев и тихо сопела. Генрих поднял ее с земли и с трудом оторвал взгляд от ее спящего лица. Он должен выбрать ей имя...

Сани. Выбор показался ему очевидным. Имя великой богини тьмы, жаждущей уничтожить все живое, и обреченной на жизнь с людьми и зверями. Имя богини, изменившей свой взгляд на мир и ставшей помогать ему всеми своими силами. Сани. Другого выбора быть не могло.

К тому же, звучит неплохо. Да, именно так.

- Сани, - прошептал Генрих, пробуя имя на вкус.

Кивнув, он пошел в сторону рассвета, как можно дальше от Анамара. Куда-нибудь, где будет безопаснее.

И впервые за долгие годы он улыбнулся от всей души.

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

Дмитрий Перегудов

Рекламная пауза

Я все еще бежал по широкому белому коридору станции, но уже понимал, что опоздал.

И действительно – цилиндрической формы хвостовой вагон уже скрывался в зеве тоннеля. С тихим лязгом сомкнулись створки безопасности, выкрашенные черными и желтыми полосами. Вот ведь... даже слов никаких не находилось.

Я оказался отрезанным от Спального Улья. И если бы пару дней назад не обвалился пеший тоннель, который до сих пор не восстановили, хотя народ вроде ясно высказался. Нет, это раздолбайство техников, и их обязательно пропесочат на следующем Совете...

Ничего *сейчас* не поделаешь – все поезда ушли на техобслуживание и снова начнут движение только в 5 утра. Так что – либо провести ночь в Центре, либо идти по поверхности... через Паузу.

Нет, только не это. Лучше уж взять ячейку в каком-нибудь Хабе временников.

Я стоял на платформе у заблокированного тоннеля и думал о том, что давно уже пора Городу проголосовать за то, чтобы сделать движение поездов круглосуточным. Пусть каждая станция устанавливает свой график техобслуживания, а не все одновременно от 0:00 до 5:00. Или надо восстанавливать переход.

Нет, возьму сейчас терминал и подниму этот вопрос. Сейчас не времена корпоратов.

Все-таки мне не хотелось ночевать в ячейке. Все эти Хабы военных времен были слишком спартанскими. Тогда-то ясно: ресурсов мало, энергии мало, корпораты наступают. Но сейчас?

Тут я заметил, что на платформе оказались еще какие-то люди. В той же ситуации, что и я.

Среди них была темноволосая женщина с плоским лицом и раскосыми глазами, носившая белый комбинезон кибертехника.

- Вы видели поезд? – спросила она меня.

- Да. Ушел как раз передо мной.

Женщина досадливо покачала головой.

- Мне нужно домой.

- Как и всем нам, - подал голос кто-то на платформе.

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

Это оказался тощий трансген с вытянутой и сплюсненной головой. Широкая черная одежда на нем переливалась под лампами.

- Вы не понимаете. В моей ячейке важная вещь. Я должна быть там через час.

- Можно обратиться к службе. Для нас поезд могут снова запустить.

- Это если крайняя необходимость, - сказал трансген скучным тоном. – А у нас таковой нет...

Женщина казалась обеспокоенной. Явно чем-то большим, чем простое неудобство ночи, проведенной в Хабе.

- Что такое? – спросил я.

Она ответила, очень тихо:

- Там моя дочь. Ей нужен специальный уход. Знаете, все эти послевоенные болезни...

Я знал. Она явно не хотела подробнее говорить об этом. В конце концов, мое детство пришлось на конец войны. И я был из тех детей, которым повезло.

- Могла бы отдать ее в больницу. Знаете, золотистый сектор. Наверное стоило так сделать.

- Может быть...

Что тут можно сказать?

- А вас как зовут? – вдруг спросил я.

- Чжэнь Ши.

- Евгений Фай-Захур, - представился я.

Потом я отправил запрос на поезд с ручного терминала. Но система оказалась заблокированной.

- Это все ионный шторм наверху, - пояснил трансген. – Ретрансляторы не работают.

- Что же тогда делать? – спросил я.

Трансген пожал плечами.

- Можно добраться до самой Оси. При отключении Сети должны собрать временный комитет по городским делам.

- Идти через пол Центра, - сказал трансген.

- Но внутренние транспортные кабины должны работать, - заявила Ши. – И вертолеты.

- Они не полетят через Паузу.

У этого трансгена явно был пессимистический склад ума...

- Мы можем пройти через Паузу пешком, - произнес незнакомый голос.

За все это время людей на платформе стало больше.

С нами заговорил шимпанзе, один из “поднятых”. Он носил старомодный серый костюм и пенсне. Скорее всего, ученый или инженер высокой категории. Среди этой братии такая мода. Даже мои коллеги частенько заказывали у

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

фабрикаторов что-нибудь этакое, довоенное. Сам-то я предпочитаю комбинезоны.

- Никто не ходит через Паузу! – тут же вскинулся трансген.

- Кое-кто ходит, сталкеры.

- Знаю, есть в Сети их видео.

- Конечно, - произнес шимпанзе. – Сталкеры пользуются вот этим.

Он вытащил из кармана электрожектор милицейского образца. Нажал на кнопку у рукоятки, и на цилиндрической рабочей части устройства затанцевали синие искры.

- Я исследую Паузу, - сказал он. – Доктор Януш Чинков, к вашим услугам. Могу проводить вас до Спального Улья.

- Те твари уязвимы к электромагнитным полям? – спросил я Чинкова, хотя тоже не раз смотрел записи скитальцев через Паузу. Жутковато, но ничего особенно опасного там не было.

Жители нашего Города уже десятилетиями боятся Паузы. Может, поэтому ее до сих пор не уничтожили, несмотря на все неудобства. И не только потому, что раньше там был один из символов врага – Рынок. Еще и из-за того, кем эта территория сейчас... если можно так сказать, населена.

На видео из Паузы редко можно их заметить. Это и понятно – сталкеры не дураки и не суются в логова. Но все же...

- Я согласна, - сказал Ши.

И повернулась ко мне.

- Вам не обязательно идти, - сказала она.

- Сталкеры ходят через Паузу, - отозвался я. – Почему мы не можем?

Я ободряюще улыбнулся Ши.

Не то, чтобы я не боялся. Ведь поначалу сразу же отмел мысль о подобном походе – вот как глубоко во всех сидит этот страх. Тем не менее, Чинков внушал уверенность. Но не только поэтому я пошел. Были и другие причины.

* * *

Чинков предложил присоединиться к нам остальным собравшимся на платформе.

Большинство, в том числе давешний трансген, выбрали Хабы. Согласился бледный темноволосый мужчина в черной куртке из пластака и женщина в сером синтепластовом балахоне.

Позже к нам присоединился еще один трансген с огромной луковицеобразной головой, поддерживаемой металлическим экзоскелетом. У него оказался еще один электрожектор.

- Я из сталкеров, - проскрипела вертикальная ротовая щель в центре лица.

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

- Отлично! – отозвался шимпанзе.

В таком составе мы и выдвинулись.

На поверхность через бесчисленные уровни Центра вела косая шахта. Вся эта инфраструктура во многом оставалась наследием корпоратов, хотя и была перестроена Городом. Редкие багровые лампы едва рассеивали царящую здесь тьму.

Наконец, мы добрались до внешних ворот. По сигналу с терминала створки разошлись, открыв шестиугольный проем в Паузу. Я смотрел на нее впервые своими глазами.

Это была широкая проплешина, простирающаяся между Центром и Спальным Ульем. Нужный нам район светился своими циклопическими конусами не так далеко впереди. Хотя, огней было немного – все-таки Улей спал.

И я взглянул на то, что лежало прямо перед нами. Это были улицы, стоявшие заброшенными с самой войны. В прежние времена здесь властвовали вещи, незнакомые новым поколениям, – деньги, бизнес, реклама...

Над погруженными во мрак угловатыми строениями появлялись и исчезали вспышки, световые пятна, с трудом различимые контуры.

- Вот они, - произнес Чинков сосредоточенным тоном.

Я кивнул.

Мы теряли время, нужно было идти. И мы углубились в Паузу. Ворота закрылись.

Стены зданий ожили. На них появились мелькающие пиксели, пытающиеся собраться в изображения. Но изредка я все же различал изображения древней рекламы. Они были искаженными, уродливыми, давно ставшими пародиями на себя.

- Они почувствовали потенциальных покупателей, - усмехнулся Чинков.

- Насколько... оно разумно? – задала вопрос Ши.

- В прежние времена рекламные программы были очень разумны. Они могли собирать данные о покупателях и сами редактировать себя. Но об этих не стоит беспокоиться – они не могут сходить со стен.

- Но есть те, которые сходят, - встрял в разговор трансген-сталкер.

- Да.

Все слышали о них, но почти никто не сталкивался.

- ГРП, - продолжил Чинков свою лекцию. – Голографические рекламные программы. Их создали почти перед самой войной. И почти сразу они стали проблемой...

- Можно потише, - предложил темноволосый. – Они могут услышать. Ведь могут?

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

- Могут, - кивнул шимпанзе. – Они вообще многое могут, эти ГРП. Но не стоит беспокоиться.

- Не стоит?

- Ага, - Чинков снова усмехнулся. – Нас все равно обнаружат, рано или поздно. На то и электрожекторы.

И тут они возникли, сразу несколько десятков. Голограммы появились из-за угла, спеша к нам судорожными рывками. Надо признаться, я не был готов к их виду.

Я был уверен, что эти ГРП не должны были так выглядеть. В представшей перед нами толпе светящихся образов не было ни одного похожего. Вот сексуальная девушка в купальнике и с молотком вместо головы. Вот поросший шерстью кусок ветчины на паучьих лапах. Вот какой-то невообразимый гибрид культуриста и древнего автомобиля.

Они несли окрошку из неподходящих друг другу слов. Только одно из них всегда повторялось:

- ПО-КУПАЙТЕ!

- ПОКУ-ПАЙТЕ!

- ПКПАТ!

Я чувствовал исходящий от них запах озона.

- Осторожнее! – Чинков впервые повысил голос.

Какой-то тяжелый предмет просвистел в сантиметре от моей головы.

Одна из ГРП подняла с мостовой кусок металла и снова запустила им в нашу группу.

- КУ-ПОК! – закрипело из рта с ножами вместо зубов.

Чинков активировал свой электрожектор и ударил по врагам. ГРП завизжали и пошли рябью.

Когда они убрались, мы бросились через Паузу кратчайшим путем. Теперь вожделенные конусы Улья казались слишком далекими. Но через десять минут такого форсированного марша, нам пришлось перевести дух.

Светящиеся панели на зданиях с трудом разгоняли ночь. Где-то высоко в небе все еще бушевал ионный шторм. Настенная реклама едва реагировала на наше присутствие.

- Как они?

Чинков не удержался от еще одной лекции:

- Взаимодействуют с твердыми объектами? Легко. У них же электромагнитное поле. Его можно усилить до достаточного уровня в нужном месте. Когда Рынок разбомбили, ГРП остались. Они самосовершенствовались, конкурировали за источники энергии, перемешивались.

- Можно с ними договориться? – спросил я.

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

Чинков покачал головой.

- В ГРП никакого сознания, естественно. В них заложили некоторый категорический императив – заставить покупать определенные продукты любым способом. Еще в первые месяцы работы голограммы начинали преследовать людей, пока те не покупали нужный товар. Трудно сказать, как теперь все изменилось.

Мы снова пошли. Чинков несколько раз записывал какие-то данные с помощью какого-то незнакомого мне прибора. Иногда мы замечали неподалеку светящиеся фигуры.

Я как-то внезапно осознал, что отряд прошел уже большую часть пути – уже виднелась линия красных огней на внешней стене Спального Улья. Но голограммы не отпустили нас так легко.

Они снова объявились у самых ворот в Улей. Их стало больше. Уже потом Чинков предположил, что ГРП обменивались информацией, и весть о нас разнеслась по всей Паузе.

Чинков и трансген-сталкер использовали электрожекторы. Снова одичавшая реклама отступила.

- Наверное, ионный шторм ослабляет их, - сказал шимпанзе, выключая свое оружие.

- Давайте быстрее! – крикнула Ши.

Она уже открывала ворота за нашими спинами.

ГРП провожали нас взглядами, когда мы отходили. Они выстроились у линии, где заканчивалось действие голографических проекторов Рынка. Я вздохнул с облегчением, когда ворота закрылись. Мы были в Улье, мы были в безопасности.

* * *

В конце концов, Паузу все же уничтожили. После того моего приключения она просуществовала только пару месяцев.

Но потом сталкеры начали исчезать там бесследно. Обнаружилось несколько трупов. Жуткие снимки разошлись по Сети – один, например, задохнулся оттого, что ему напихали полный рот древних шоколадных батончиков.

Не было сомнений, что убийцы – ГРП. Их поведенческие алгоритмы окончательно пошли к чертям.

Тогда-то Город и принял решение. Пауза была ликвидирована силами Народной Милиции, срочно отозванными с северной границы, где они противостояли бандам Выживальщиков. ГРП были уничтожены до единой электромагнитными излучателями.

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Разговор с поэтом

Виталий Кальпиди

Летом 2014 года город Тольятти посетил «литературный автопробег» ГУЛ, авторами которого стали Виталий Кальпиди и Марина Волкова. ГУЛ – галерея уральской литературы, проект уральского поэта и культуртрегера Виталия Кальпиди. Идея данного проекта родилась в марте этого года. Поэт Виталий Кальпиди и Марина Волкова, издатель и идеолог продвижения, решили проехать по семи городам России, чтобы познакомить любителей литературы с современными уральскими авторами. Уфа, Языково, Пермь, Чебоксары, Йошкар-Ола, Киров и Тольятти – такой маршрут они наметили. Уральский поэт привез к нам в город книги авторов, с которыми он работает и дружит. В течение двух дней поэт проводил свои лекции и презентации в библиотеках и вузах Тольятти. На встречах со зрителями и коллегами-литераторами Виталий Кальпиди рассказывал о том, как создаются книги, о работе с авторами, а самым важным стал разговор о месте поэзии в нашей жизни. Практически после каждой встречи поэту задавали вопросы, интересные и не очень, витиеватые и простодушные. Всего за два дня пребывания автопробега ГУЛ в Тольятти поэту Виталию Кальпиди было задано около 60-ти вопросов. Самые интересные из них мы собрали в своеобразное «интервью». Оно перед Вами.

Сергей Сумин

– Виталий Олегович, первый вопрос, что нужно делать, если мы хотим изменить литературную, культурную ситуацию в родном городе?

– Прежде всего, нужно очертить периметр собственной независимости. Никто не даст нам денег на нашу свободу. Нужно потратить часть жизни на то, чтобы создать свое пространство свободы от дурных людей (главными персонажами которых зачастую являемся мы сами) и подлых обстоятельств. Это относится ко всем – поэтам, художникам, культуртрегерам!! Создай площадку, создал – работай, действуй!! Потому что культура – не какой-то процесс, в который можно войти. Культура в провинции отличается от «подиумных» культур, какими являются Москва, Питер, Нью-Йорк, Париж... В отличие от этих культур, провинциальная культура – это то, что делает конкретная группа людей в конкретном месте. Плюс то, что она не делает. В сумме это и есть

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

культура конкретного места. Задача провинциальной культурной стратегии – это создание точки невозврата, т.е. культурной планки, ниже которой нельзя упасть. Есть эта планка – есть культура. А нет этой планки – любые локальные (пусть даже поднебесные) достижения – не существенны.

– Можно уточнить – это в любом городе так?

– Разумеется. И результат тут не определяющий. Тут важна попытка. Культура (и это надо помнить) – не результативна, а процессуальна. И если попытка будет длительной, то мы не можем не впасть в культуротворческий пике. А длительное пике – это уже полёт. Ведь, по сути, все просто: если нам с вами в конкретном городе, ну, например, в Тольятти, скучно жить, мы должны создать инфраструктуру, которая нас будет устраивать. Мы будем создавать (а не устраивать) акции, где нам будет любопытно бывать, мы будем общаться с дерзкими людьми, мы будем приглашать талантливых ярких личностей. У меня только есть технический (стратегический) совет: необходимо искать соратников в других, близлежащих, городах, иначе все закиснет. Нужно, как минимум выстроить треугольник. С точки зрения эстафеты культурных инициатив – это минимально необходимая фигура. Мы это апробировали на Урале.

– Ваша энциклопедия Уральской поэтической школы об этом? Ее можно использовать как пособие?

– Безусловно. В этой энциклопедии прописаны все сценарии.... Бери любой – пробуй – они работают.. Впрочем, тут есть одна деталь: город должен выделить/выдавить (как пот) из себя людей, которых обзывают культуртрегерами. Пусть их будет немного – 2 или 3, главное, чтобы не один. Культуртрегеры – это деятели, кто организует процесс, или в крайнем случае его видимость, что само по себе тоже более чем бесполезно. Культуртрегер – это не менеджер, не продюсер, не спонсор. Это частный человек, который на безвозмездной основе занимается тем, чем должна заниматься антропологическая реальность – формировать, созидать, контролировать, сохранять. Но дело в том, что сама реальность способна только разрушать и предавать забвению – так проявляется ее инстинкт самосохранения, ибо всё человеческое ей чуждо. Культуртрегеры противостоят реальности. Их противостояние отнюдь не героично, а рутинно и в длительной перспективе – не эффективно. Тем не менее, на короткий шаг, пока длится их деятельность,

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

удается не дать унынию одержать абсолютный верх внутри художественной среды. А поскольку уныние – один из смертных грехов, то вышеописанное положение вещей приобретает масштаб грандиозный. Культуртрегер – это особая профессия. Культуртрегер – это создатель пространств; человек, имеющий свою стратегию, свою тактику, как культуротворческую, так и экономическую. Культуртрегер не зарабатывает, а тратит. Вот три правила эффективного культуртрегерства:

- очень хотеть сделать что-то в культуре;
- не пытаться на этом заработать;
- потратить на это часть жизни (не времени, а именно жизни).

Культуртрегерство – это длительный процесс. Вне длительности он теряет хоть какой-то смысл: тут важна не высота полета, а его продолжительность. Культуртрегерская деятельность может называться таковой в полной мере, если длится не менее 5 (лучше 7) лет без заметных пауз. Как следствие, нарабатывается личный авторитет, который необходимо научиться конвертировать в создание команд единомышленников под конкретную задачу.

– Виталий, а как Вы относитесь к премиям!? И еще определениям – поэт первого ряда, второго ряда?

– В поэзии, как впрочем, и везде, никаких первых – вторых не бывает. Когда я открывая вашу книжку, вы для меня не первый, вы – единственный. Поэт, которого вы читаете – пускай на короткое время – именно единственный. ЕдинИца от ЕдИницы отличается не только ударением. Иерархия вообще-то бессмысленна. Я не говорю что ее нет, но это не отменяет ее бессмысленности. И совершенно очевидно, что весь институт литературных премий – вредная, постоянно стремящаяся к безобразию затея, которая длится примерно два последних столетия. Берущая свое начало в подачках богатеев своим придворным поэтам, живописцам, музыкантам, премиальная система перешла в стадию якобы мотивированных денежных подарков от государства (республик, краев, областей, районов, микрорайонов) или аффилированных с ними бизнес-структур. В какой пропорции нынче частные деньги совокупляются с бюджетными внутри этого бардака совершенно не ясно, зато совершенно ясно, что ничего, кроме духовного разрушения, такая практика поощрений принести не может в принципе.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

– **Какова задача поэта? Что он делает, создавая очередное стихотворение?**

– Говорят – поэт владеет словом... Разумеется, это фигура речи. Чаще поэзия получается, когда слово владеет поэтом, что, впрочем, тоже фигура речи. Уверен, судьба поэта – это создание новых смыслов. Смыслов в окружающей нас жизни, – мало, может быть, два-три-четыре! И практически все они людоедские. Художники, поэты в частности, нужны, чтобы искоренять культутологию «пищевых цепочек». Гениальность создает эти смыслы. Таланты делают из них поэзию, то есть доводят до состояния блистательной банальности. Поскольку сама гениальность в пищу не употребляема. Она – изжога высокого вкуса. Гениальность враждебна таланту. И наоборот. Но эта вражда плодотворна. Впрочем, последнее утверждение не выглядит убедительным. Что же касается стихотворений... М.б. самое главное, что следует знать, так это то, что любое стихотворение – это несовершенный поступок. Прекрасные стихи – это прекрасная трусость, созданная для чтения теми, кто собирается стать прекрасными трусами. Но бояться совершить убийство – это не только трусость, но и борьба с инстинктом самосохранения. Именно снижения его значимости выделяет внутри нас пространство для *души*.

– **Как Вы думаете, есть ли разделение на обычных людей и художников? А обычным людям и художникам от жизни нужно разное? В чем нуждается человек по максимуму?**

– Людям вообще и художнику в частности нужно от других, по сути, только две вещи – сочувствие и нежность. Любовь – это изобретение ангелов, а вот нежность – это ноу-хау человека. Нежность это более устойчивое чувство, более богатое, более пластичное, чем варварское чувство любви. Оно действительно варварское. В любви нельзя быть меньше любви, ведь мы больше самих себя и быть рабом своей свободы тоже нужно уметь. Любовь – это, говорят, Бог. Бог – он ревнивец. Если мы его не любим, он очень ревнует. Нежность – это абсолютно открытая система, у нежности нет соперников. Там нет соревнований, там другой человек нужен не для того, чтобы у него взять, а чтобы ему дать. Это энергия, которую мы можем вырабатывать постоянно. Мы любовь не вырабатываем. Любовь – вырабатывает нас. Мы для нее – топливо. А нежность – это нормальный человеческий процесс. Нежным быть можно, но если вы скажете, что нежным быть нужно, считайте, нежность ушла!!

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

– **Нужно ли писать много текстов? Что важнее – качество стихов или количество?**

– Ну, знаете, писать в целом нужно... И много, и качественно. Конечно, нужен объем. Гениальных текстов должно быть 6, полугениальных – 12, остальные – талантливые. Важно количество качественных текстов. И вот, когда у Вас есть определенный набор текстов, вы начинаете влиять на культурную ситуацию. Тогда уже не культура влияет на художника, а он на нее.

– **Скажите, Виталий Олегович, а как научить людей понимать поэтические тексты? Есть ведь механизм понимания... Его необходимо запускать....**

– А вы думаете надо? Зачем? Люди разные... Вот для Вас, например, понимание – процесс увлекательный... Он Вам нравится. А есть люди, которые ничего понимать не хотят. Есть потолок. Есть предел. И ничего тут не сделаешь... Какой-то человек испытывает восторг от того, что написал «Авиньонских девиц», а другой точно такой же восторг будет испытывать от того, что приобрел ковер... Мне кажется, что на сегодняшний момент важнее поэтам научиться понимать людей, не понимающих поэтические тексты.

– **Возвращаясь к Тольятти, мы, например, видим, что на литературные мероприятия ходит мало людей, практически одни и те же... Может, дело в самих поэтах?**

– Любое значимое явление – результат работы. Нужно создавать по крупицам пространство поэзии... Вы должны работать с музеями, с библиотеками, со зрителями!! Ну и к тому же важно терпимое сообщество авторов. Первое – научите людей не ненавидеть других только за то, что они пишут не так, как Вы... В таком большом городе как Ваш, на такой огромной реке не может не быть больших поэтов. Работайте, ищите заинтересованных людей и талантливых авторов. Вдохновенный поиск цели порождает саму цель. И тут главное не израсходовать силы раньше, чем они израсходуют тебя.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

– Скажите, а что вы думаете о нашем нынешнем мире, о нашей современной цивилизации?

– Современная цивилизация – это цивилизация успеха. Успешные люди, успешный бизнес, успешные проекты. Литература, во всяком случае, настоящая литература – это всегда результат духовных поражений, и чем глобальнее эти поражения, эти разочарования и падения в ментальные пропасти – тем больше себестоимость продукта, который получается на выходе. Поэтому культура сегодня не совпадает с нынешним цивилизационным фрагментом. Более того – они враждебны. От этого не стоит падать в обморок, это надо принимать как реальность и выстраивать собственные сюжеты поведения.

– Мне лично кажется, что поэзия сейчас движется по инерции... Поэты издают книги, их начинают продвигать, поэты получают премии, но читателей реальных мало, но может ли быть по-другому?

– Знаете, мне кажется, что вот эта цепочка: поэт-книга-читатель – притянута за уши. Поэт – одно, книга – случайность (поверьте, этот источник информации был заточен вовсе не под поэзию), а то, что появляется читатель – несуразность или чудо. Поэзия начинается тогда, когда она начинает менять самого поэта... Есть такой дар у некоторых людей – меняться в процессе творчества. Человек пишущий, ведь он что-то собирается сделать с собой? Скорей всего, он собирается стать ангелом. Поэзия – это вообще-то попытка создания ангельского языка. Эта мощная (в идеале) попытка пересоздать жизнь. Ведь иная речь создаст иную жизнь. Это же очевидно. Ну, а читатель кто тогда? В каждом человеке на подсознании записана программа изменения, желание стать ангелом... И читатель – он тоже этого хочет.... И вот, читая текст поэта, в котором заложен алгоритм этих изменения, он (читатель) вдруг чувствует – что-то происходит... Он квалифицирует это так: эти стихи мне нравятся. А почему нравятся? Потому что в человеке произошел контакт с этим алгоритмом изменения, и он стал чуть-чуть иным. Не поэт, а читатель – одно из последних чудес на Земле... Мне иногда кажется, что финишную ленточку поэзии разорвет не гениальный поэт, а идеальный читатель... Потому что, погружаясь в поэзию, он не перестает оставаться человеком, чего нельзя сказать о поэте. Очень хотелось бы, чтобы последняя часть фразы была неправдой, но она – правда...

Июнь 2014 года

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Виталий Кальпиди

* * *

Мушиный танец звезд, на все, на все похожий.
Безумная шумит сухих небес трава.
И духа серебро во мне покрыто кожей
несеребра.

На отмели времен, прижавшись к человеку,
вселенная молчит, не кратная семи,
а кратная его отчаянному бегу
вдоль смерти искони.

Мы все еще бежим в продолговатом дыме
дыханья своего по мягкости земной
и падаем в нее такими молодыми,
что просто — *божемой*.

Нас облегает снег, нас обретают воды,
чужая память нас волочит по земле,
мы падаем в костры невидимой свободы
и ползаем в золе.

Нас настигает жизнь, когда мы умираем,
и взглядом, и рукой мы раздвигаем смерть
и смотрим на себя, и безупречно таем,
и продолжаем петь.

И рушится трава, и птицы исчезают,
и дети голоса, и рушится трава,
и духа серебро торжественно пылает
в тисках несеребра.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

* * *

Допустим, ты только что умер в прихожей,
и пыль от падения тела границ
луча, что проник из-за шторы, не может
достичь, но достигнет. Красиво, без птиц,

за окнами воздух стоит удивлённый,
захваченный взглядом твоим, что назад
вернуться к тебе, отражённым от клёна
в окне, не успеет, и всё-таки сжат

им воздух, но это недолго продлится:
твоё кареглазое зрение дрожать
без тонкой почти золотой роговицы
сумеет четыре мгновения – ждать

осталось немного. Большая природа
глядит на добычу свою. Говорю:
не медли у входа, не медли у входа,
не бойся – ты будешь сегодня в раю.

И всем, кто остался, оттуда помочь ты
сумеешь, допустим, не голосом, не
рукой, и не знаком, и даже не почтой,
которая ночью приходит во сне,

но чем-нибудь сможешь – я знаю наверно...
Ты всё-таки умер. И тайна твоя
молчит над землёю, да так откровенно,
что жить начинает от страха земля:

и звёзды шумят, как небесные травы,
и вброд переходят своё молоко
кормящие матери слева – направо,
и детям за ними плывётся легко.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

* * *

Вчера я подумал немного
и к мысли простейшей пришел:
в раю отдыхают от Бога,
Поэтому там хорошо.

От веры в него отдыхают,
от зелени жизни земной,
где ангелы как вертухаи
все время стоят за спиной.

От ярости Бога, от страха,
от света божественной тьмы,
от вспаханной похоти паха,
от суммы сумы и тюрьмы.

От ревности Бога, от боли,
от ста двадцати пяти грамм
отменно поваренной соли
для незаживающих ран.

И снова от веры, от веры,
от сладкой ее пустоты,
от ветхозаветной химеры,
с которой химичат попы.

От яблони в синей известке,
от снега на темной сосне,
от плотника с женской прической,
от плоти его на кресте.

От «око за око», от шока,
что эти стихи на столе
лежат с позволения Бога,
убившего нас на земле.

...А как он любил спозаранку,
Склонившись на городом Ч.,
зализывать кислую ранку
у птицы на правом плече.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Юрий Клавдиев

Заметил ещё одну ночь –
Пьяную, на коленях, на мостовой, чуть живую –
Там, где должен был стоять день...
Привёл и согрел –
Естественно, кровью и ветром из окна...
Конечно же, телом и дыханием несвежим, ночным, клубным донельзя...
И всё – отпустил наставать по всей неосвещённой планете – повсюду
Радостно, как нагреватель
Величественно, как выключатель,
Страшно, как дневной свет...

Заметил совсем одну ночь –
Прямо рядом с собою, на эскалаторе...
Дал ей послушать свой плеер,
Обменялись e-mail'ами –
Безразлично, как мокрая выброшенная мебель на свалках в сентябре...
Скучно, как выгоревшая розетка...
Страшно, как не сказать ничего на прощанье...

Заметил ночь –
Краем глаза, уже поднимаясь на виселицу,
Отправляя последние мысленные sms –
Туда, где счастье и нет ничего, кроме мёда с вареньем, и яблоки скачут в траве...
Заметил ночь –
Прижались друг к другу,
Поцеловались
И сгнули –
Весело, как Вини-Пух,
Закономерно, как Маугли,
Незаметно, как навсегда...

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Качели скрипят, птицы к звёздам летят,
Бетонные тонны жилья,
Плотины молчат, камни в чащах стоят,
Горелые груды тряпья...

Стеклянные мысли Анархов-С-Луны,
Мы больше, чем можем сказать,
Летиция Каста – слуга сатаны,
Бред Мэнсона – повод начать...

Вороны дерутся, октябрь простыл,
Зимы нам не пересидеть,
Очаг революции, ветер весны –
Чего нам ещё одна смерть?..

Джинсовая мягкость распутных мозгов,
Мы старше, чем наши тела,
Фред Крюгер и стая обученных псов –
Наш метод вести дела...

Сегодня – ещё немного улиц,
Улиц-могил, улиц-пыточных...
Ещё чуть-чуть страха – не доползти,
Не успеть, не увидеть...
Получить в подарок – сверху, почти что с неба,
Гвоздь и верёвку,
Похороны и телевизор,
Колёса в аптеке...

Немного жалости со стороны тех,
Кто тебя не видел ни разу в жизни.
Боги-алкаши,
Не спи, не дыши.
Кривись в зеркале,
Стой на дороге,
Лезь в чужие сны, корми пасть войны,
Останавливай время...

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Я мертвый
Молчат мои отражения
Космически вдыхают пыль квартиры у меня за спиной
Мои солнца остановились
В раю меня не дождались
Я опоздал и я мёртвый
Летит вчерашняя плесень
Оседая на головах
Проваливаясь в сугробы
Продираясь через миллиарды миллиардов оставшихся
Каски
Сердца
Цепи
Свобода
Осколки
Пальцы
Слёзы
Лучи
Капли
Крючки
Одуванчики
Лестницы
Фокусы
Ленты
Пески
Обрывы
Овраги
Хвощи
Деревни
Доски
Свистки
Я мёртвый я мёртвый живой
Пою песенки книгам
Разговариваю с несуществующими...
Мои выходы заколочены
Мои входы не соединяют,
Мои пароли никто не помнит,

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Моё имя нигде не записано больше
Квадраты и купола
Легенды и гланды
Волосы, полосы, ребусы
Неотворённые истины...

Я ушёл вместе с ветром
Туда, где кончаются деревья
Туда, где ничто не имеет значения
Сожги мои вещи...

Меня больше нет
Я там, где моря и туман
Там, где нет ни богов, ни друзей
Закопай всё моё...

Я никогда не вернусь
Я останусь, где имени нет
Я останусь, где пусто и тихо
Помни только меня...

Великие Антенны
(ветер раскачивает расшитые мешочки на проводах)
Повелители пространств без измерений
Дочери ветра

Слышать, как ликуют ваши гости —
Трупоядные птицы и голуби
Смотреть как умирают под вами бомжи
И случайные путники

Летающие дальше голоса Бога
Мысли Вселенной
Страхи созвездий
Деревья запредельной страны

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Великие Антенны
Слава небес поёт
Вы кланяетесь ветру и свету
(ноль фаза молния гиперактивность облачного фронта)

Евгений Заугаров

Те, которых
слишком уж долго не видел,
ничего о них не слышал,
скорей всего не умерли,
никуда не делись,
так и живут себе,
купили автомобили,
не ходят по улицам,
поэтому и не встречаются.
А ведь и раньше
разве было не так?
Разговаривая с человеком,
невозможно уйти от чувства,
что тебе не то что бы всё равно,
но как-то не к делу тоскливо.
Думается иногда:
вот исчезнет он -
разве это что-то изменит?
Куда уж до таких
человеческих качеств,
как понимание, точнее -
надежды на понимание.
О каком ещё сострадании
может идти речь?
Было бы хоть отчуждение,
хоть какая-то определённость.
Была бы хоть обречённость

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

или такое чувство,
как неизбывность.
Есть много подобных чувств,
упрощающих жизнь.
И всё-таки - слава богу -
никто никуда не делся,
куда им деваться.

Когда снимают кино о войне,
рожи актёров должны быть как у зверей.
Благородный герой на улице Сталинграда
должен рычать как товарный поезд.
И как можно больше яркого света,
чтобы выявить все плевки, экскременты,
испачканную одежду. Чтобы всё это вместе
смотрелось как стыдно сказать что,
как кости Кощея Бессмертного.
На войне никто ничего не должен говорить,
все должны только визжать и плакать
и молиться чёрт знает чему, блюя от страха
перед каким-нибудь кориоланом или не знаю кем.
Если же кто упал, пусть лучше не поднимается,
ведь это главное в человеке - способность
больше не подниматься, даже услышав "браво".

Посмотрел на постель
и подумал о том,
что за какими-то размышлениями
не заметил
как постелил постель.
Я думал, что всё же имею причины
говорить не своим голосом
и нести всякую чушь.
И какие именно это причины —
абсолютно не важно.
Мало того, существуют ли эти причины,
тоже не имеет значения.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Шагаешь по дороге, а ног как будто нет.
Какой-то человек, лица не разобрать,
Идёт навстречу. Ночь. Не видно ничего.
Хотел спросить: который, не знаете ли, час?
Как в фильме «Killing Zoi», наверняка бы он
Сказал: не знаю, ночь. Пропал бы в темноте.
А может быть, достал бы из голенища нож.
Естественно, никто бы не произнёс ни звука.

Все предметы существуют лишь
для того, чтобы на них смотреть
и при этом видеть, как они,
в свою очередь, глядят на нас.
Все предметы могут осыпаться
снегом или освещаться светом,
это может быть любой предмет,
и названия у предметов нет:
лучше их не называть никак,
не обозначать их положений,
не определять их очертаний,
и предметы, находясь в покое,
ничего не требуют от нас.
А когда за окнами темнеет
и на полке что-то зеленеет,
хочется приблизиться к предмету,
чтобы досконально рассмотреть
все его детали, переминышки,
проводки, дефекты сборки, ножки...

Чтобы просто подойти к предмету,
нужно обладать определённой
смелостью, особенно в потёмках.
Почему-то кажется, что он
может завизжать и укусить.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

То, что в темноте, по вечерам
или ночью выглядит, как чёрт
знает что, театрум махинарум,
утром понимается как голос,
говорящий, что это такое:
это просто скомканная тряпка.

Чёрный молчаливый пёс Цыган
всю ночь бродил по мокрому асфальту,
подолгу лежал у входной двери,
иногда вставал,
медленно двигая головой.
Так он и проводил всю ночь.

И даже если изредка думалось,
что никого там, за дверями, нет,
то всё равно присутствие
некой чёрной собаки подразумевалось.

И всегда по выходе из помещения,
справа или слева,
или поодаль,
можно было, хоть и с трудом,
ибо ночь,
увидеть Цыгана,
или бродящего,
или лежащего,
о чём-то думающего,
не производящего ни звука.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Екатерина Ерина

Меланхолия освобождения

Во вращающемся мире стало привычно жить, ведь то, что движет нами – это внезапно открывшийся поток где-то внутри, и теперь, только он – стержень, вокруг которого происходит вращение, и только он освобождает от участия в нем...

Пробираясь впотьмах,
Ищет вечный покой
дождь.
Шелестит его плащ,
Развевая вокруг
дрожь...
И со всех облаков
вдруг излиться решил
– гром!
Отрешился, шумя,
от небесных оков
он
и под землю ушел...
Солнце в пар превратит –
круг!
В небеса! В облака...
Тишина. Гул – раскат –
стук.

Выскальзывает
время
из-под пальцев,
играющих
с благословенья
пауз
на клавишах
отчаянно –
случайно,
но не щадя

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

саму себя
сыграла...
И оттого
так холодно —
свободно,
так хочется!
Но — не дано.
Сначала
выскальзывает
Время
из-под пальцев...

Разбрасывать лучи, вращаясь вокруг своей оси, преодолевая бесцельность и
предопределенность — во вращающемся мире стало привычно жить.

Вячеслав Трошин

Однажды Будда и Медведь решили на небо смотреть.
Они смотрели в вышину, им было слышно тишину.

Я дам тебе перья,
Вот будет веселье!
Ты будешь лететь и смотреть с высоты на мирных крестьян,
что стоять в изумленье, увидев, как в небе проносишься ты.

И Будда с Медведем, счастливые, рады увидеть
летающей тебя в небесах.
Пришли из полёта мне с неба в награду свой взгляд,
посмотри на меня.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Свекольный сторож в шалаше
Верёвками починит стол,
Поставит на костёр уют,
Расплавит полиэтилен.

Сегодня, как в четверг, вчера-
Туман - уже который день-
Стоит, по-доброму молчит,
Как в сказке! Только посмотри.
Туман молитвенен и тих...
Но вот закончен стих.

Дыр-бул-шил.
Я пиджак не шил,
Но искал жилет.
Есть на бал билет.
Три сестры в Москву,
Сестра зовёт сестру.
С ними едет бул,
Им дворник сшил баул.
Ах, какой баул!
И совсем без дыр!
Шил-бул-дыр. Бомбей.
Мо'тор - воробей.
Ом, Аум, Аюр.
Манифест, кутюр.
Дай, отдай купюр.
Будуар, бордюр.
Бул-шил-дыр-де-юр.
Ом-аум-аюр.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Небылица

Небылицу смешную без слов про больницу для раненых сов
нашептал засыпающий слон, это был его будущий сон:
Все животные слились в одно, это странно, хотя - не смешно -
старый мамонт шутил - он подбрасывал в воздух горилл...
Здоровенных, клыкастых, мохнатых верзил, как игрушки,
подбрасывал вверх и ловил...
"Не шалите!" - ему говорил крокодил.
Озорник его взял и водой окатил...
Крокодил тут облитый как заголосил!..
А шалун его снова облил.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ (ЧЕЛЯБИНСК)

ПЯТЕРО ИЗ ГОРОДА ЧЕ

В Челябинске много молодой поэзии. Хорошей и разной. Истоки этого буйного цвета легко распознать невооружённым глазом. Во-первых, здесь живёт Виталий Кальпиди, который на протяжении долгих лет занят продуманной фиксацией постоянного поэтического потока: три Антологии современной уральской поэзии, книга «Энциклопедия. Уральская поэтическая школа», а теперь ещё и совместный с издательством Марины Волковой проект «ГУЛ» (галерея уральской поэзии). Во-вторых, в Кыштыме (это недалеко от областного центра) обосновался Александр Петрушкин, который создал авторитетный (это стало понятно после нескольких лет успешной работы) литературный портал «Мегалит», престижную (то же самое) премию П и много чего ещё. Петрушкин ищет и находит молодых поэтов, печатает их у себя и на стороне. В-третьих, издатель Марина Волкова выпустила книгу молодых поэтов города Че «На достаточных основаниях» и организовала проект «Молодые – молодым». Теперь поэты в возрасте 20-30 лет постоянно читают стихи в библиотеках, старших классах школ, вузах города, области и за её пределами. И дело поставлено так, что нет отбоя от желающих пригласить живых (и при этом почти юных) поэтов к себе. Условно (очень условно) назову коалицию Кальпиди-Петрушкина-Волковой «вектором сверху».

В то же время как грибы после дождя возникают различные сетевые группировки («Чтецы», «Квартирник», «Открытая поэзия Челябинска», есть и другие), которые регулярно встречаются живьём и достаточно далеки от понимания того, что сейчас печатают журналы, кому вручаются поэтические премии, что на данный момент задумал Кальпиди и т.д. Условно (очень условно) назову это народное движение «вектором снизу». Вот так. Молодёжи, попавшей в тиски взаимонаправленных векторов, «приходится» писать тонны плохих и распрекрасных стихов. (Всё, конечно, несколько сложнее, ведь работают многочисленные литклубы, малочисленные литературтрегеры и научные круги, есть даже свои литкурсы при академии культуры).

Пять молодых поэтов из Че, представленных ниже, – это никакой не срез. Для среза надо было бы составить подборку из двадцати стихотворцев. Уверяю вас, что столько нашлось бы. Единственное, наверное, что связывает пятерых представителей между собой, – дружба с автором этого вступления и участие в работе литературного объединения ЧТЗ. Но об этом как-нибудь в следующий раз.

Римма Аглиуллина – самый уральский поэт: она не перечисляет названия челябинских улиц и заводов, но диалектика brutality и исповедальности в

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ (ЧЕЛЯБИНСК)

её стихах оборачивается глубинным лиризмом. Внешняя непроницаемость и внутренние саднящие раны – это очень по-нашему. А ещё найдите в сети переводы Риммы из англо-кенийско-сомалийской поэтессы Варсан Шайр. Отыскала же родственную уральскую душу!

Дарья Кригер как бы продолжает эту линию, но в более ироничном варианте. Ранимость героини Кригер то и дело прячется за улыбкой (нет-нет, да и вынырнет какой-нибудь Андрей Малахов или голый король). А в последнее время поэтическая речь Даши всё более стремится к отрывочности и отказу от рифмы. Она как бы лишь обозначает вопрос интереса, передавая читателю широкие полномочия для интерпретаций. По-моему, это остро и современно.

Стихи Влади Смехова – прежде всего, культурная артикуляция: тут и Дрезден, выжженный во Второй Мировой, и Александр Вампилов, утонувший в Байкале, и многое другое из нашего наследия. Это – явные и скрытые отсылки к живым и умершим коллегам по поэтическому цеху. Модернизм? Да. Абсурдизм? Пожалуй. Мне кажется, что в начале XXI века так мог бы сочинять кто-то из обэриутов. Может, Введенский?

«Здесь что ни слова – то трава», – пишет Роман Япишин. Так и есть. В его стихах – земля и вода, листва и огонь, птицы и песни. В текстах много воздуха, с ними легко дышится. Это искусно сшитые строки, полные нежности и философской грусти. А вот надрыва тут нет. Не очень-то по-челябински. Ну и что, ведь по-челябински пишет Владимир Тарковский. Он черпает свои темы из иррационального. Но при этом его стихи – витиевато-сюжетные: внешний мир враждебен, герой попадает в запутанную историю, выйти из которой зачастую можно лишь ценой больших потерь.

Скоро эти пятеро выступят в проекте «Каменоломня» (придумка молодого учёного-филолога-поэта Евгения Синицкого и Романа Япишина). Затем, возможно, они сойдутся в поэтическом слэме, возрождённом после нескольких лет небытия. И ещё где-нибудь выступят, и ещё... Пятерым молодым стихотворцам из города Че есть где и перед кем читать свои стихи. Главное, чтобы они их писали.

Янис Грантс, поэт

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ (ЧЕЛЯБИНСК)

Владя Смахов

Родился в 1991 году в поселке Межозерный Челябинской области, в 2008 году переехал в Челябинск, где живет и по сей день. Учится на факультете журналистики ЮУрГУ. Стихи пишет с третьего класса средней школы. Публиковался в литературно-художественном альманахе ЮУрГУ «Nota bene».

ПОТЕРЯЛО СТРЕЛКИ ВРЕМЯ

Трамвай

Желудок пел
желудок пел пустой
он клял судьбу
не сытую
свою
трамвай летит сквозь воздух затхлый
сквозь воздух затхлый и гнилой
в обещанное кем-то завтра
вчера присыпанным золой
бежит стуча собой
стуча собой бежит по дню
и я с пробитой головой
с пробитой головой стою
и руки прячу за спиной

Рукопожатие

Да я девушку увидел
ту худую с ней коса
она шла через болота
продолжая небеса
в ней сливались перламутром
сахар сперма кровь и утро
еще дым табачный будто
прикрывал ее лицо
пальцы полные золы
невозможное мгновенье

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ (ЧЕЛЯБИНСК)

я свалился под крыльцо
чтоб смотреть из-под полы
на ее ладоней тленье
придыхая разложение
выделяя трупный яд
затянулось тело деревом
смял кресты могил асфальт
хрип связало звук всосало
потеряло стрелки время
циферблата круг стал кругом
ада и прогнав усталость
я ее сжимаю руку
и живым не притворяюсь

Текст

бла бла бла бла
уже заря
на тело ночи льет
свой сок
и вот он я
живу как Бог
убийца птиц
зловещий смог
равняюсь залпу гаубиц
и так живу как ты не смог
а там меж делом и холмами
с зачетной книжкой
без печати
стоит девчонка что с усами
с советским мишкой
под мышкою
да с оголенными плечами
лицо квадратное малевич
с него стекает в землю желчь
ладони кольца обрамляют
стянувши кожу
вдали художник

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ (ЧЕЛЯБИНСК)

себе конечность отрезает
и проститутке в дар
приносит
роняет листья календарь
проспект покойного проносит
удар удар еще удар
приходит осень

Заточка

в тени разрушенного храма
среди обломков черепиц
порхала пиковая дама
с пустыми шахтами глазниц
над ней ворон летала стая
под каблуком стекло хрустело
последние частицы рая
сквозь поры покидали тело
была погода никакая
то падал снег то вдруг теплело
то зацепляясь за антенны
летел вчерашний лист газеты
а кто-то прятался в клозете
чтобы терзать гнилые вены
писал угрюмо строки эти
рабочий после пятой смены
с лицом Петра что на иконе
киоски ставнями закрылись
самоубийцы на балконе
вспорхнули в небо и разбились
из-за стены протяжный стон
звучал как песня прегрешенья
а день катился к завершенью
и был бессмысленен как сон
а между делом клен ломался
и обращалась почва в грязь

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ (ЧЕЛЯБИНСК)

он никому не признавался
какая между ними связь
он отрицал и половину
при этом всякий новый раз
сидел себе и пресмыкался
когда она ходила мимо
он на ее крючок попался
подставив под заточку спину
потом нелепо удивлялся
"Я что и правда скоро сгину?"
"Так может лучше поспешить?"
"Я не успел и половину
задуманного совершить"
вот так не видя звезд хрустальных
он рассуждал
тут вспомнил лик её зеркальный
возненавидел и пропал

Дарья Кригер

Родилась в городе Челябинске. Стихи пишет с 16 лет. Студентка 3 курса филологического факультета ЧелГУ. Занималась в литературной студии ЧелГУ «Виноград», в настоящее время - участница лито ЧТЗ. Публикации: коллективный сборник «Границы равновесия» (2009), журнал «День и ночь» (2014).

В гостях у сказки

I.

Тьма - когда, заглядывая в себя,
Не находишь последнего фонаря.
Открывая глаза наддцатого мартабря,
Ты не знаешь, о чем вокруг говорят,
Все, кто рядом с тобой, похожи на дикий ряд
Отлученных от партии маленьких октябрят.

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ (ЧЕЛЯБИНСК)

Я последнее сено деревни:
Меня едят,
Собирают, сушат, на мне звенят
Чьи-то кости, лаская уставший
Старуший слух
Памятью, чей корень еще не стух.
И чей редкий шепот еще насовсем не стих,
Превращая прожитое заново в песнь и стих.

Я холодное одеяло, торшер, комод,
Мир без близких и без родных хлопот.
У меня по душе столько лет уже что-то ползет
И не станет бабочкой, и навсегда не умрет,
Стонет, воеет, скрежещет, прячет себя в углы,
Откликаясь на "боль" и скрежет бензопилы.

И всю жизнь, смотревшись в грубые зеркала,
Дюймовочка - сама себе не мила.
Милая ласточка, как я тебя ждала.
Милая, я бы тебя никогда не сдала.
Будем уж честной: я бы тебя не нашла.
Я спала бы мертвецким сном.
Я бы все проспала.

II.

Город выдумал сон
О мертвой царевне.
Утром
В метро
Семь плечистых парней
Позабыли ее,
Оставив стеклянный гроб.

Город
Не выпустит
Вас
Из своих утроб.

Плачет горько хозяйка медной горы.

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ (ЧЕЛЯБИНСК)

Перстни ее - тусклая память.
Серьги ее ушли
В залог
На воздух
Этих
Земель.

Спи, найденыш.
Надейся
На скорый
Апрель.

Голые рты раззеваются вслед
Похоронной процессии из
Медных хлебов
Жестяных башмаков
Хрустальных
Непарных
Туфель.

Тренируй свой народ, свинопас,
И тогда
Они принесут тебе трюфель.

IV

Зачитают свитки маленькие пажи.
Эскалатор нас раздробит на метро.
А король, абсолютно прозрачный от лжи,
Оккупирует царственным задом трон.

Я с началом зимы одно зернышко ем,
Вышивая днем, распускаю в ночь.
Я смотрю на небо, сияет в нем
Альтаира и Веги седая дочь.

Под фанфары голого короля
В минус тридцать по улицам проведут.
И его в два раза прозрачней тля
Обожрет. И тело выкинут в пруд.

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ (ЧЕЛЯБИНСК)

Владимир Тарковский

Родился в 1986 году в городе Челябинске. Закончил 93 гимназию, где на протяжении семи лет занимался в литературной студии Константина Сергеевича Рубинского. Учился на факультете журналистики в ЮУрГУ. Стихи пишет с четырех лет. Дипломант общественного благотворительного фонда «Новые имена». Публиковался в поэтических альманахах «11:33», «Город поэтов», «На глубине». Регулярно публикуется в российских литературных периодических изданиях. Автор книги «Крыши ниже чем нужно» (2011). Участник литературного объединения ЧТЗ имени М. Львова.

РОСПИСЬ ЧИСТОТЕЛА

Пасха

Не передышка, не привал, заминка лишь...
Одно мгновенье. Руки по карманам.
Нащупать сигарету. Как же рано.

Еще темно, но ты уже не спишь,
Дочитывая пять страниц из Манна.

Застыла беспризорно у окна,
Перебираешь спутанные бусы,
И на халате бледные медузы
Застыли в складках. Улица видна:
Рой мороси, дождливые укусы...

Я виден тоже: огоньком косым,
Твое пытаюсь захватить внимание,
Пульсирую, как спутник орбитальный.

Опять пуста пещера, снова Сын,
Уже в две тысячи тринадцатый, пасхальный
Приходит раз.

Внезапно бусы рвутся.
Ты вздрагиваешь, я тебе машу,

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ (ЧЕЛЯБИНСК)

Небрежно, будто мимо прохожу.
И впрямь иду, не смея оглянуться,
И с рифмами глагольными дружу:

Убить – любить, надтреснуть и воскреснуть.
Прийти – уйти, и заново прийти.

Светает. Словно женщина в небесной
Сушилке, ветер прячет бигуди.

Не передышка, не привал, заминка лишь...

Догонишь вдруг, вопрос во взгляде сером.
Беремся за руки, не зная, в чем же дело.

Я с Ним стою, и ты со мной стоишь...

Липнет к руке отсыревший сентябрьский лист,
Все непреложное стало отложенным, вот как.
Пес озираясь бежит, будто пленный нацист,
Но лапа цепляет предательски тару от водки.

Консервные улицы: дай покурить - не курю
Оттенков у серого больше, чем можно представить,
А дети, что летом внезапно отбились от рук,
Прибились обратно - так волглые птицы на паперть

Кормушек вернулись - бедняк никогда не предаст,
Холодные крошки, ладоней горячая завязь,
И россыпь семян, словно школьная пропись Христа,
И реверс сезонный на миг обращается в аверс.

Но времени мало, а стало быть, скоро снега...
Остынут пещеры, чудовища жалобно взвоят,
О, станет так стыдно за жаркий огонь очага!
За место под лампой в семейном кругу новостроек.

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ (ЧЕЛЯБИНСК)

За то, что любили так ветрено, за антураж,
За ссоры ненужные, мат и пустые разлуки,
За то, что рябина стучится к тебе на этаж
Кровавыми гроздьями, серьгами новой подруги.

О, станет так стыдно! Я желтый оставлю листок
На мокром запястье, под первыми каплями краха.
Старухе дам мелочь: спасибо, дай Боже, сынок -
Покрестит в дорогу, и, может, избавит от страха.

Обман октября

Не грешить и не знать, почему так туманно,
Где скользит синусоидой стая горгон,
Почему твой язык, бесхребетный и странный,
Заставляет камлать у простывших икон.

Не стесняться бомжей, опасаться прохожих
С дипломатами в закостеневших руках,
Породнившись с одним, стать с другим не похожим,
Ни лицом, ни в спешащих куда-то шагах.

Королевский патруль был распущен. Октябрь
Ветер тащит сквозь хляби, как пес-поводырь,
А куда я это все грубо карябал,
Мужики под окном раздавили пузырь.

Матерщинница осень, читай: потаскуха,
Посылай меня на... побреду за тобой...
Рыжий Лис, и его подлизунчик Пачкуха,
Да рябиновой дробы развесистый рой.

Это цикл, терпи моя девочка, будут
Еще проблески в небе меж красных зарниц.
Размножаются псы, курит травку Иуда,
Вспоминая, как дешево продан был Принц.

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ (ЧЕЛЯБИНСК)

Я тебя обману, чтобы ты не боялась
Ничего, ничего, чтобы дрожь никогда
Не прошла по виску, намекая на старость,
Чтоб тепло по ночлежкам, и сладок Агдам...

Я тебя обману, бельевые веревки
Задрожат на ветру проводками души,
И движением ловким, объятием легким,
Обниму тебя спящую – только дыши!

Римма Аглиуллина

Родилась в 1991 году в Озёрске. С 2008 года живет в Челябинске. Участник раздела «Студия» на сайте «Новая литературная карта» и лито ЧТЗ. Стихотворения были опубликованы в журнале «Транзит-Урал», в электронных журналах «TextOnly», «Новая реальность», в сборниках «На достаточных основаниях» (молодые поэты Челябинска) и «Красными буквами».

ОТ СНЕГА ДО СНЕГА

Экалавыя

зачем тебе мой палец зачем зачем
кроличьей лапки жутенький амулет
мой глиняный наставник открыл свой рот
впервые за много лет

мой выдуманный друг
мой лесной божок
на пару с тобой я был так одинок
что выплюнул на песок имена
и лица песка
взирают на тебя

я дал им место я их носил в себе
вздываясь как утопленник
на сносях
я их мирил и ссорил

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ (ЧЕЛЯБИНСК)

и снизу вверх
смотрели мы на тебя

держи мой палец твой законный трофей
а знаешь
мы все тебя ненавидели

ТИХО

по-змеиному

как никто не умеет кроме детей

* * *

хлебные крошки птицам
летят вверх
птицы твои надувные
пустотелы
из рукава свой засаленный грех
скармливаю небу

я отвернусь и пойду
за моей спиной
пусть расцветают
тени и полеты
земля твоя
электрическую боль
отводит

пусть твои птицы поют
не надо огня
пусть твои птицы летят
все выше и выше

в мягкие лапы примет меня земля
тепло и громадно
в ухо мне задышит

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ (ЧЕЛЯБИНСК)

так и жили
все
от балды
до беды
гарцевали читали и пили
зараженные сны
от суммы
до войны
до горчащего нового стиля

по низинам
лицом
под дешевым винцом
под народное т.е. блатное
отпусти меня слепень
ростом в сталинский дом
не хочу я водиться с тобою

недотыкомка сволочь
мяучит
раззявив
свой недоразвитый рот

что, алешенька?
жрать?
или хочется тяпнуть,
недоделанный ты аборт.

что паленое пьют
оттого и бредят
оттого и слова не в счет
но одно из ста - пауку из ребер
камнем прямо в живот

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ (ЧЕЛЯБИНСК)

вот и осень за полночь
выплюнула крик,
от которого город наутро проснется седым.
мы на кухне,
будто бы в тесной камере
досиживаем последние часы.
горький кофе - под утро кончились сливки.
а в дешевых наушниках
эти песни совсем другие.
кончились книги
(так кончаются сигареты).
что ж, переслушивать первые альбомы,
заниматься любовью с энтропией.
будет чудо, не смотри до утра в окно.
первый снег настолько тонок,
что каждый след
прожигает его до черного асфальта.
мы не спим уже несколько суток.
я пройду сквозь тебя,
как слепой переходит свет,
от которого зрячий мгновенно теряет рассудок.

Роман Япишин

Родился в Челябинске в 1988 году. В 2010 окончил ЮУрГУ по специальности экономист, в настоящее время студент-заочник Литературного института им. Горького. В 2012 году вышла книга стихов «Ненастоящие декорации». Потомственный плотник, интеллигент в первом поколении, всемирно известный челябинский никто

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ (ЧЕЛЯБИНСК)

РОЖДЕНИЕ ТРАВОЙ

Долгий сон

Я читаю забытую книгу с конца –
Жду знакомых строк.
И знакомые строки мерещатся,
И у самых ног

Из земли встают табуны коней,
И земная гладь
Не мешает им поднимать людей –
Значит, оживать.

Значит, воевать, значит, снова в путь,
Значит, снова дом.
Тощая постель. Не могу уснуть.
Люди за столом.

Жившие в былом, бывшие в живых
Живы и пьяны.
Спорят и кричат, и слова их - жмых,
И глаза темны.

Только всё не так. Вырываю страх
Из листвы страниц.
Страх, что это я. Страх, что я неправ.
Люди смотрят вниз.

Как на стёртый пол муторного сна
С грязного стола,
Падает огонь, подаёт им знак
Оставлять тела –

Здесь никто не прав. Выловить скорей
Явь из сотен лет.
И сверкнёт блесна ранних рыбарей -
За окном рассвет.

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ (ЧЕЛЯБИНСК)

Река

Щенки рассмеются в мешке,
И смех под водой расслоится.
Укрытая рыба в реке
Потащит на дно колесницу.

Туда, где прорыта дыра
Отпущенными червяками.
Где ты так давно умерла,
Что небо покрылось песками.

И остервенеет река,
Впиваясь в засохшие русла
Теплом своего молока,
Мычаньем немого искусства,

И станет как счастье тверда,
Как время, текущее в камне.
Целуя собой города,
И плач превращая в молчанье.

Прозрачная сущность твоя,
Едва загустевшая в тело,
Вернётся в речные края,
В которых она обмелела.

Когда ты стеклянной рукой
Натянешь речные поводья,
Весь мир обернётся водой,
Влюбившись в твоё половодье.

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ (ЧЕЛЯБИНСК)

Темень

Повернули реки вспять
За земную рукоять
Отшумевший озверевший
Гнётся сучьями орешник
Полночь лязгает ключом
Спичку чешет чиркачом
Помнят собственные лица
Только старики и птицы
Днище солнца на замке
Темень вьётся на руке
Остывает оставляет
Облетает тает тает
И бредёт молва назад
В непроглядные глаза
Отпевают на рассвете
Сны
искусственные дети.

Память

Великое стояние берёз.
Как мне открытой песней заболеть?
Какую память принимать всерьёз,
Каких проигнорированных лет?

Прощальное петляние тропы,
От плевел отделившее зерно,
Простившее досказанную пыль
Ушедшего не дальше, чем давно.

Замри на стыке ветра и травы,
Замри под преждевременный рассвет.
Твои воспоминания равны
Костру из непрочитанных газет.

ГОРОДА РЯДОМ С ВОЛГОЙ (ЧЕЛЯБИНСК)

ОКРЕСТНОСТИ

Сергей Пиденко

Я тебя у беды отмолю...

Господи, скажи честно: я дура или трусиха? Знаю, знаю – истина посередине. Значит, я трусливая дура.

Они же прямо на меня шли. Мне бы посмотреть в глаза ему насмешливо: здравствуй, дружок любимый, муженёк законный, какие сказки теперь доведется мне слушать о срочной работе, о проблемах с компьютером и занятиях английским по системе новомодной?

А я голову в плечи втянула, сжалась вся, чуть ли глаза не зажмурила, и молюсь про себя: Господи, чудо яви, пусть они меня не заметят. И услышал Бог меня – машина свернула и фарами им в глаза! Они меня и не заметили. Вернее, он не заметил. Девочке этой (как её? Юля?) до меня вовсе дела не было никогда.

А сейчас она шла, будто изо льда высеченная: глаза прищурены, губы сжаты, вся – вперед, чтобы никто не подумал, что она какое-то отношение имеет к тому, что возле болтается, и ему самому такое в голову бы придти не могло.

А Лешенька мой не то, что меня – её не замечает! Заливается соловьем – что-то рассказывает, вопросы задает. Она ему – как пощечины – “нет, не знаю, понятия не имею”, а он – знай себе – поет с улыбкой блаженной.

Я километра полтора отмахала, прежде чем сообразила, что иду за ними, как привязанная. Чуть ноги не свернула, через насыпь железнодорожную переходя. Думала, каблуки отлетят, когда на обледенелом гравии поскользнулась, а больше испугалась – вдруг он обернется и меня увидит. И мне, а не ему от стыда краской лицо залило.

Да тут она на том же склоне поскользнулась. Леша – даром что, как тетерев весной, заливался, а подхватил её под локоток. Так мне обидно стало – не передать! Не оттого, что упасть ей не позволил (не ведьма же я, чтобы зла желать девочке, виноватой лишь, что молода и красива), а от мысли жгучей, что пока Алексей чужую девушку от беды стережет, в пяти метрах жена его единоутробная ноги и обувь ломает. А он и не чувствует даже...

Но ведь было, было! Я же помню времена, когда он не по голосу или шагам – по скрипу двери узнавал меня. Да что там! Как я тогда из Минска не электричкой приехала – автобусом, на полтора часа раньше, чем условились. И ни монетки в кармане – позвонить.

Иду, вечер поздний, улицы темные, трясусь, словно за каждым углом с топором... А навстречу – он! “Меня как в сердце укололо, дай-ка пройду, может, Ириша с оказией пораньше вернулась...” Услышал, значит, меня и страх мой леденящий. Помню, даже расплакалась от счастья. Смешно вспомнить: реву, а он стоит, растерянный, меня к себе прижимает и по голове, как маленькую, гладит. “Что ты, испугалась меня? Не узнала?” И что-то ещё такое же глупое, а я пуще слезами заливаюсь.

И так сладко стоять и замирать под его ладонями. А мы уже девять лет женаты были, двое малышат росло у нас. Другие так надоесть друг другу успевают: не чувствовать – видеть друг друга не могут. Из компании нашей институтской к этому времени мы двое и не разошлись.

ОКРЕСТНОСТИ

Даже неудобно как-то было приезжать на юбилей группы, все удивлялись и восхищались, а мне казалось – на меня, как на старую деву смотрят – ты ещё замужем? И по-прежнему за Алешкой? Ну, ты даешь! Я плечами пожимала сконфуженно, а сама счастли-и-ивая была! И счастьем этим ни с кем делиться не хотела – берегла, как тайну сокровенную. Иногда не верилось – неужели у нас все так хорошо? И не кончается... Вот и кончилось.

Сейчас-то, со сбитыми каблуками по гололеду, понимаю: глупо было воображать себя особенной, принцессой из сказки, радоваться – меня любят, через пятнадцать лет после первой встречи – любят. Что Алеша мой не пьет, не курит, по женщинам не бегает (сейчас ведь мужик нормальный только отсутствием отрицательных качеств и силен: сплошные “не”). Что мы прочитанные книги обсуждаем, впечатлениями от фильмов делимся и спорим отчаянно.

Я по-первости все переживала, что мы спорим так часто, казалось, согласия между нами нет. Потом поняла – мнение другого для нас важно, мы как раз не равнодушны друг к другу. И спорили по-особенному: и обижались, а все же не обидеть норовили, а убедить. И убедиться, что любимый тебя слышит и понимает.

Подруга моя бывшая один такой спор услышала и засмеялась: столько ласковых слов в любовном признании не скажут, а у вас это ссорой называется...

Мне тогда это не нравилось в Алексее. Мужчина и спорить должен по-мужски: с орудийными раскатами в голосе, с каменными твердынями в позиции. Его стремление найти точки соприкосновения, желание рассмотреть с одной, с другой стороны не рассудительностью считала (какое там, это же Алешка мой, шепутной, дурашливый, вечно у него шуточки какие-то), а бесхребетностью. Когда он – на седьмом году знакомства – во время ссоры (из-за чего разругались?) душой меня обозвал, я восхитилась даже: такой он был взбешенный, неистовый...

Конечно, дура, иного слова и не заслуживала, ещё и смеялась после, что он переживал: горюешь, что невинность потерял? Он-то как раз чувствовал, что какой-то барьер не исчез, но ниже стал, правила какие-то негласные мы нарушили. Многое проще стало. Той простотой, что воровства хуже...

...Куда это они идут? Думала, он её до остановки проводит, и все. Как бы в толпе не потерять их?.. Тьфу ты, пропасть, чего я-то за ними чуть не вприпрыжку бегу, как собачонка брошенная. А разве не брошенная? Я его дома жду, чуть калитка скрипнет, вздрагиваю – не он ли? – а Леша мой девушку чужую провожает и байками развлекает.

Сколько он мне тех баек рассказывал – любитель был поговорить в молодости. Малость самая произойдет и – готово! В булочную отправился, возвращается довольный. “Мне сейчас чуть физиономию не начистили”. Как, что?! “Решил остановку на автобусе подскочить. Выхожу – ступеньки в автобусе обледенели, ещё и поручень сломан, чуть не сверзился. И вижу – за мной женщина спускается, довольно беременная, месяце на восьмом. Если я, здоровый мужик с хорошей реакцией, чуть не навернулся, каково женщине на сносях? И даже не глядя на неё, подаю руку, чтобы опереться смогла. Чувствую – пустота какая-то. Оглядываюсь, а тетка назад шарахнулась и – на весь автобус визгливо так: Вань, чего это он?!

ОКРЕСТНОСТИ

Ну, думаю, сейчас Ваня научит меня как чужим женам руки подавать, а заодно и разберется, что это я с его женой такой деликатный, и от кого у неё ребенок образовался... Дождаться, пока Ваня свою благоверную, проход загородившую, сподобится обойти, я не стал. Не настроен был на долгий сердечный разговор. Взял аккуратненько ноги в руки (свои ноги, подчеркиваю), да и отправился по срочным делам, обещая себе впредь деликатность свою поганую порядочным людям не демонстрировать”.

А сам хохочет... Алешка – любитель слова смаковать. Так меня раздражала эта цветистость. В трех словах изложить можно, а целый роман сочиняет. Я его все одергивала. Он и замолчал. Сначала ненадолго – все порывался что-нибудь рассказать позанятнее друзьям в компании.

А мне так стыдно было, что они суесловие его слышат, видела, что им интересно, слушают с удовольствием, но все оборвать норовила. Дообрывалась. Нашел Алеша кому байки рассказывать. Это сейчас Юля о своем думает, пока он слова нанизывает, а поначалу... Все же не треп, как водяры перебрали, да спьяну не тому морду набили, чем парни обычно перед девицами хвалятся и не анекдоты похабные – подружек в краску вгонять.

Смешно, а мне хотелось, чтобы он рассказывал, но только для меня одной, и не байки, а что-то умное. Рассказать-то ему есть что. Я полгода назад узнала, что Лешачок мой болтливый в Афгане был. Говорит, не воевал, в командировку летал, но в бою побывал. Сам стрелял, и в него стреляли. И что-то ещё такое, о чем говорить не смог – губы побелели, а глаза, словно два камешка.

Так досадно было, что я этого раньше не знала: мне жизнь его пресноватой казалась, остроты в ней не хватало. А ночью проснулась, сердце колотится – его же убить могли семнадцать лет назад, я бы и не знала, что был на свете такой Алешка, единственный мужчина, который мне в жизни необходим. Да не убить даже – ранить могли, и уже мы вряд ли встретились бы.

Я даже руками его потрогала, убедиться – рядом он, и наши пятнадцать лет не приснились. А потом – глупо, конечно – ночничок прикроватный зажгла, в лицо ему посмотрела и заснула, успокоенная. И понимать стала, почему он так мишуру военную не терпит, дни пограничников, десантников и прочих героев. Сколько он с братом моим, что в ВВС служит, схватывался, хоть и любит его. Или надо говорить – “любил”? И всю нашу жизнь вместе в прошедшем времени упоминать? Ох, пора всерьез решать, что делать дальше...

Бог ты мой, что же он ей такое рассказывает? Может, ближе подойти? Послушаю, а потом дома устрою ему сеанс чтения мыслей...

– ... Из голливудских фильмов, что я смотрел, нравятся два. “9 1/2 недель” и “Красотка”, где миллионер в шлюху влюбился... Ну вот, и Вы улыбаетесь. Все так улыбаются. А эти фильмы о другом. Даже не о любви... О том, что человек не вписывается в рамки обыденных представлений о нем. Если он настоящий, рано или поздно выйдет за границы, установленные мнением близких, друзей, знакомых... И те, кто любит его, должны сами меняться, чтобы понять и принять его. Иначе – разлад, катастрофа.

Если в любви нет развития, она уходит или зажимает в тиски. А тогда – какая любовь? “Без свободы нет любви, а в любви нет свободы...” Эту проблему постоянно решать приходится. Остаться верным себе, любимого не предавая – вот задача. Меняешься сам – помоги измениться тем, кто в тебя

ОКРЕСТНОСТИ

верит и от тебя зависит. Не сумел – грош цена твоим достижениям, совершенствованию, взлету твоему.

Можешь подняться к Солнцу, к Богу, но близких своих сбросишь, как балласт – и полет сменится падением. Себя не простишь. Согласны? Молчите... Вас такие проблемы не волнуют? Или дело в том, что это я о них говорю?..

Меня в жар бросило. Что ж Алеша так перед ней унижается?! Кто она такая? Ну молодая, симпатичная, не глупая (у Алешки нюх на это отменный – от куриц безмозглых его всегда воротило), современная, но не чучело крашеное. Порядочная вполне – она Алексея не поощряла, сам в капкан влез, а Юля, как заметила, что он от неё без ума, стеной холодной отгородилась, не стала цирк устраивать – вот, мол, клоун сорокалетний с репризой “Красавица и чудовище”.

Претензий к ней у меня нет. Но не идеал же она недостижимый, до которого дотягиваться надо. Нормальная девочка, я таких в жизни немало видела, и Леша точно не один десяток встречал.

Среди его знакомых такие женщины были – не с Юлей сравнивать! К нам на свадьбу Лена приезжала – женщина, с которой у Алексея до меня роман был. Там есть чему позавидовать! Она сейчас доктор наук. Алексей как-то ездил в Москву, вернулся и говорит: “Представь, Андрей, муж её, моя копия по характеру. Любит то же, что и я, не нравится ему то же, что мне. Я два дня у них провел, будто за собой наблюдал. Лена, конечно, его без оглядки на меня выбирала, но что-то в подсознании у неё на ту же волну было настроено”. Я его спросила, не жалеет ли, что она замуж не за него вышла.

Он улыбнулся светло так: “Теперь точно нет. Такое чувство, что Лена и так выбрала в мужья меня, только по статусу более подходящего – все-таки ученый, из её круга. А у нас с тобой чудесная семья. Жалеть не о чем”. И такими глазами на меня посмотрел, что в голову не пришло ревновать или обижаться.

Сил моих больше нет – за ними идти, разревусь сейчас. И непонятно, на кого обида: на него ли, что себя и меня так унижает, или на Юлю, что Алешкой моим пренебрегла... Нет, я точно дура!

Как я домой добралась – не опишешь! Со сбитыми каблуками, зареванная, тушь с ресниц по лицу растеклась не хуже боевой раскраски у Рембо. Дети навстречу выскочили, а я с порога на них накинулась: обувь свалили у входа, снег не отряхнув, ботинки в луже плавают... Ну, выдала им! Они молча проглотили – за последние полгода попривыкли уже – притихли только, порядок навели, повернулись друженько и – в комнату. “Куда вы, – не унимаюсь, – за стол, ужинать!”

А младший наш, Егор, обернулся, глянул глазенками синими – Алешкиными! – и тихо, словно утешая, говорит: “Мы поужинали, мамочка, и уроки сделали. А для тебя на плите картошка с котлетами стоит. Мы разогрели только что”. У меня дыхание перехватило. Что я делаю! Им и так несладко придется, как Алексея погоню веником облезлым. Проглотила комок в горле и прошу их: “Посидите за компанию, папа сегодня опять поздно придет, а есть одной не хочется”.

А какое тут “есть одной”?! Кусок в горло не лезет после сегодняшних гуляний. Глотаю картошку жареную, давлюсь, а малышня моя сидит напротив, кулачками щеки подперев, и участливо на меня смотрит, с таким пониманием

ОКРЕСТНОСТИ

взрослым, будто видит, что в душе моей взбаламученной плещется. Я им улыбаюсь, делаю вид, что слезы от жгучего перца в подливке, школьными делами интересуюсь.

И ребятки мои терпеливо отвечают, вида не подают, что понимают – не до школьных новостей мне сейчас. И заботливо тарелочку с капустой квашеной подвигают, чаю налили, банку с моим любимым вареньем из алычи открыли. А в глазенках вопрос светится, куда весомей моих дежурных вопросов, да я прочитать его боюсь, ведь ответить на него не смогу.

Куда Алексей подевался-то? Даже если Юля позволила ему себя до самого дома проводить, и обратно он пешком пройтись решил – двух часов ему за глаза должно хватить. Мне бы делами домашними заняться, а меня точно черт под руку толкал: дети спать легли, а я в секретер залезла, где среди бумаг, большей частью Алешкиных, наши письма хранились, что мы друг другу в юности писали.

Я-то письма писать не любила. Напишешь, все в порядке, то-то и то-то произошло, привет всем, вот и все письмо. Алешка был первым, кому мне хотелось писать, а не получалось. Страшно было о сокровенном говорить, а остальное таким мелким казалось. Я сама себя останавливала, если вдруг прорывалось что. Сколько писем неоконченных порвано было! И в жизни так же. На кусочки бы себя дала ради него изрезать, а сказать вслух, что люблю его, выше моих сил оказалось.

Мы с утра до позднего вечера вместе проводили: в институте, в библиотеке, кино, всю Москву исходили, Алешка столько мне ласковых слов наговорил – на сотню женщин хватило бы, а все, что я позволить себе могла: прижаться к нему плечом, случайно будто, и задыхалась тут же от нежности и смущения. С первого дня не было сомнений, что я без оглядки довериться ему могу. С первого поцелуя нашего знала, что мы вместе навсегда. Какое было упоение – подставлять губы, глаза, всю себя под его поцелуй и чувствовать себя одним целым с ним!

У него были женщины до меня – я о них не спрашивала, и он не рассказывал, но знаю – были. Про Лену я поняла только потому, что знакомая Алексея при мне о её предстоящей свадьбе сообщила, и он так вздрогнул. Я тогда поклялась – никогда не заставлю его пожалеть, что он со мной, а не с ней.

Уверена – ни с кем из них он не испытывал того, что со мной, ни с кем не чувствовал, что это – навсегда. Алеша мне и предложения долго не делал только потому, что нам обоим все было ясно. Когда мама моя стала со мной душеспасительные беседы вести о женщинах, которых обманывают и бросают, я сообразила – о свадьбе мы с ним ещё и не говорили.

Мама не о том волновалась – для меня в любви очень долго нежных взглядов хватало, теплых прикосновений и... ну да, поцелуйи... О, как мы целовались! Вся страсть наша, вся любовь, все желание в поцелуи вкладывались. Ух, как жаром обдало при воспоминаниях о тех поцелуях. Совсем невинные, по нынешним меркам, но в поцелуях мы растворялись полностью; не губы наши, не тела, не души – суть наша сливалась в одно. Мы друг другу себя отдавали в полное владение. Не разделить нас было, никому не разделить...

И письма Алешкины были как те поцелуи – всего себя, все, что в уме и душе носил, мне отдавал во владение. Я себя забывала, читая его письма. Как-то затеяла большую уборку пораньше, чтоб за день весь дом выдраить, и перво-

ОКРЕСТНОСТИ

наперво решила бумаги в секретере в порядок привести – у Алексея вечно там кавардак.

Наткнулась на письма. Тепло так стало, открыла одно письмо, другое... Спыхватилась, когда уже строчки из-за темноты не разобрать – весь долгий июльский день на письма ушел...

Вот они, в коробке лежат, письма... Сегодня я к ним не прикоснусь. Только поаккуратней поставить – вечно у Алешки бумаги чохом валяются. А этому пакету с фотографиями место в альбоме, а не здесь...

Надо было мне коробку эту двигать и пакет злосчастный в руки брать?!.. А он что, не мог для Юлиных фотографий другого места подобрать, Ромео сорокалетний?! Перебирала я трясущимися руками эти картоночки и чувствовала – в них вся его жизнь сейчас. И что в Юле его привлекло, тоже постигать, стала: таким взглядом светлым она в объектив глядела. Не было в нем ни кокетства, ни симпатии – просто искренность и чистота.

Грустно стало, что в юности нашей не было “кодаков” этих автоматических. Алешка много моих фотографий делать пытался, да пока в “Смене” то наведешь и это подберешь... Лицо напряжением сводило – нет фотографий, где я себе нравилась. И Алешке тоже. Он все жаловался: ты в жизни летящая, легкая, а на снимках – баба каменная.

Только со свадьбы две карточки ничего получились. И то на одной я почти со спины, а руки мои Алексей к своим губам прижал. Матери его этот снимок по душе пришелся – два голубка воркуют. А он меня уговаривал из загса не убегать.

Мы когда заявление подавали, я сдуру решила свою фамилию оставить – Алексею моя девичья фамилия нравилась, и пикантность какую-то видел он в том, что у нас фамилии разные будут. Я сомневалась, а Лешка сказал, не поздно будет перед росписью передумать. Как же, не поздно! Мы пришли, а наше свидетельство уже готово, и фамилия там моя старая.

И тетка в загсе противным голосом выговаривает: “Сразу надо было думать”. Я и взбрыкнула! Алексей для меня двадцать минут аргументы подбирал. Да не в аргументах дело было. Чуть остыла и сообразила – не чинушу глупую накажу, а любимого своего...

Если б тогда его не пожалела, сейчас не была бы дурой набитой. Встретила б кого-нибудь, я не уродина была, фигура у меня и сейчас неплохая, а уж тогда... И лицо было свеженькое. В институте хватало ребят, кого я с ума свести могла.

Лазил же тот морячок на третий этаж, только чтобы цветы на подоконник положить. Просто мне тогда это даже не лестно было. У девчонок в группе всех разговоров было, как тот шнурок (так парней называли) посмотрел, да что этот сказал. Вечером по общежитию идешь – в полутемных холлах возня и хихиканье визгливое.

А меня как ангел надо всем проносил: ни слух, ни взгляд, ни ум, ни душу ничто не цепляло, где-то внизу оставалось. Вот бы и осталось! Ну, знала бы, что в бедах своих сама виновата, и никто меня не предавал.

А если б и был муж, то как у всех, без глупых мыслей о любви неземной, что судьба нас друг к другу вела и друг другу дарила. Выпивал бы как все, что уж поделать, но подхалтурить бы не гнушался, чтобы лишнюю копейку в дом, и хозяином настоящим был – вон веранда который год без дверей. А запоздал когда домой, знала бы, что с мужиками за стаканом сидит или халтуру срочную

ОКРЕСТНОСТИ

нашел. А если б и обманул меня, так уж естественно, а не так, как этот, понимания ищет у девчонки зеленой, которой на него на-пле-вать!

Ну не смешно ли: все меня кругом жалеют, информируют, загулял, мол, а мне толком упрекнуть его не в чем: он стихи ночи напролет писал и не скрывался ничуть. “Ты пойми, Ириша, я не разлюбил тебя, наоборот, словно второе дыхание открылось. Вся усталость и суета, что за годы накопились и к земле пригибали, растворились вмиг, словно и не было их.

Ты же знаешь, я всякую мелочь помню, слово недоброе мне месяцами душу гложет, а тут все наши с тобой обиды, что в душе ледяными пластами лежали и вздохнуть не давали, снегом в кипятке растаяли. Сердцу легко и радостно стало! Я на тебя как в первые годы смотрю и счастлив, что со мной ты, и меня теперь никакие тяготы не испугают, и нам с тобой никто палки в колеса не вставит.

Мы все вместе перемелем и такой славный пирог из той муки испечем!” Я про развод толкую, а он смеется: “Глупенькая, кто мы друг без друга? Девочке этой завидуешь, что вдохновение во мне разбудила? Жаль, что для тебя стихи у меня не получались. Но сейчас я словно говорить научился после долгих лет немоты, со всем миром разговаривать могу, от косноязычия не страдая. Я не пишу стихи, а вслушиваюсь в них.

Сами приходят, мне только услышать правильно надо. Это даже не вдохновение, что-то выше и безудержней. Впервые в жизни ощутил себя кисточкой в руках Бога.

Иногда напишу строчку и только потом понимаю, какие мысль и образ в ней заключены. Такое чудо со мной происходит, только в стихах описать могу...” Я про измену толкую, про сплетни, что мне передают, а он улыбается, как блаженный: “Я в юности влюбчивый был. Не дон Жуан, а мечтатель. Но впервые узнал, какое счастье любить, не ожидая любви в ответ. Любить не женщину, не человека, а весь мир и миру этому себя отдавать; все, что могу и имею – Вселенной!

Конечно, в этом восторге я мимо тебя постоянно проскакиваю. Не от равнодушия – от неумения к новой скорости, к новым ощущениям приноровиться. Мне от Юли единственного хочется, чтобы она легкость эту, бескорыстность поняла и приняла спокойно – ей бояться нечего.

Мечтаю, чтоб она со своим любимым счастлива была, и колдобины те, что нам с тобой ноги выворачивали, на их пути пореже попадались. Чтобы свет, который она в душе моей зажгла и который в нашей с тобой жизни сумрак разогнал, сейчас и ей немножко дорогу освещал. Чтобы счастьем её сплетни, злоба, пошлость и равнодушие, суета и обиды не мешали.

Знаешь же, как бывает:ходишь в мир с ясным взором, чистой душой, и, если любишь, все плохое таким мелким кажется, незначительным. Так, песок. А потом этот песок в глаза попадает. И на душе одна царапина, другая, десяток, сотня, и вот уже в мир, как сквозь стекло мутное смотришь, пока, кроме царапин этих и мути, вообще ничего не увидишь.

Страшно то, что происходит это постепенно, так, что сам привыкаешь, и уже не помнишь, какой мир вокруг на самом деле, не понимаешь, что он ярким может быть, думаешь, что это навсегда.

Это не интрижка, как тебе подружки и соседи втолковывают, и не измена, как ты себя убедить стараешься. Это Чудо! Мне неловко признаваться в этом, я же атеист был, ещё карапузом с бабушкой ссорился, не понимая, кому она

ОКРЕСТНОСТИ

молится, но оглянулся недавно на эти несколько месяцев, что душу и жизнь мою перевернули и... Я в Бога стал верить, Ириша. Не так, как многие верят – из страха смерти или от бессилия, надеясь заступника могущественного обрести. От радости и счастья верить стал.

От ощущения силы, которая во мне появилась, от ясного понимания пути, по которому идти предстоит. От благодарности за дар бесценный. Я просто обязан теперь свет этот дальше нести, людям близким и далеким передавая. Мне тут две строчки пришли, думал, стихи напишу, ан нет, но эти две строчки любого из моих стихотворений стоят:

Тот, кто любит, творит в себе Бога,
Значит, Бог равнозначен Любви.

Я же не крещенный, и строчки эти, как крестик в душе, ношу. И не просто другими глазами на жизнь посмотрел. Мне новый мир открылся, в котором я не щенок слепой и беспомощный, а че-ло-век! На днях так занято получилось...

Юля ведь изо всех сил вид делает, что меня не замечает, а ей от меня постоянно по работе что-то требуется. Она в конце дня ко мне заходит, чтобы бумаги забрать, которые с утра ей для банка понадобятся.

Как-то не успел оформить их, сижу, доделываю, а она рядом стоит, и меня для неё нет в принципе! И тут мысль такая мелькнула, что я засмеялся даже – наша с тобой семья на волоске держится, Юля на меня смотреть не может, а я сижу и думаю: “За что мне это счастье?!”

Если я с ума сошел, то иного мне и не надо! Вижу, как тебе нелегко сейчас, на тебя столько мусора общественное мнение вываливает, никто бы не выдержал такой атаки, но я благодарен тебе за терпение. Я люблю тебя и любви этой ханжам с лавочки не отдам. У нас теперь многое по-другому будет – проще, светлей и чище.”

А ведь так и есть: те дни и недели я как в кошмаре пережила, но постепенно замечать стала, что Алешка мой легкий какой-то стал. Последние годы стоило слово неосторожное сказать – мог на неделю замкнуться, не ругался, не ссорился, а словно камень в душе таскал и порой от тяжести непосильной на крик срывался... А тут я ему столько обидного высказала, всю нашу жизнь наизнанку вывернула и накопившуюся грязь ему в лицо швырнула, а он встряхнется и дальше живет.

Шутить с ним стало можно, как раньше, не боясь обидеть. И ласковый стал, как в первые годы. Только обида меня грызла: не укладывается в голове у меня, как двоих сразу любить можно, пусть даже одну безо всяких надежд. Вижу ведь, кому он стихи пишет, и от кого свет у него в глазах. Значит, меня он просто жалеет или жизнь налаженную разворотить боится.

Да сообразила, а чего, собственно ему бояться? Не инвалид беспомощный – кухню я давно ему уже во владение отдала, разве пирог какой испечь подойду. А так: первое, второе он лучше меня делает, а какие соусы, какой плов у него получаются! Для меня это всегда тягомотиной было, а он у плиты как дирижер перед оркестром. Вот стирку я ему не доверю – не умеет чисто отстирывать, терпения нет, но не пропадет в одиночку...

Дверь входная хлопнула! Алешка! И что делать, навстречу бежать, в глаза глядеть бесстыжие или дожидаться, пока сюда придет и врать начнет? Здесь останусь. Он, конечно, сначала на кухню отправится, ужинать. Но пить чай

ОКРЕСТНОСТИ

меня позовет, он всегда так делает. Это наш ритуал. Ещё с тех времен, когда я к нему в лабораторию, где он подрабатывал по вечерам, после лекций бегала. Мы чай пили с сушками, болтали обо всем. Я до Алексея чай совсем не пила и понять не могла, как нравится людям.

А Юля пьет чай. Очень крепкий и очень горячий. Я о Юле впервые именно по поводу чая услышала. Мы с Алешкой в гостях были у бывшей подруги моей, Инны, сидели, пили чай, об экстрасенсах беседовали, об энергетике, которая организм омолаживает и кожу. Меня морщины беспокоили, тридцати пяти ещё нет, а морщины – есть.

Алексей и сказал, что к ним на фирму девушка устроилась, крепкий чай пьет и о цвете лица не беспокоится. “В её годы я тоже не беспокоилась”, – отмахнулась я, а Инна так внимательно на Алексея посмотрела и на меня, и глаза опустила... Инна всегда умела так посмотреть...

И я вдруг подумала, что Алешка с начала июля домой стал приходить светящийся и задумчивый, словно к музыке внутри себя прислушивался. Он всегда с работы поздно приходил, как поставили ему компьютер – стал в восемь, а то и в девять приходить. Восхищался, что компьютер – такая интересная штука, и мне пытался объяснять, как он устроен и как легко его чинить и настраивать.

И какие программы интересные есть. Про текстовый редактор – мне как машинистке бывшей, это легко оценить было, – про рисовальные программы, обучение языкам. Алешка несколько лет назад начал и английский подтягивать, и одновременно учить немецкий с французским, жаловался, что по учебнику не понять, как слова правильно произносить. Я-то понимала: блажь это. Приходил поздно и рассказывал про компьютер, увлеченный, как мальчишка. И консультанты у него тоже мальчишки семнадцатилетние были, школьники.

Я спрашивала: “А расчеты для придуманного мной костюма твой компьютер может сделать?” “Есть такая программа, – отвечает мой гуру компьютерный, – конструктор одежды называется, я тебе покажу, у меня демонстрационная программка есть, а рабочая – четыре тысячи “баксов” стоит”. Я интерес и потеряла.

Он рассказывал анекдоты компьютерные, истории про чайников, а я уже и не слушала. А в июле он рассказывать перестал. Приходил, чай пил, улыбался чему-то внутри себя, потом брал свои бумаги и писал, писал. Так в нашу жизнь Юля вошла и, того не заметив, на две части её, как лист бумажный, разодрала, на жизнь до июля и после. До Юли и после. Я собралась и к брату в Питер уехала. Машка в лагере торчала, я Егора подмышку взяла и уехала.

Показалось, что Алексей этого и не заметил. Думаю, ладно, пусть сам разберется. А приехала, Алексей обрадовался, но я заметила, что радость эта чем-то другим вызвана. А это он просто на мир другими глазами посмотрел, ну, и я в поле зрения попала.

А Инна так прозрачно намекать стала на рога. А соседка невинно поинтересовалась, что это Алексей уже месяц каждое утро цветы с нашего огорода носит, может, приторговывать стал на рынке? Ну, и понеслось...

Мне почудилось, Алексей даже обрадовался, когда я напрямую спросила. Он и так все разговоры заводил: как в школе не мог сестер-двойняшек различить, пока в одну не влюбился, а на выпускном понял – влюбиться надо было в другую, она интереснее была и умнее. И про то, как он Лену любил, а подруга её для него ближе сестры была...

ОКРЕСТНОСТИ

Когда я сплетни пересказала, он брезгливо поморщился, а потом просветлел и заявляет: “Мне так тебе про Юлю хотелось рассказать, только слова подбирал, чтобы ты понять могла, какое чудо со мной произошло.

Я ей сказать не могу, она девочка совсем, я для неё старик древний, плешивый и беззубый. Ещё решит, что я мерзкий, слюнявый растлитель малолетних, у-у-у?” И гримасу скорчил. “У меня всей радости, что цветы ей по утрам на стол ставить, в глаза зеленые смотреть мельком, и чай пить рядом...”

И мы когда-то в лаборатории чай пили. А потом целовались... Тогда он эту глупость сказал, что поцелуй любимой должен быть крепкий, горячий и сладкий. “И черный!” – брякнула я, Алешка мой всегда такой черный чай пил! “Это юмор у тебя черный!” – парировал он, и мы смеялись, будто впрямь что-то очень смешное сказали. Просто мы были молоды тогда. Но проходит все. И молодость. И любовь. И жизнь...

– Ты не спишь ещё, вот здорово! – он, как мальчишка, голову в дверь просовывает. И улыбается. Чему он все время улыбается, как из сумасшедшего дома сбежал? Спокойно. Не хватало ещё с крика начать.

– Пойдешь чай пить?

Я весь лед собрала, что сегодня вечером мне под ноги попадался, и в голос вложила:

– Алексей, уже одиннадцать, куда ты пропал? Хоть бы позвонил...

А сама жду, с пустотой сосущей в груди, что же он мне соврет. Не может он сказать, что Юлю провожал...

– Знаешь, Юля на работе задержалась, а все её провожатые сбежали. А мы ведь в такую глушь перебрались. Ну, я и вызвался проводить, до остановки. Заговорился как-то, и мы пешком пошли.

Не врет, не врет, он что, совсем уже ни во что меня не ставит, что даже врать не пытается? Или как раз из уважения не врет? Не из любви, конечно. Если любишь, обязательно врать будешь, чтобы больно не сделать.

– Знаешь, она нетерпеливая такая, две минуты постоит – нет автобуса, ну и вперед, до следующей остановки, а пока идем, два автобуса проскочат. Мне интересно было, какие фильмы смотрят сейчас двадцатилетние девушки...

– Узнал? – любопытствую. Смеётся:

– Узнал, какие не смотрят – французские комедии. Ты их тоже терпеть не могла, помнишь, как мы в Москве подходящий фильм искали? Сто кинотеатров, а пойти некуда! Я больше сам говорил. Она озабочена, как бы я не подумал, что её улыбка ко мне относиться может.

В общем, я Юлю до самого дома проводил. А потом, ты только не сердись, стоял и вспоминал, как тебя до общаги провожал и до полуночи под окнами бродил, надеясь, что ты в окно случайно выглянешь. Сама, не зная, что я жду. Ну, почувствуешь что-то и... А ты в окно не смотрела.

– Мне в голову придти не могло, что ты под окнами бродишь, утром же увиделись бы.

Алексей вздохнул с улыбкой грустной:

– И я так думал, а все равно каждый вечер под окнами оставался, чуть сессию не завалил.

Он помолчал задумчиво.

– Понимаешь, Ириша, мне всегда не хватало твоей любви. Знал, что ты меня любишь, и во мне вся твоя жизнь, и все такое, но хотелось, чтобы ты

ОКРЕСТНОСТИ

спрятать любовь свою на людях не пыталась, и я мог смело сказать любому: “Это моя Ириша”.

– Мне всю жизнь казалось, что ты немножко, сама того не сознавая, стыдишься меня и любви нашей, и я доказывать постоянно должен, что имею право любить тебя.

Знаешь, я завидовал влюбленным парочкам, которые не стеснялись при всех целоваться в метро на эскалаторе, – он засмеялся тихонько, – почему-то только эскалаторным парочкам завидовал. Кругом столько народу, всем делать нечего, пока эскалатор везет, смотрят вокруг, а они одни, в целом мире одни. Знаю, это тебе вульгарным казалось, но жутко завидовал...

Он потоптался у двери и, вдруг улыбнувшись, поднял глаза:

– А Сашу своего, жениха, она называет “солнышко”, представляешь? Я сегодня слышал, она с ним по телефону говорила. Так тепло стало, будто это ко мне относилось...

Тут я совсем заledenела:

– Я тебя тоже так называла, ты забыл.

Алексей грустно как-то покачал головой:

– Не забыл... Но ты при всех так никогда бы меня не назвала. При посторонних ты меня иначе, как Алексей, не зовешь, сухо, словно я провинился в чем-то. А Юлия Сашу при всех так назвала... Так не пойдешь чай пить? – И, ответа не дождавшись, дверь прикрыл тихо, но плотно.

Даже если б он меня дольше уговаривал, не пошла бы. Он должен понять, наконец, что я сама по себе, и он тоже... Пусть все будет врозь. Вдребезги!.. И привычки наши, и жизнь, и любовь.

Дверь в кухню была приоткрыта, и в просвете виднелся лохматый затылок. Конечно, Егор был там, рядом с Алексеем. Опять полуночируют, а мальчишке к восьми на “нулевой” урок. Я рот открыла, чтобы в постель сына отправить, а закрыть побоялась – вдруг зубы стукнут!

– Папа, а кто такая эта Юлия? – Алексей вздохнул тяжело, а я, наоборот, затаила дыхание. С детства знала: тот, кто подслушивает, закончит плохо, если он не советский разведчик, но за сегодняшний вечер мною столько правил и норм нарушено, что легким моим предстояло нелегкое испытание. Душе тоже, но уже потом, когда отмучаются легкие.

Алексей помолчал.

– Хороший человек. Она вдвое старше тебя, но, если б я твою маму пораньше встретил, у тебя сестра того же возраста могла быть.

Я чуть не зашипела от возмущения: “Конечно, могла, только мне для этого в четырнадцать лет надо было её родить!” Впрочем, Алексей наверняка только свой возраст имел в виду и возможность жениться на совсем другой женщине, но не хотел ещё и это сейчас сыну объяснять.

– У тебя ведь бывает так по воскресеньям, когда в школу идти не надо, или летом – проснулся утром, и настроение за-ме-ча-тель-но-е! Впереди долгий интересный день: можно взять альбом и рыцарей рисовать или пластилиновые джунгли устроить, с индейцами и ковбоями из набора, и экспедицию в джунглях Амазонки организовать, как у команды Кусто. А можно “Айвенго” взять и отправиться во двор на травку. И все радуется и не хочется сердиться на меня, что я накануне тебе нахлобучку устроил за невыученный английский...

ОКРЕСТНОСТИ

– Или на маму, что отругала меня за потерянную иголку, а я, правда, хотел её уже на место положить, а тут по телику “Коломбо” начался, я и забыл, – Егоркин голос спокойно звучал – он просто показывал, что понял, о чем говорит отец, а мне горло пережало: той истории уже месяца три будет, а сын её из памяти не выбросил, торчит она, как заноза старая, нет-нет, да шевельнется.

– А представь, что с таким настроением ты каждое утро просыпаешься, и испортить его не могут ни уроки, за целый год не выученные, ни тысячи других неприятностей. И легко тебе так, что всё, что раньше не умел, получается: и рисовать утят на озере, и в шахматы играть...

– И ножичек кидать, как Генка? – с сомнением уточнил Егор.

– И ножичек, – подтвердил Алексей.

– Здорово, – согласился сын, – но ведь так не бывает.

– В том-то и дело, что бывает, – я словно собственными глазами увидела, как мечтательно улыбнулся Алексей. – Я, дружок, ещё несколько месяцев назад тоже думал, что не бывает. А теперь знаю точно.

– А что ты уметь стал?

– Ты видел тот рисунок, что у меня на столе под стеклом лежит?

– Где дуб корнями из земли вывернулся, чтобы за чайкой лететь?

– Точно! – восхитился Алексей. – Ты сам понял, что он за чайкой лететь собрался или мама сказала?

– Там же нарисовано, – обиделся Егор.

– Дело в том, сын, что я рисовать никогда не умел... И не хотел в детстве. А взрослым – захотел, но боялся, что не умею и засмеют меня.

– А теперь бояться перестал?

– Боюсь, но уже не того, что засмеют, а того, что рука неумелая испортит рисунок, который в уме уже нарисован.

– В уме каждый сможет, – хмыкнул Егорка.

– Ну, представить любую картину можно, но так, чтобы ясно было, как линии все провести и тени передать – непросто. А если рука неумелая, вот как у меня – совсем худо.

– Но ты же нарисовал, – напомнил сын.

– Нарисовал, – негромко засмеялся Леша, – только чувствовал себя так, будто я сам карандаш и кто-то, для кого такую картину нарисовать – пара пустяков, мной эту картину рисует. Я ночью проснулся и нарисовал. А утром хотел скопировать – и не смог. Руки-то знали, что рисовать не умеют, и я сам знал. А ночью про это забыл.

– А хочешь, я тебя рисовать поучу? – предложил Гошка.

– Хочу, – согласился Алексей.

– Но ты с работы пораньше приходи, ладно?

– Постараюсь. А сейчас – спать. Завтра-то как вставать будешь?

– Встану, – солидно заверил сын.

Я уже дернулась назад, чтобы он на меня не налетел, но Егор взялся за ручку двери и тут задал вопрос, который не решился задать мне:

– Папа, правда, ты от нас уходить собрался?

Алексей осип сразу:

– Кто тебе сказал такое?

Егор помялся.

ОКРЕСТНОСТИ

– У Машки в классе мама Светки Терпиловой говорила с учительницей, на Машку посмотрела и сказала шепотом: вот и у неё скоро неполная семья станет, как отец уйдет... Папа, а что такое неполная семья?

– Когда кого-то из родителей нет, – пояснил Алексей и вскинулся:

– Как ты подумать такое мог? Зачем мне от вас уходить? Я люблю вас: и тебя, и Машу, и маму. Что я без вас делать буду?

Егор пожал плечами:

– Не знаю. Может, рисовать?

– А кто же меня учить будет? Я ведь без тебя не смогу.

Егор вздохнул.

– Машка говорит, что когда человек пишет стихи какой-нибудь женщине, значит, он жениться на ней хочет.

У меня голова сразу закружилась. Я знаю, что Алексей недавно стихи свои читал где-то, и по этому поводу тоже сплетни ходили – город небольшой, где только знакомых не встретишь – такое чувство иногда, что в городе других тем для разговоров нет. Подумать только не могла, что дети мои настолько информированы.

Алексей прокашлялся глухо.

– Ты когда маме рад или жалеешь её просто, что делаешь?

Егор посопел, соображая.

– Я по руке её глажу.

– А меня при этом любишь?

– Ну, в этот момент я про тебя не думаю... Но вообще-то люблю.

– Вот и я пишу стихи для Юли, потому что рад ей и жалею её. Погладить-то я не могу – у взрослых это сложнее.

– У нас тоже, – махнул рукой Гошка, – я тут как-то Наташку Иванцову за коленку тронул, хотел, чтобы она мне учебник дала, когда я свой забыл. А она мне так по голове стукнула этим же учебником!

– Значит, ты меня понимаешь. У человека так бывает: встретишь кого-нибудь, кто тебе приятен, и словно солнышко для тебя утром взошло. А если солнце взошло, что происходит?

– День наступает.

– Правильно. А днем гораздо лучше видно, кто рядом с тобой и кому ты добро можешь сделать, кто в тебе нуждается. А ночью ты спишь или не видишь ничего.

– А ещё можешь куст какой-нибудь за зверя принять, да?

– И так бывает. И даже испугаться этого куста. Но днем ты все увидишь правильно. Вот и в сердце такое солнышко иногда восходит, только важно не просто греться под ним, а помочь всем, кому ночью не смог. Ты понимаешь меня, Егор?

– Понимаю, конечно, – согласился Гошка, – но что будет, когда солнце опять зайдет?

Сочувствую Алексею: от меня он вопросы попроще слышал.

– Но я-то уже помнить буду, что видел днем, и кустов зря пугаться не стану. И знать буду, что бояться мне некогда – вы меня ждете: ты, Маша и мама. А ещё постараюсь для вас таким же солнышком стать, каким для меня Юля была. Не знаю, получится ли, но я постараюсь. И вам не надо будет глупостям всяким верить, кто бы их ни говорил.

– Папа, а каждый человек может таким солнышком стать?

ОКРЕСТНОСТИ

– Каждый, только очень захотеть этого надо. И ты когда-нибудь станешь для кого-то, и Маша. Но надо сил набраться. Усталый человек никого согреть не сможет. Беги спать, Егорушка.

– Ладно, а ты не забудь завтра карандаши купить – твердый и мягкий, ладно? А листочки для эскизов у меня есть.

Егор проскочил мимо, не заметив. Я вошла в кухню, села на ступеньку, прислонилась к косяку, посмотрела на Алексея. А он на меня.

– Извини, но я слышала все, так уж получилось.

Алексей присел передо мной, ноги поджав, и колени мои обнял.

– Ириша, можно, я ничего говорить не буду? Помолчу и посижу с тобой. Давно рядом с тобой не сидел просто так...

...Про меня многие скажут, что дура. Надо было или прогнать его или заставить всю жизнь свою вину чувствовать. С мужчиной иначе нельзя, разбалует. А мне легко стало оттого, что доверять ему могу. Что он живет так, как говорит, и говорит, как чувствует. И мне довериться смог. И не вину испытывает, а любовь и радость.

Вот лежит он возле груди моей, и лицо такое чистое, спокойное. Спи, любимый, спи. Нам ещё много беспокойных и тяжелых ночей и дней пережить придется. Но мы переживем. Знаю, ты не забудешь ничего. Ты никогда любовь свою и радость забывать не умел. И благодарным быть старался тем, кто в душу твою вошел, кто осветил её и согрел хоть на мгновение.

И девочке этой, что душу твою озарила, пусть и сама тому не рада оказалась, будешь признателен. И я благодарна ей, хотя все ещё... Благодарна, что заново тебя узнать смогла и лицо твое посветлевшее увидеть новыми глазами. Что поняла, как страшно тебя потерять. Свет она в душе твоей зажгла... Обидно, что не я. Но сохранить этот свет только я могу, и душу твою не замутить – это уже только мне по силам.

Не знаю, сколько раз ещё мы сорвемся в обиды и ссоры, чем заплатить придется за то, чтобы полет твой продолжался, но я заплачу. И упасть тебе не дам. И какая беда ни стерегла бы тебя, буду начеку и беде той тебя не отдам, в крайнем случае, отмолю тебя у беды.

Мужчина – существо неосторожное и, бог весть, куда зайти может и в какой чаще заблудиться в погоне за мечтой, но хранить огонь в очаге, который он издалека бы увидал, и куда бы вернуться мог, чтобы передохнуть и сил от Любви набраться, сможет только женщина.

Жена... Никогда не любила этого слова, но точнее не обозначить ношу и ответственность. Как девочка становится девушкой, а девушка – женщиной в свой час, так и возлюбленная становится любимой, а любимая – женой. Жизнь состоит не только из взлетов и посадок, основное время в ней занимает полет. Кто бы ни помог тебе взлететь, любимый, лететь ты будешь со мной. Чтобы не одиноко тебе было в дороге дальней и трудной. Чтобы как можно дольше ты не уставал и опускаться не хотел.

Ведь там, куда ты опустишься в тоске и усталости, может не найтись той, кто опять тебя в небо позовет. Ты ещё не знаешь этого – я сама поняла только что, – но крылья твои и небо твое – это я.

ОКРЕСТНОСТИ

Предисловие к публикации поэта

Машинопись венка сонетов «Ра» нашлась почти четверть века назад при разборе чудом сохранившегося архива поэта Александра Кремлёва. Кремлёву посвящена статья в первом номере «Графита». Но сонетный венок отношение к Кремлёву имеет косвенное. На жёлтых листках нестандартного размера указан автор – Коненко, тоже Александр. Вообще архив покойного авангардиста обнаружил широту эстетических вкусов.

Осевшие в архиве стихи коллег варьировались от крестьянских пасторалей Николая Жоголева до неоклассических строф Всеволода Лукина. Увы, четверть столетия назад авангард интересовал потомка куда больше неоклассики.

Равнодушно поелозив глазами по листкам, потомок почти ничего для себя не отметил. Разве что строчки о мятежном атамане Разине «Нам сохранили яд его корана угрюмые отроги Жигулей». Фраза осела в памяти, после чего порой напевалась на различные гимнические мотивы.

Ну, разумеется, было бы грехом не заглянуть в справочник Тарасенкова. Александр Коненко в нём обнаружился. С единственной книгой. Изданной в 1925-м году. Отпечатанной почему-то в типографии Военного Комиссариата. Заглавие совпадает с заглавием венка сонетов. Попутно: Ра в данном случае – древнее название Волги.

То есть индоевропейское «RNA», известное от скифов и сарматов. А не более известный «RA», египетский бог Солнца. Волга – главный герой всех пятнадцати сонетов. О месте издания чуть позже, но это не Самара и вообще не Поволжье.

О времени если не составления, то прочтения машинописи «Ра» можно судить по карандашному вердикту рядом с последним сонетом. «Принять для № 2 Гонг». «Гонг» – самарский литературный журнал. Сначала нечуждыми литературе аборигенами задумывался двухнедельник «Наше слово».

Потом аборигены сошлись на более пухлом ежемесячнике. Первый «Гонг» вышел в самом начале 1923-го года. На этом издание приказало долго жить. Значительная часть редакции и авторов через полтора десятка лет угодит в ту же мясорубку, что и Кремлёв. Поэтому что ли в последующие времена о злополучном «Гонге» практически не вспоминали.

Подпись рядом с упомянутым вердиктом с большой долей вероятности можно атрибутировать Евгению Охитовичу, редактору «Гонга». Действительно ли в 1923-м Коненко был в Самаре, а не переправил машинопись через посредников? Как бы то ни было, особые чувства автора к Жигулёвской Луке явствуют из содержания сонетов. Не только чувства – мелкие детали, вроде «ладаном запахнет тополей».

МИР-ОТЕЧЕСТВО

Волгари хорошо знают этот бальзамический аромат прибрежных осокорей. Важно и то, что несостоявшаяся перепубликация «Ра» должна была состояться в Самаре. Ведь книжное издание состоялось лишь два года спустя.

Местом издания стал город, особо значимый для литераторов Средней Волги. В нём провёл часть жизни граф Владимир Соллогуб, сотрудничая с местным журналом «Кавказ». Чуть позже в нём же редактировал журнал «Фаланга» и здесь же покончил счёты с жизнью Николай Симборский. Тут же под влиянием гастролёров-футуристов начал литературную карьеру гимназист Сергей Спасский. Сейчас город называется Тбилиси. Все упомянутые, Коненко не исключение, застали его ещё Тифлисом.

Увы, тифлисская книга и самарская машинопись – это всё наследие поэта, доступное до недавнего времени.

Фамилии Коненко нет в росписи журналов и сборников 20-х годов. Самарские литературные издания расписаны в незначительной части. В толстом литературном журнале «Понизовье», предшествовавшем «Гонгу», но с чуть более счастливой судьбой, – завершился на шестом номере в 1922-м году, – Коненко не печатался. Хотя мог заразиться вкусом к большой форме, читая поэмы и отрывки из поэм Тачалова, Герасимова и Ширяевца.

Самая регулярная публикаторская площадка для самарских литераторов 20-х гг – литературное приложение к газете «Коммуна» – вежливых рук библиографа так пока и не дождалась. Скрупулёзно перелопатившему приложения к «Коммуне» литературоведу Михаилу Перепёлкину имя Коненко ничего не сказало.

Прочёсывание всемирной сети тоже уткнулось в тупик. На беду, фамилия оказалась чрезвычайно распространена, особенно среди жителей Юго-Восточной Украины. Отчаяние строило фантастические гипотезы: не баловался ли в юности киевский учёный-гидролог написанием сонетов с тематикой, смежной по отношению к основной специальности? а может быть, сонеты сплетал в венок репрессированный в 1934-м волжанин-агроном?

Фамилия, кроме всего прочего, оставляет место для экспромта на тему: от Якова Тисленко и Александра Коненко до Михаила Анищенко и Дюши Стеценко или украинская нота в поэзии Жигулёвской Луки. Впрочем, украинство, как и всё остальное, остаётся в области гипотез. Писатель, современник Коненко, русскоязычный мордвин Дорогойченко когда-то отрезал от фамилии «Дорогойченков» заключительное «в». Псевдоним зазвучал по-украински.

Исследователь венков сонетов, написанных на русском языке, В.П. Тюкин, ещё в 1984-м в обширной библиографии не упоминает Коненко. Хотя ранее

венки сонетов Коненко указан в объёмном библиографическом исследовании Петра Тартаковского «Русская поэзия и Восток. 1800-1950», 1975.

Среди известных русскоязычных сонетных венков «Ра» входит в... первую тридцатку (?). С пополнением библиографии венков сонетов, -- см., например, журналы «De Visu» 1994 и «Russica Romana» 1995 и т.д. - хронологический приоритет, вероятно, сместился. Но вряд ли выскочил за рубеж полусотни.

К началу 20-х годов Коненко с большой долей вероятности мог знать сонетные венки классиков Серебряного века: Максимилиана Волошина, Вячеслава Иванова, Константина Бальмонта, Валерия Брюсова...

Встречались венки сонетов и у менее громких поэтов. Поэтов-провинциалов в том числе. Ежели озаботиться составлением отдельного «провинциального хронологического рейтинга» -- «Ра», по очевидным причинам, поднимется значительно выше. Среди венков сонетов, сплетённых поэтами Среднего Поволжья, «Ра» -- первый. Последний из известной мне приблизительно пары десятков публиковался не столь давно в журнале «Молодёжная Волна».

Считается, что плетение сонетного венка -- процесс, технически сложный. Последующий сонет должен начинаться с последнего стиха сонета предыдущего. Четырнадцатый сонет, закольцовывая композицию, должен завершаться первым стихом сонета первого.

Эти требования ещё не столь трудны, очередной и главный фокус в ином: общие строки должны составить пятнадцатый сонет, сонет-магистрал. С учётом того, что в сонете используется всего пять рифм, две из них в два раза чаще прочих, на этих пяти рифмах строится всё сооружение в 210 строк. Автор венка сонетов раскрывает своё умение, или неумение версифицировать с предельной наглядностью. Результаты порой неожиданны.

Венки сонетов малоизвестного Николая Шульговского или известного скорее в амплуа сатирика Александра Арангельского выдерживают сопоставление с венками упомянутой выше элиты Серебряного века.

А вот эмигрантские венки Бальмонта у искушенного читателя вызовут ощущение неловкости за авторскую то ли торопливость, то ли невнимательность. Если извинить Коненко некоторую неточность рифм, его современниками, впрочем, допускаемую, экзамен он не провалил.

Сопоставляя первый и последний венки сонетов Среднего Поволжья, можно убедиться в катастрофическом снижении владения версификационными навыками. Впрочем, за минувшее столетие усилилась скорее амплитуда стихотворных возможностей и качеств. Планка где-то опустилась, где-то поднялась.

Нынешние версификационные рекорды на поприще сонетного плетения Серебряному веку не могли даже присниться. Достаточно хотя бы имени саратовского уроженца Алексея Бердникова.

Честь переоткрытия Коненко принадлежит поэту, энтузиасту и одному из количественных рекордсменов сонетных венков Юрию Владимировичу Линнику. В 1993-м он включил «Ра» в сборник «Венок сонетов», изданный в Петрозаводске. Любовно подобрав для издания малоизвестные и малодоступные венки, Линник попытался дать им вторую жизнь тиражом в 10 000 экземпляров.

Тифлисское издание венка коненковских сонетов стало, разумеется, библиографической редкостью, его петрозаводская републикация куда более доступна. Увы, в доцифровую эпоху доступность ограничилась библиотеками и личными книжными собраниями.

Разночтений между текстами машинописи 1923-го (?) и публикацией 1925-1993-х годов нет. Несмотря на то, что текст машинописи испещрён пометами редактора. Вменяемыми, надо сказать – подчёркнуты наиболее рискованные словесные обороты. Автор то ли не ознакомился с этими пометами, либо не принял их во внимание.

Дигитализация окружающего мира временами приносит сюрпризы. Сюрприз, относящийся к нашей теме, сделала Национальная парламентская библиотека Грузии, выложившая в открытый доступ свой каталог.

В каталоге, помимо книги 1925-го года, в том же году наш таинственный Коненко отметился ещё одной публикацией. Вот она: «Пролеткульт Грузии. Сборник первый : [Самостоятельные работы членов русского сектора литературной мастерской Пролеткульта Грузии и коллектива комсомольских поэтов и писателей, объединяющихся вокруг журнала Заккрайкома РЛКСМ «Красные Восток»].».

При всех своих созвучных эпохе нотках – бунтарстве, оптимизме, культе труда -- для Пролеткульта Коненко, конечно, слишком утончен. Курс гимназии на лбу написан. Но, с другой стороны, а где ещё напечататься в 25-м году в Тифлисе?

За недоступностью самого сборника, трудно сказать, вошёл ли Коненко в мастерскую грузинского Пролеткульта, или примкнул к коллективу поэтов и писателей, объединяющихся вокруг «Красных Восток». Часть коненковских соавторов обладают сопоставимой известностью, т.е. безвестны, некоторым повезло больше. В литобъединении одного из них, скажем, произошло первое обсуждение стихов совсем юного Окуджавы.

Разрозненные номера «Красных Восток», равно как и сборник грузинского Пролеткульта, значатся в каталоге Российской Национальной

МИР-ОТЕЧЕСТВО

Библиотеки. Там же указан авторский сборник Коненко. Венок сонетов «Ра», заметим, занял в сборнике лишь около половины его страниц. Так что некоторые последующие разыскания можно сделать, даже не пересекая государственных границ.

Позволим себе немного патетики. Сколько их, поэтов одного сборника, без биографии, без генезиса и продолжения, пылится на полках! Обретёт ли Александр Коненко плоть, узнаем ли мы его даты и места рождения и смерти, прочитаем ли что-либо, кроме «Ра», зависит исключительно от нас. Поэт сделал всё, что мог. Если волгарям когда-либо понадобится гимн – строки для него уже есть в коненковских сонетах.

Поблуждав между кавказскими горами и карельскими озёрами, венок наконец-то возвращается на Жигулёвскую луку.

Георгий Квантришвили

МИР-ОТЕЧЕСТВО

Александр Коненко

РА Венок сонетов

Ра - древнее название Волги.

1

Из тайников неведомых болот
Веленьем грозным Северного Рока,
Рождаясь из прозрачного истока, —
Стремишься ты на солнечный восход...

Там рыболов проворно сеть плетет,
Там свил гнездо охотник одинокий,
Там синь лесов... Куда ни глянет око —
Коротким летом липы льют свой мед...

Но вот барьер... Скалистых замков своды...
Вгрызаешься ты в камень вековой,
О плиты бьешь седою головой

И, высверлив в глухой стене проходы,
В тот край, где нега, тишина, покой, —
В степной простор ты устремляешь воды.

2

В степной простор ты устремляешь воды,
Где солнце пьет цветов бессчетный сок,
Где топчут трав зелено-пестрый ток
Верблюдов робких медленные взводы...

Не сказка ли дожди и непогоды?
Ласкают струи бархатный песок,
У ног твоих загадочный Восток —

МИР-ОТЕЧЕСТВО

Игра истомной, вычурной природы...
От века уготован жребий твой,
Хмара пустынь и ветра злобный вой
Торжественно тебе слагали оды...

И все тянулись жадно за тобой;
Ты плакала кровавою волной,
И гибли за тебя в борьбе народы.

3

И гибли за тебя в борьбе народы,
Жестокий скиф проворною рукой
Разил своей пернатою стрелой
Затерянные временем породы...

Ряды болгар, монголы-коневоды,
Славяне с темно-русой бородой
Толпились над великою рекой,
Делили с ней веселье и невзгоды.

Уже веков потерян жуткий счет,
Столетия рухнули в немое время
По-прежнему кровавый пир идет...

И прорастало пагубное семя.
Одно другим сменялось снова племя,
Бесследно исчезал за родом род.

4

Бесследно исчезал за родом род,
На смену подымались молодые;
Погибла рать скуластого Батыя —
Степей восточных коренной оплот.

И снова мчал событий пестрый ход...
Осела здесь мужицкая Россия,
И гнулась под ярмом боярским выя,
И отравлял тебя сермяжный пот.

МИР-ОТЕЧЕСТВО

Ты затаила песни и сказанья,
Про старину далекую преданья
Речной простор и день и ночь поет.

Придет зима, застынет все, устанет,
Но вновь заговорят воспоминанья,
Когда волна ломает рыхлый лед.

5

Когда волна ломает рыхлый лед,
Весенний гул наполнит все долины,
И, медленно покачиваясь, льдины
Как чешуей, покроют твой хребет.

И четок в небе журавлей полет,
И гор маячат дальние вершины...
Ты ворвалась в овраги и низины,
И с каждым днем простор реки растет...

Ты залила сады и огороды;
Гудит тревогой медь колоколов,
И эхо далеко несет твой зов.

Уже пыhtят на бухтах пароходы...
Очнутся от тяжелых зимних снов
И на полях зазеленеют всходы.

6

И на полях зазеленеют всходы,
И ладаном запахнет тополей,
В густых кустах бессонный соловей
Заворожит восходы и заходы...

Цветов и красок пестрые разводы,
Поэма звуков, света и теней,
И капель звон, и шорохи ветвей,
И бабочек, и мошек хороводы...

МИР-ОТЕЧЕСТВО

Пусть в этот день мы выпьем жизнь до дна!
Пусть отдохнут угрюмые заводы,
Умолкнет стук колес, уснут приводы...

И день, и ночь мы проведем без сна...
У вод твоих безумствует весна —
На берегах отпразднуем свободу.

7

На берегах отпразднуем свободу,
Взберемся на вершины древних гор,
Где атаман держал речной дозор,
Оберегал все выходы и входы.

Напрасны были битвы и походы —
Был неприступен заповедный бор;
Там рать сметал неистовый отпор
И в ужасе бежали воеводы.

В глуши лесов есть заповедный грот,
Вокруг краснеют сосны вековые,
Заглохшая туда тропа ведет...

Разыщем же сквозь заросли густые
Твоих одежд изгибы голубые,
В глуби твоей потопим зимний гнет.

8

В глуби твоей потопим зимний гнет;
Забудем темноту, болезни, холод,
Когда под крышами деревни голод
Кривил насмешливо беззубый рот...

Все позади, а мы идем вперед...
Эй, подходи сюда скорей кто молод!
Степенный чернозем и нервный город, —
Сбирайтесь все на многолюдный сход!..

МИР-ОТЕЧЕСТВО

Паркетом будут шелковые травы,
Трибуной поднялся широкий пенъ,
И сводом нависает дуб курчавый.

Когда же за горой угаснет день,
Фатою даль завесит светотень, —
Мы посетим заветные дубравы.

9

Мы посетим заветные дубравы,
Уже звучит вечерняя свирель,
И сумерек дрожащая постель
Окрасила овраги и канавы.

И стелется туман молочно- ржавый
На вод твоих недвижную панель;
Крадется ландышей пахучих хмель,
Волнующий, и тонкий, и лукавый.

Минует ночь... и вспыхнут небеса,
И загорятся многоцветной лавой,
И весла зазвучат у переправы,

И освежит и обожжет роса
Бескрайние дремучие леса —
Свидетелей дерзания и славы.

10

Свидетелей дерзания и славы
Читаем летопись — седых веков...
На отмелях песчаных берегов
Когтил добычу Кудеяр кудрявый.

Сюда сбегалась голь искать управы,
Здесь черный гений страждущих рабов,
Орудие возмездья — Пугачев
Победно разведал свой стяг кровавый...

МИР-ОТЕЧЕСТВО

Не здесь ли звенья ржавые цепей
Разорваны стальной рукой Степана,
И загорелись зори наших дней!..

Пускай похоронили атамана —
Нам сохранили яд его корана
Угрюмые овраги Жигулей.

11

Угрюмые овраги Жигулей,
В вас был веков; преданья ваши святы,
Вокруг нависли каменные скаты
Суровых и морщинистых кряжей.

В пещерах узких — царство мудрых змей,
Внезапно зазвучат шагов раскаты,
Проснется в темноте весь род заклятый
И зашипит из трещин и щелей.

Прочь из провалов... К солнечным просторам
Подыдемся толпой по косогорам,
Тяжелый путь, чем выше, тем светлей...

Сквозь заросли сквозит поток лучей,
Огнем пылает в наших юных взорах
И на клинках сверкающих мечей.

12

И на клинках сверкающих мечей,
И на столбах из нового металла,
Из кирпичей железного закала —
Заложим мы фундамент крепостей.

Мелькают тени рычагов, ремней,
Смеется рот у горна темно-алый...
Еще одно усилие, брат усталый,
Здесь укрепим и здесь нажмем дружной..

МИР-ОТЕЧЕСТВО

Уж небо режут зданий гордых главы,
В багрянце торжествующих знамен,
Несется стук и гул со всех сторон.

Поет завод могучею октавой...
И, как волюты мраморных колонн,
Сольются руки в клятве величавой.

13

Сольются руки в клятве величавой...
У дерева, где созревает плод,
Напрасно подрывает корни крот,
Исполненный бессилья и отравы.

Мы создаем, — и потому мы правы!..
В грядущее мы опускаем лот...
Усилье воли, мужество, расчет —
И позади рогатки и заставы...

Пой, молодость! Ты, сердце, радость пей!
Поэты, стройте из созвучий зданья,
Вы, кормчие, вставайте у рулей!
Вы слышите, скрипят прощально слани, —
Дадим скорей друг другу обещанья
На кладбище героев и вождей.

14

На кладбище героев и вождей
Дадим обет отбить врагов удары...
Нам не страшны разливы и пожары,
Мы не покинем наших кораблей...

Несись, река, ты, ветер, в парус бей!
У нас в руках весы Любви и Кары,
От полюса до огненной Сахары
Мы увлечем отцов и сыновей.

МИР-ОТЕЧЕСТВО

Пусть прошлое земли неумолимо, —
Ведь с нами рать бойцов неустомимых,
Ведет нас солнце — времени пилот...

Чу, колокол на вече нас зовет
Из глубины лесов непроходимых,
Из тайников неведомых болот.

15

Из тайников неведомых болот
В степной простор ты устремила воды,
И гибли за тебя в борьбе народы,
Бесследно исчезал за родом род.

Когда волна ломает рыхлый лед
И на полях зазеленеют всходы, —
На берегах отпразднуем свободу,
В глуби твоей потопим зимний гнет.

Мы посетим зеленые дубравы,
Свидетелей дерзания и славы —
Угрюмые овраги Жигулей.

И на клинках сверкающих мечей
Сольются руки в клятве величавой
На кладбище героев и вождей.

МИР-ЧУЖБИНА

Между тлением и бессмертным духом

Сборник стихов "Между" - это книга, в которой поэзия в области истинного искусства. В ней лирическое Я чувствуется органической и неотъемлемой частью Космоса, Вселенной.

Здесь, на земле, человек имеет временную миссию, это короткая остановка на пути к бесконечности. Жить на земле, но думать о том, что будет потом, о Вселенной и Боге - это главное поэтическое послание, которое мы открываем. Характерно стихотворение, например, "Я, Эмпедокл". Вот как оно начинается:

Кратер страшен, как зияющее перерезанное горло.
Долго единственный я видел над ним главу Бога.
С ночи внезапно мне вздумалось Богу причаститься
самозакланием -
в сущности, я понял, что пора вернуть плоть свою земному
логосу.

Перерезанное горло - это очень выразительный образ, в этом случае нельзя не вспомнить одно сравнение Далчева относительно заката. Но именно это подтверждает вариативность внушения и мысли Ницше, что это нюанс величайшего постижения человека.

Потому что предметность, насколько она существует, превращается в жажду духовности:

Боги протянули во мраке тела созвездий.
Быстро покинул я город и отправился к горлу Этны -
я хотел до полудня совершить заклание Божьей главе...
Просто достичь вершины и в кратер броситься!

Также и монолог крови ("Предсмертные записки крови") впечатляет, потому что она себя чувствует комфортно и видит свой высший смысл, когда течет, пульсирует и живет в поэте - в обобщенном смысле в творце, в духовном человеке. И лирическое Я хочет почувствовать, как "воздух в легких становится словом".

Прежде чем отправиться Туда, требуется почувствовать и воплотить в себе духовные заветы титанов, которые жили до тебя, чтобы не отойти "словесно голым". Тогда шансы, чтобы тебя приняли подобающе Там, значительно выше.

МИР-ЧУЖБИНА

Названия стихотворений также говорят о духовности: "Над землей осенью", "Брат мой взгляд", "Старец и пространство", "Архангелу болгар", "В поисках слова», «Истолкование», «Богоборчество", "Через... в" и т.д.

В стихотворениях встречаем имена таких духовных исполинов, как Ботев, Пушкин, Платонов, Кафка, Есенин, Цветаева, Мандельштам. Одухотворены предметы, образы, топосы. Невозможно просто, чтобы в лирике поэта, который живет в Варне, не присутствовал родной город, море:

Варненцы по принципу диссонансно поют -
может быть, по чисто структурным причинам:
чело Варны - Ташла Тепе,
гортань - лестница в Морском саду,
солнечное сплетение - прибрежный песок...
("Из Варны")

Впечатляет современный и ненавязчивый патриотизм, далекий от шумного блестящего шовинизма. Все идет через человека, важен Бог внутри нас. Конец стихотворения "Отместность" эмблематичен для духа всего сборника стихов:

После я понял, что ты мерцаешь другим мерцанием.
После я понял, что поэт смещает свои тела -
смертное тело от тела души,
а между ними трепещет лирическое время.

Вечное противоречие между плотью и духом интерпретируется и в конце "В поисках слова":

Золото, которым оплачиваю ночью
райские внушения в моем сне,
днем мечтается как власть
над слабой моральностью моей плоти.

Поэт вступает на пальцах в храм искусства. Мы можем открыть известную близость в самом широком смысле и дальнейшее сходство с такими поэтами, как Иван Цанев и Борис Христов, в основном по отношению к символическому дискурсу »Между". Но Димитар Калев достаточно отличается от своих предшественников.

Цикл "Гекзаметры" утверждает общее в поэзии "Между". Стихотворение, давшее название книге, наиболее показательное:

МИР-ЧУЖБИНА

Поэт хочет быть «моральным пунктиром», который невидим, но всегда стоит перед человеком. Это часть гуманистического пафоса книги.

В "Между" нет лишних, случайных и неубедительных стихотворений. Это единая стильная и плотная поэтическая книга, нагнетенная смыслом, концептуальная. Она имеет несомненные поэтические достоинства как в содержательном, так и в формальном отношении.

Поэтика книги модерна, но без маньеризма или предвзятого модернизма. Поэзия в "Между" принуждает нас вступать в разговор со словами, "которые пытаются из воздуха узлы вязать". На протяжении всего сборника стихов не оставляет нас чувство, что мы бродим по земле духа и искусства. И это чувство дает смысл и заслуживает усилий общения с этой экзистенциальной и полифоничной лирикой.

"Между" - наиболее зрелая поэтическая книга Димитъра Калева на данный момент. Она может удовлетворить всякий взыскательный читательский вкус. А чего может достигнуть поэт? На этот вопрос ответят следующие его поэтические книги.

Никола Иванов

Перевод 2014 г.

ДИМИТЪР КАЛЕВ

Димитар Калев родился в Омуртаге в 1953 г. Живет в Варне. Имеет степень доктора медицины и является практикующим врачом. Опубликовал поэтические книги "Страдание света" (1993), "Позвольте мне полить росток" (1996;. II изд. - 2002), «Триада» (2001;. II изд. - 2001) и "Между" (2006). Часть стихотворений из последней его книги издана на CD в мультимедийной версии (идея и мультимедийная обработка Филипа Филипова). Составитель документальной книги о Петъре Дънове «Мастер в Варне" (1999). Член Союза болгарских писателей.

МИР-ЧУЖБИНА

**Из цикла «Помежду и отместване»
(Переводы из Димитъра Калева, 2014)**

ОПЫТ ВДОХНОВЕНИЯ

**Из книги «Да ме поливате отвъд»
(София, Сребърен лъв, 1996)**

Последствия мысли -
нечувствительные следы,
оставшиеся в воздухе
после полета голубя.
А там,
где всего миг назад
была птица,
где должен звучать
открытый смысл пространства,
оказываются только две
расходящиеся струйки ветра,
наподобие буквы,
с которой начинается слово любовь.
В другой раз
после голубя остается
уже слитая прозрачность,
в которой медленно падает
и записывает слова
некое перо,
оброненное улетевающей птицей...

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Из книги «Да ме поливате отвъд»

Я чувствую, как сквозь горы
течет быстрая вода -
незримо-шелестящая протяжность

МИР-ЧУЖБИНА

между бессмертным рилским снегом
и горсткой круга,
в котором плачет озерное сердце...

Не знаю, вода ли это
или текучее дитя,
которое, играя,
сглаживает каменные формы
и, как на уроке геометрии,
разрезает горы
на кубические их основы
и, глядя в разостланную им асимметрию,
видит знак лежащего распятия.
У ребенка нет в очах евклидовых понятий
и мысли знака о перекрестном сочетании
ручьев с лучами...

Я чувствую,
как вода вносит мягкость в скалы.

ГОСТИ СОЗНАНИЯ

Из книги «Да ме поливате отвьд»

Жизнь моя - гость,
присевший с краю трапезного овала солнца,
а принадлежащие мне чувства,
в сущности,
прозорливый и ненасытимый
вкус рассвета.
Жизнь моя влюблена во вкус
всевозможных тел -
человеческих,
травных,
скальных,
да даже и херувимских -
и за то я приглашен часто,

МИР-ЧУЖБИНА

как вкусный гость,
в голодные их кущи -
переживание любого голода
всегда едино и суще /одно и то же/.
Жизнь моя себя чувствует живой
единственно с краю
трапезного овала солнца,
где сытость очертила
голодный предел моему сознанию -
там всегда приходят
и возвращаются гости...

УРОК ПО ПЕРСПЕКТИВЕ

Из книги «Да ме поливате отвъд»

Не пытайся
меня рисовать
в воскресенье
в полдень,
тогда я настолько неопределим -
и солнце в зените,
и овал головы моей,
и пропорции ломаные плоти моей,
и тенистость, и продолжение инаковости.
Не пытайся тогда и разговаривать с душой моей,
ни поверить, если тебе скажут
"Она здесь"
или "Она там".
Я не помню, никогда сам не целовал плоть ее.
Помню короткий шепот вещества,
которое разрушается
скачком
от мягкости к плотности -
помню предельную полноту,
как плачет
каплями преизобилие -
в сущности, помню единственно жесты,

МИР-ЧУЖБИНА

с которыми душа моя оседлала
неосязаемую пустоту.
Так что я настолько неопределим
в воскресенье
в полдень -
лучистыми перстами солнце
плетет сгустки на темени моем,
ноги мои учат геометрию
по странным линиям тени моей -
начинаю солнечно,
тенисто воплощаю.
Если ты придержишься измерений
в темени моем,
в пятках моих
или где тебе вздумается в другом месте,
то подогреешь только преломление,
с которым сознание себе служит,
чтобы разрезать вечность...
Ну, добро,
попытайся меня нарисовать.
Но ты должен положить душу свою
за тень мою,
за плоть,
за солнце мое -
когда возгреется в тебе
и раскроется отражение в крови твоей...

АПОКАЛИПСИС

Из книги «Да ме поливате отвъд»

Вот так
все будни себеочертания -
вот так
я видел, душа мечтает о своей воле,
как голова вола,
облеченного в белую кожу.

МИР-ЧУЖБИНА

Я видел в горле его и песни,
сложенные так, как
на заре жестко молчат лучи -
так, как самопожертвование матери молчит.
Вот так все себеочертания
я видел,
как вол с челом своим учился воле -
и как прозябала мудрость его -
острая,
двойная
и рогообразная.
Я видел справа и Учителя Бытия /Повелителя Вселенной/,
как слива междумудрия праздного
с единосущной истиной -
и как прорастают в ней
рога души моей...
Вот так
себеочертание мне мыслится...

УМ XX ВЕКА

Из книги «Триада» (Варна, 2001)

Спят перекопированные равные вершины,
несклоняемые имена
(Не добавляйте ветреную плоть и мглу
к первообразу века)...

Вместо гладких контуров - с иглистым морозом
описана реальность.
Только Сириус ночью со звездным кортежем
восходит на горизонте мысли -
аметистовая мистика
и диамантовая власть...

В этом звездном уме измыслен и Я.

МИР-ЧУЖБИНА

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Из книги «Триада»

Иногда внезапно раздвигается даже фон души -
и осознаваемые черты трепещут, как в дымке в полдень,
тогда некая пагуба начинает влюбляться в вещи -
если горячие ветры прикасаются к телу чего-то
холодного,
если жизнь истончается, постепенно себя разгадывая,
и там где-то должна быть сила, с которой мы осознаем миры,
я вижу - в мозгу моем темное солнце медленно поднимается,
лучи его озаряют обратным взглядом ничто.

Тогда лишь краткая некая чистота в моей голове -
как мое спасение приходит мозг Сатаны,
как кто-то меня открывает, кто-то меня раздает без остатка -
остаюсь атомом чистой смерти в крови некой рациональности...

ТРИАДЫ

Из книги «Триада»

Я привит к тризначному дереву -
цветущему, лиственному, плодоносящему -
уж стебель,
уж само,
уж одно -
в наи-трисмысленном существе
как буду единороден?

Цвета - аромат - чувства -
Бог через них
вкладывает страх
в мои вены;
плоды - солнечный вкус - размышление -
боги хранят себя во мне

МИР-ЧУЖБИНА

с мыслью моей о скрытой печали;
ветви - шепот в листьях - добро -
зеленеет в горле моем слово...
Я расчленен в троичное безумие -
нечувствуем,
немыслим,
нелюбим -
я привит к тризначному дереву.

В сущности, могу ли вкоренить
плод в луч,
лист в звук,
цвет в аромат,
я разорвал сам свое собственное сознание -
я его развеял по ветру -
как оно самосоединится -
ветрен цвет,
ветрен лист,
ветрен плод -
тройная смерть - однородная жизнь...

Я, ЭМПЕДОКЛ

Из книги «ПОМЕЖДУ» (София,
Изд-во «Захарий Стоянов», 2006)

Кратер страшен, как зияющее перерезанное горло.
Долго один я видел над ним главу Бога.
С ночи внезапно вздумалось мне Богу причаститься
самозакланием - в сущности, я понял, что пришло время вернуть свою плоть
земному логосу.
Сперва по вызову пришел ко мне престарелый раб;
я сказал ему: "Верный добряк, омой напоследок мои ноги!"
В рабских глазах я увидел, как возникает бессмысленный водоворот.
"Как ты себе представляешь, - спросил я, - жизнь,
то есть врата его? "

МИР-ЧУЖБИНА

Раб тогда сказал в мучении своих глаз:

"Ей, память о женском лице не открывает ли дни мои
заодно с красотой быстрых мыслей в очах ее;

ей, не покрывают ли тканью лицо всякого мертвеца -
мое пусть покроют разостланным женским лицом..."

"Раб - воскликнул я - много земли засорило твою кровь,
много воды и воздуха,

но огня не хватает в твоей плоти! "

Я умолк - я увидел в муках жестокое рабское сердце...

Боги протянули во мраке созвездия тел.

Быстро покинул я город в направлении горла Этны -
я хотел до полудня совершить заклятие в Божьей главе...

Просто достичь вершины и в кратер броситься!

Переводы с болгарского Олега Романова (Самара)

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Паровозъ: поэтический альманах-навигатор / под ред. С.В.Василенко, В.Н.Мисюка; сост. С.В.Василенко, В.Н.Мисюк, В.И.Стрелец. – М.:Союз российских писателей, 2013. – 344 с.

Альманах вместил свыше 90 авторов с просторов России и ближнего зарубежья, едущих в поименованных вагонах, каждый из которых объединяет несколько городов, а также в международном (поэзия зарубежья), специальном (лауреаты Волошинских конкурсов), почтовом (переводы) и багажном (критика, эссе) вагонах.

«Китайская вишня» Светланы Василенко – первое, что заставило взяться за перо. Накатило, а ведь, казалось бы, верлибр, от которого шарахалась, как чёрт от ладана, ибо большинство из прочитанного в этом жанре – лишь с претензией на духовность и глубину, а большей частью – игра словами, перечислениями или же проза в столбик. Игорь Меламед – светлая память! – гениален каждой строкой. Анатолий Бергер близок неподкупной совестью поэзии. Михаил Воловик – щемящей простотой:

«Неутешность ребёнка большому смешна...».

Ещё из впечатлений. Словоизобретатель и словоисследователь Марина Кулакова: «Я женствую. На кухне. Баклажан...». Предельная ясность и обнажённость Олега Гонозова. Звонко звучит молодой голос Наты Сучковой: «Апухтин – синий, Анненский – зелёный, / И голос был, и голос говорил...»

Любовь Бессонова – неимоверно рада встрече с ней (её книжечку с автографом «Зеркало дождя» храню более 20 лет): «На что мне вода и пища! / Знаю, что поутру, / Если меня не сыщут – / Я всё равно помру». Изысканно точен Виктор Стрелец: «Листок – точно счёт ресторанный. И – официантка-судьба...». Яростно и «фанфарист» Александр Фанфора: «боевые названия улиц качают права...».

Приятное знакомство с Валентином Нервиным: «Там, на Оке такая благодать / и водоизмещение, что даже / классическим пером не передать / шизофрению русского пейзажа». Не передать, а ему удалось. Константин Комаров из тех, кто запоминается и кто умеет удивлять. Так же, как и Дмитрий Румянцев. Необыкновенная свежесть поэзии Вероники Шелленберг. Андрей В.Богданов новаторски оформил текст с выравниванием строк по правой стороне.

Из-за этого не покидало ощущение, что я читаю вверх ногами, и журнал надо срочно перевернуть. Листаю, читаю дальше... Захотелось сказать «спасибо» Евгению Мартынову – прекрасная поэзия. Жаль, что третья выделенная ему страничка на две трети пуста – а ведь вместились бы ещё 3-4 стихотворения. Такая же история – у Александра Тимофеевского. Место обзора ограничено, а так хочется назвать ещё несколько понравившихся имён: Валерий Сердюк, Любовь Сухаревская, Мария Ватутина, Станислав Ливинский, Роальд

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Добровенский, Сергей Пичугин, Вячеслав Егизаров... Переводов и критики не касаюсь. Общее впечатление – солидный, крепкий ежегодник с перспективой. Немало открытий, сбалансированный состав авторов (классиков и модернистов).

О Господи Боже, зачем эта гибель и мрак? / И горькая водка, и сладкая музыка эта? / Рукою ужаленной шарит несчастный дурак, / Меся пустоту в беспорядочных поисках света. (Игорь Меламед)

Performance: литературно-художественный, публицистический журнал / Гл. ред. Т. Самойлова. – Самара: ООО «ДОМ». – 2013. – № 45 – 46.

56-страничный красочный журнал имеет подзаголовок «Всё об искусстве». Некрасочно об искусстве нельзя. Любопытна заметка об обсуждении проекта стадиона в Самаре к ЧМ по футболу–2018 в форме лепесткового «сфероида» (стадион, а не заметка!). Интервью Татьяны Самойловой с фотографом Еленой Елеевой, сопровождаемое фотографиями Елены, сделанными в детском доме, прочла от начала до конца. Мирослав Бакулин и его проза – совершенно нескучные истории, с удовольствием присматриваюсь.

В рубрике «Осколки» зачиталась мостами – самыми разными (автомобильными, подвесными и даже зубными), с чертежами, рисунками и историями. Понравился обзор Татьяны Казариной о книгах Татьяны Петровой «Вдоль светлого луча» и «Из пригоршни упругих знаков», но автором первой книги на обложке значится Татьяна Литинецкая. И я не поняла – это одно и то же лицо?

Стихотворная подборка Виктора Агальцова с предисловием Михаила Перепёлкина под названием «Переводчик вещей», безусловно, украсила номер. Не могла пройти мимо бесед Алёны Самсоновой с режиссёрами анимационного кино Александром Бубновым и Дмитрием Резчиковым, гостями XVIII Международного фестиваля «Кино – детям» и с актёром Алексеем Барабашем. Любители оценят статьи о фестивале «Рок над Волгой», о выставке Нико Пиросмани в Самаре, прозу Каринэ Арутюновой, материалы Натальи Эскиной и Светланы Хумарьян к 100-летию композитора Хренникова, театральные статьи, впечатления от презентации книги московского поэта Александра Макарова-Кротко(го? ва?) и рецензию к.ф.н. Андрея Косицина на книгу Вадима Карлова «Легенда песочных углей», обложка которой вынесена на обложку журнала и исполнена Мариной Шляпиной, а также странички, посвящённые архитектору Александру Колоярскому (его объекты расположены в основном в Тольятти). Вывод: полезный и просветительский журнал для умных людей.

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Из «погрешностей»: с трудом читаемые (при вечернем свете) на светло-сером фоне белые буквы в некоторых статьях.

«Как иноверьем – горизонт, / Как правда – тяжестью доноса, / Любой ответ наш заражён / Болезнью нового вопроса» (Виктор Агальцов)

Сумин Сергей. Метаморфозис: прозаические миниатюры разных лет. – Тольятти. – 2014. – (коллекция альманаха «Графит». Вып. № 2). – 158 с.

Как библиотекарь (хоть и бывший, но вечный в душе), я первым делом рассматриваю книгу как предмет материальный: смотрю на переплёт, от которого зависит, долго ли книга будет храниться, отмечаю красоту оформления (или её отсутствие). Ну и затем, конечно, пристально всматриваюсь внутрь.

Сразу хочу сказать, что внешнее оформление книги Сергея уступает (на мой только взгляд) её «внутренностям» (ох, не любят библиотекари клеевой переплёт!). А само оформление, хотя и чёрно-белое (кстати, все рисунки автора) очень даже гармонирует с «метаморфозисом» – книгой превращений фантазий и домыслов автора в реальные прозаические тексты с реальными, «человеческими» героями.

Но открывается книга всё же поэтической главой. Верлибры по своей наполненности напоминают мне японские танка, только более развёрнутые (в среднем на 13-17 строк) и разветвлённые. Может быть, подобрать к ним своё жанровое название, например «сумка» – по фамилии автора?

Советую рассмотреть этот вариант. Но отбросив шутки, скажу, что верлибры Сергея представляются мне текстами для медитации (наверное, поэтому и знаки препинания отсутствуют), и я хотела бы их услышать в звуковом оформлении.

Зацепил «Промельк сути»: «...ибо со смертью дерева мёртвой оказывается дорога так отчётливо прорисованная на рисовой бумаге...» (наверное, она хорошо звучала бы в предварении звука пилы).

Глава «Пять знаменитых американцев» демонстрирует тонкую иронию автора (вспомнился любимый Карел Чапек). Чтиво, на самом деле «резкое и необычное», как выразился автор в предисловии, в котором хотел «хоть как-то оправдать вспышки ненависти к США» и честно, однако, предупредил, что тексты были написаны в 2001 году (но как актуальны!). Герои – известные американцы – Дисней, Карнеги, Арнольд Шварценеггер и другие – в немыслимых условиях и фантастических ситуациях. В совершенном восторге от «Большого Энди»: «Известный мастер живописи Энди Уорхол густо

КНИГА ЗА КНИГОЙ

пописал на большой лист бумаги, лежащий на полу, и отошёл на небольшое расстояние. Новая работа ему очень сильно нравилась...».

Есть в книге главы «Неотправленные послания» и «Три рассказа о любви», но меня привлёк свод рассказов-правил, образующих «Метаморфозис» – некий закон мира и закон человека о самом себе. И неважно, что повествование идёт то от третьего, то от первого лица. И что герои – то главный судья, то обычный писатель, то молодой человек, то старик, а то и книга.

В совокупности эти 18 рассказов образуют трактат о человеке и представляют собой плод трёхлетнего творчества автора. Раздел миниатюр, прелестных своей метерлинковской лиричностью, борхесовской тайной или андерсеновской сказочностью, когда герой, например, заговаривает с вожаком птиц, чтобы улететь со стаей из холодного и неуютного города.

Миниатюра № 9 поразила особенно: «...Внимательно пролистав книгу, я понял, что существуют два слова в этой книге, которые редакторский карандаш оставил нетронутыми, и этими словами оказались «дерево» и «бог». Глава «ЖЗЛ» – зарисовки, коротенькие сценки, диалоги из жизни замечательных литераторов, где на первое место выступает даже не столько реальность или выдуманность эпизода, сколько его психологическая составляющая, весьма искусно и любовно выписанная автором.

Наконец, завершает книгу глава, представляющая собой собрание небольших сочных эссе по шедеврам мировой литературы. Пользуясь авторской характеристикой творчества американского писателя Давенпорта, хочется применить её к самому автору «Метаморфозиса»:

«Некоторые новеллы представляются фрагментами огромного художественного полотна, заметного, однако, если только смотреть на них сверху, на всё сразу...»

Тягунов Р.Л. Стихи, 1983 – 2000 гг / Роман Тягунов. – Челябинск: Изд-во Марины Волковой, 2014. – 60 с. – (Галерея уральской литературы. Кн. 6-я).

Поэзия бывает самодостаточной, когда ты не знаешь биографии автора, и тебе это, в общем-то, не мешает. Ты просто читаешь и наслаждаешься стихами. С Романом Тягуновым случилось наоборот. Одни стихи безоговорочно становились «моими», другие же вызвали отторжение. Тогда поневоле начинаешь искать истоки творчества в биографии.

Вот что пишет о Романе Тягунове, которому судьба отпустила всего 38 лет, редактор-составитель Виталий Кальпиди: «Устраивал мистификации... Отличался неуравновешенным характером. Был гостеприимен и щедр, но при

КНИГА ЗА КНИГОЙ

этом заслужил славу kleптомана. Мог быть очень мил и внимателен..., но временами становился агрессивен... Некоторое время принимал различные наркотики...» Такой разброс в характере проливает свет на стихи.

Пожалуй, визитная карточка поэта – стихотворение «В библиотеке имени меня». Перечитываю его в какой раз, и будто слой за слоем снимается старая краска, обнажая первородную живопись мастера. Мистикой веет от стихотворения «В Михайловском зима перерастает в осень...»: «О, лунный циферблат! Мы не в своей тарелке: / Нам сахарная кость, что ось железных лет. / Давно прошедший век процеживают стрелки: / Вот – Парус, вот – Дантес... / А Пушкина всё нет».

Тягунов убеждён в божественной природе вдохновения, для него Бог выступает в образе лыжника, а поэт всего лишь скользит по привычной дороге: «Все мысли взяты напрокат / У лыжника двух параллелей...»; «...не я говорю / но пославший меня». О России – смело, через выстраданное: «Россия в поисках врага: / Привычка выросла в обычай...»; «Кто против России, тот против / Любви, против слова «любовь», «Россия – должник перед Богом / За сказки, стихи, колдовство».

На протяжении всей книги явно или тайно идёт переключка автора с литературой веков: «И чтоб продлилась жизнь моя, / Я ночью должен быть уверен. / Что утром в ней увижу я?»; «Я не оспаривал глупца»; «Впадая в сон... Впадаю в ересь»; «Плыви имярек...»; «Жить не по лжи», «Россия. Лета. Лотерея». Будто за спиной стоят, угадываются по силуэтам Пушкин, Пастернак, Бродский, Солженицын, Блок.

Ощущение хрупкости, незащищённости, незавершённости собственного пути: «Мой текст незавершён, да и незавершаем», «Я буду петь для Вас на птичьем языке»; «Стихи выводят в чисто поле / Чтоб в чистом поле расстрелять»; «не оставляй меня / наедине со мной»; «я не умею жить / я не в своём уме».

Но и осознание себя как поэта, которого будут помнить: «Мы пришли, как письма с фронта: / Долгожданны и страшны. / Нас читали так подробно, / Что не вспомнить не должны».

Поражает обильная игра со словом – это всевозможные перевёртыши, умело вплетённые в ткань стиха: «читая ТЕНИНЕТ / по кругу враГНЕВраг», «круг ДЕМОН круг НО МЕДЬ / Я БЕС СЕБЯ...», «НАМ БОГ ОБМАН – читай наоборот»; попытка нарушить привычность слова, сломать его заданность хотя бы путём написания: «адын человек», «мне голову кружыт», «в кругу шипящих»; расчленение слов на звуки и их расшифровка: «Я – цель, И – путь, Т – средство, Ы – движение», «Ё – зеркало, М – свет, Я – отражение». Поэт подпадает под магию числа: «К тому, что я считал бессонницей, числом, / Относятся: число, бессонница и лыжи...», «Нет выше темы, чем число»,

КНИГА ЗА КНИГОЙ

«Россия – страна грозная. / В ней имя опасней числа», «Не сосредоточиться... / Чувство... Мысль... Число...».

Есть непонятное, а, возможно, просто непонятое мной, требующее выхода за привычные пределы сознания: «Матерей не приносят в подоле. / Прайцом окольцован петух. / Близнецов набирают из двух / Пар, родившихся в поле и доме». Но автору словно и не нужно понимание читателя, ему гораздо важнее быть понятым самим собой, отсюда серьёзность игры с подсознанием, необычные образы и непривычные метафоры: «Я в медный дым топор всадил с размаха», «...Мы садимся в лифт / Из папиросной розовой бумаги».

Более всего в книге меня поразило последнее перед «Строфами» стихотворение, отчаянное обращение поэта к Господу: *«Горе мне, звёздная оспа мне – / Скатерть моя нечиста... / Господи, Господи, Господи, / Где же твоя пустота?»*. Роман Тягунов успел сказать многое до пустоты...

Галина Булатова

Между строк: Сборник произведений молодых литераторов Выпуск 3. Тольятти, Волжский университет им. В.Н. Татищева. 2014.

Что касается меня, то я убежден: все самое интересное находится между строк, в том, что не проговорено явно, не дописано.

Отличная задумка составителя – раздел "Контекст", где каждый представленный автор сопровождается рецензией коллеги из этого же раздела.

Сборник дает мне замечательную возможность увидеть, как воспринимают читаемый мною текст другие читатели, не всегда искушенные, зато всегда внимательные, и – что важно! – довольно открытые для понимания, поскольку они тоже авторы этого сборника. И, пожалуй, дилетантские большей частью рецензии именно этим и интересны – свежестью взгляда, искренностью суждений.

Не знаю уж, как удалось это составителю, но даже мысли не возникает при чтении этих рецензий: мол, кукушка хвалит... ну, и так далее.

Особый интерес представляет "Дебютный текст", где представлены начинающие авторы, многие – совсем уж юного возраста. Извечный вопрос: какова она, молодая поросль?! Увы, открытиями раздел не радуется.

Юные авторы довольно прочно сидят в колее школьной традиции, при этом некоторое преимущество у пишущих прозу – язык более живой, не стиснут ученическим каноном ритма и рифмы. Ребята постарше (Валерия Стрюкова, Роман Бровченко), естественно, смотрятся поинтереснее, но и они пока лишь

КНИГА ЗА КНИГОЙ

нащупывают свой язык, стиль, определяются со взглядом на мир. Возможно, именно для них публикация в этом сборнике наиболее значима, как некая веха, от которой можно начать новый отсчет.

*Вы обвиняетесь в наличии внутреннего мира, / Ключ от которого спрятан...
(Валерия Стрюкова)*

Сергей Ивкин. Стихи 2003-2014 г. Галерея уральской литературы, книга 12-я. Челябинск, Изд-во Марины Волковой, 2014.

Я все жду от современной поэзии, что она что-то новое и важное скажет о мире, о Риме, о человеке, обо мне самом (хотя бы об авторе), наконец.

"Не дает ответа". Как и книга стихов Сергея Ивкина. В ней то же, что на уме и в душах многих и многих, вышедших из снесенных ныне дворов советского Вавилона и не нашедших ни рая на "планете, сорвавшейся с оси", ни сакрального смысла в "стране столов и стульев". Кому "недостаточно тела, чтобы стать счастливым", и для кого "просьбы вернуться обратно всегда фальшивы". Людей, что стараются быть честными хотя бы наедине с собой, сохраняя при этом человеческое в себе.

Книгу пронизывает ощущение потерянности, неприкаянности, нереализованности, неостребованности вкупе с мучительным желанием навести резкость, настроиться на резонансную частоту Самого Главного В Жизни (Возвращение Нильса), скорбное осознание давно известного: жизнь в рамках не дает счастья, а "сорвать предохранитель" – нет ни желания, ни возможности. Максимум, на что хватает куража, "водяной <пистолет> поднял на человека", "нашел невесту..., напечатан в Нью-Йорке. чего ж ещё?"

Это говорит "человек тоскующий", но способный не забывать предошущенья чуда, умеющий время от времени видеть "небеса корабельные в самом топтыжьем углу", знающий, что "нужно ждать и любить, а скорбеть и бояться не нужно". Готовый под прессом безнадежности к жизни, где "мы сочиняем воздух и теперь еженедельно учимся дышать".

Вот, вроде, на 60 страницах и не сказано ничего нового и важного. А надежда проступает. Надежда на человека.

Я-то думал, что раскрою тайну, / разгляжу сокрытый компонент. /...столики и стулья общепита – / чуда сверхъестественного нет.

Сергей Пиденко

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Арион, № 3 (79), 2013, Москва. – 128с.

Перед нами столичное издание в лучших проявлениях понятия «столичность». С «Арионом» стоит познакомиться уже для того только, чтобы, промышляя в наш век безрыбья в области поэтического периодического книгоиздательства по преимуществу раками, не забыть внешний вид и вкус настоящей рыбы.

Первый в России «толстый» поэтический журнал отметил в этом году свой двадцатилетний юбилей. За эти годы стиль его был выверен и отточен – от оформления до содержания.

Самый противоречивый и богатый в своем ассоциативном наполнении цвет обложки – красный – приковывает взгляд исподволь, и название с эмблемой на его фоне выглядят очень сдержанно и стройно. Символика журнала прозрачна: знаменитый древнегреческий поэт Арион верхом на очарованном его пением дельфине. Скромный прямоугольник с графическим рисунком в стиле модерн завершает лаконичное оформление обложки и служит своеобразным проводником в мире «Ариона»: каждая рубрика внутри издания будет иметь свой четырехугольный логотип, продолжая, дополняя, развивая и объясняя смысл первой силуэтно-неясной картинки.

«Арион» заявляет себя как журнал поэзии, но приготовьтесь к тому, что количество стихов и литературной критики здесь пропорционально. Отбор авторов основателен. Даже среди дебютантов «залетных» и коммерческих халтурщиков не встречается. Поэзия разностильная – на любой вкус. Темы критических очерков разнообразны: творчество современных поэтов, взгляд на верлибр, поэзия 2010-х, поэтические поколения...

Остается добавить, что столь солидное и недешевое издание является все же весьма доступным: журнал распространяется значительно ниже себестоимости, благодаря финансовой помощи меценатов.

Не листвою еще, но почками / Красоваться не пора ли? - /. Группами и одиночками / деревьям грачи орали(Юлий Хоменко)

Вера Арямова, В стране родной. Стихи. Казань. Изд-во «Бриг». 2011 – 140 с.

Лирика Веры Арямовой – это исповедь женщины, исстрадавшейся, но не отчаявшейся, не изверившейся, не разлюбившей. Это голос реалистки, давно не витающей в облаках мечтаний, но умеющей слышать музыку так глубоко, а времена года осознавать так ярко и так лично. Это стихи интеллектуалки,

КНИГА ЗА КНИГОЙ

не желающей погружаться в омут зауми, но вполне способной на эксперименты с формой, образностью, многозначностью... Это строки россиянки, ясно сознающей, в какой стране ей довелось вырасти и жить, но при всем при том хранящей в сердце непреходящую нежность к волжским просторам, к своим друзьям и просто земляками. И все это – на фоне спокойного, без надрыва и истерик трезвого взгляда на настоящее и ожидания не самого безоблачного будущего и в сочетании со столь же спокойным, очень здоровым оптимизмом. Не оттого ли так сильна эта женщина, что она прежде всего – Мать?..

Тьма есть тьма. / И я бреду во тьме / Узнавая жизнь уже тактильно.

Литера: альманах. Вып. 7. Тверь фестивальная – Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2013. – 124 с.

Седьмой выпуск альманаха Тверского союза литераторов посвящен двум масштабным фестивалям, прошедшим в Твери в 2012 году. Отличительная особенность поэтического фестиваля «Авант», творчество участников которого представлено в первой части альманаха, – его передвижной характер: это мероприятие длится несколько суток, и каждый день – в новом городе (а в 2013 году даже в новой стране). Идея фестиваля принадлежит петербургскому поэту, филологу и музейному работнику Дарье Суховей. Ее стихи вы сможете прочесть на страницах раздела «Авант», а узнать любопытные детали этого фестиваля поможет обзорная статья Бориса Вельветова.

Фестиваль «Из Калинина в Тверь» – своеобразный эксперимент, предпринятый известным московским литератором Анной Голубковой с целью «посмотреть, как будут существовать в тверском пространстве стихи современных русских поэтов, возникнет ли интерес к ним у публики», говоря ее же словами. Этим во многом объясняется «разношерстность» поколений приглашенных поэтов, а также направлений и стилей их письма. С наиболее интересными из прозвучавших на фестивале стихотворений вы сможете познакомиться во втором разделе альманаха.

*Хочу, чтоб завтра я уснул в Калинин, а послезавтра встал уже в Твери
(Георгий Летицкий)*

Татьяна Бочкарь

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Егор Радов, «Мандустра». Рассказы, М. НЛО, 2012 г., 530 с.

Книга напоминает вязкое психоделическое путешествие в смутном времени разваливающейся империи. Сроки написания рассказов Егора Радова – последние 30 лет нашей жизни. От перестройки до нынешних побед новой демократии голова могла закружиться не только у писателей. Жизнь становилась фантастичней самого отъявленного фантазма, и это чувствовали Игорь Юганов, Виктор Пелевин, Андрей Левкин. Путешествие в дебрях подсознания, его безумств и желаний, у Радова – реально-наркоманское, героиновое, кокаиновое. Писатель перепробовал в жизни многое, надо признать, в рассказах это чувствуется.

Читать Радова – интересно... Он, как и всякий постмодернист, работает в очень разных техниках, смешивая огромное количество жанров. Философский дневник, антиутопия, эротический рассказ, эссе, футурологический трактат. Писатель цепляет внимание читателя небольшими деталями, переиначивает смыслы классических текстов, устраивает эпатажное шоу. Например, рассказ «Незнайка на луне» трактует классический сюжет в духе эротического китча. Или другое произведение на «космическую» тему – «Царь добр». Сюжет таков: русских изгоняют с планеты Земля, предлагая им поселиться на Марсе. Что ж, вызов принят, но что будет с народом, утратившим духовную Родину? Ответ Радов дает грустный, жесткий, но вполне вероятный.

Из лучших рассказов сборника – «Мальчики», «Как я был великаном» и др. Оформление и внешний вид книги – на отлично!!

Рассвет погружал всю Луну в радостное сияние надежды, но все было тщетно и бессмысленно в этом забытом всеми подземном мире.

«Человек», №1, 2013 год. Журнал, «Наука», 192 с.

На этот журнал натолкнулся в библиотеке после десятилетней паузы. В свое время, в 1994-1996 годах этот антропологический философский журнал был для меня культовым, крайне интересным. Тем приятнее было узнать, что он все еще выходит, в том же формате, почти ничего не потеряв в актуальности и занимательности. Рубрики все те же: человеческое поведение, искусство, религия, наука, круглые столы, дневники, маргиналии, гуманитарная экспертиза.

КНИГА ЗА КНИГОЙ

В номере 1 за 2013 год наиболее интересными для меня оказались материалы о Григории Сковороде, буддийском мастере Нитирэне, отрывки из романа П.Сорокина, исследование адыгейской поэзии. Материалы о восточной традиции передачи учения от учителя к ученику прослеживаются на примере духовного мастера 13 века Нитирэна. Этот наставник имел множество сторонников и учеников в стране, раздираемой феодальными войнами и жестокостью власти. Нитирэн опирается на «Лотосовую сутру», предлагая ученикам отказаться от земной тщеты, и находит понимание.

Интересны также материалы-исследования современного города Анны Головы «Мегаполис: обитель потребителя», статья о русском дауншифтинге – попытках сегодняшнего цивилизованного человека уменьшить скорость своей жизни, вернувшись в мир дикой природы, патриархальной деревни.

С точки зрения культуролога, механизм исторического тупика состоит в том, что культура, а значит и сознание общества, зашедшего в тупик, оказывается неадекватно качественно изменившейся ситуации. (И.Яковенко)

Колчев Алексей. «Лубок к родине». Стихи, Самара, 2013 г. 90 с.

Теперь, после смерти поэта, многие критики скажут, что замечали талант автора, но как-то смутно, не ожидая больших достижений. Тем не менее, Колчев писал очень сильно последние 3-4 года. Трагичность и резкость его стихотворений возрастали от сборника к сборнику. Прижизненных сборников, правда, всего три, и все они изданы в 2013 году. Рязанского поэта, филолога по образованию, заметили, появились первые рецензии. Говорят об интертекстуальности текстов Алексея Колчева, большой доле центонности, присутствии аллюзий на мировой свод поэзии, иронии, однако, цепляет в них не это. Лирический герой поэтических текстов буквально разрывается от невозможности что-то изменить в этом тяжелом мире. Ирония появляется и исчезает в жесткой и прямой оценке реальности, вынося ей таким образом некий приговор: вот забор, бутылка пива, менты, стена, бомж...

Этот метод перечня, литературного или бытового, в котором бытие проявляется исподволь - очень интересует поэта. Эта поэзия жесткая, алогичная, бескомпромиссная, брутальная, однако общее ощущение,

КНИГА ЗА КНИГОЙ

возникающее в читателе, все же сродни катарсису, ибо, проходя лубочными тропами текстов Колчева, мы все же выходим – к прекрасному и подлинному в этом мире.

Спляши сестра/ на костре у костра/ в мечети в синагоге/ на райском пороге

Сергей Сумин

АВТОРЫ

Боярских Екатерина. Родилась в 1975 году в Иркутске. Поэт. Окончила филологический факультет Иркутского университета и аспирантуру того же факультета по специальности "история русского языка". В 2000 году получила премию «Дебют» в номинации «Поэма». Автор 2-х книг стихов. Живет в Иркутске.

Бочкарь Татьяна. Родилась в 1971 году. 10 лет проработала на «Тольяттикаучуке». Окончила ТГУ по специальности «филология». Работает корректором в информационном центре. Руководит православной литературной студией «Слово». Живет в Тольятти.

Булатова Галина. Поэт, критик. Родилась в городе Горьком, окончила Куйбышевский институт культуры. Работала в системе детских и школьных библиотек города Тольятти. В настоящее время живёт в Казани. Автор книги стихов «Философия розы».

Ерина Екатерина. Родилась в 1991 году. Поэт, музыкант. Студентка Самарской государственной академии культуры и искусства.

Заугаров Евгений. Родился в 1966 году в городе Миассе. Закончил химический факультет Саратовского университета. Публиковался в журналах «Воздух», «Дети РА», в альманахе «Василиск», в антологиях. Книга стихотворений «Избр-е» (2010). Живет в Саратове.

Ивкин Сергей. Родился 17 мая 1979 года в Екатеринбурге. Поэт, художник. Окончил в 2004г. Российский государственный профессионально-педагогический университет. Публикации в российских журналах. Выпустил 5 книг стихотворений. Живет в Екатеринбурге.

Кальпиди Виталий. Родился в 1957 г. в Челябинске. Поэт, редактор, издатель. Автор книг «Пласты» (1990), «Аутсайдеры–2» (1990), «Пятая книга и Вирши для А.М.» (1993), «Мерцание» (1995), «Ресницы» (1997), «Запахи стыда» (1999), «Хакер» (2001), «Контрафакт» (2007). Стихи переведены на 15 языков. Живёт в Челябинске.

Квантришвили Георгий. Поэт, коллекционер. Родился в 1968 году. Учился в трех вузах. Многочисленные публикации стихов и статей. Живет в Самаре.

Клавдиев Юрий. Родился в 1974 году. Поэт, драматург, сценарист. Работал журналистом в газетах Тольятти. Вокалист и автор текстов рок-группы «Клад Яда». Живет в Петербурге и Тольятти.

АВТОРЫ

Липатов Виктор. Родился в 1991 в Калуге. Публиковался в сборнике клуба «неофутуристов» за 2010 год в Германии, в калужском альманахе «Галерея», калужской газете «Сапфир», электронном журнале «Новая реальность». Живет в Кирове.

Перегудов Дмитрий. Родился в 1987 году. Писатель, эссеист. Живет в Тольятти. Публиковался в местных изданиях, сборниках «Между строк».

Пиденко Сергей. Родился в 1960 году. Поэт, прозаик, бард. Печатался в белорусских и российских журналах и альманахах. Издал 2 книги белорусских русскоязычных авторов. Руководил клубом авторской песни «Бардовская среда». Живет в Тольятти.

Рыкунов Степан. Прозаик. Родился в 1995 году. Студент ВУИТа, кафедра романо-германской филологии. Публиковался в сборнике «Между строк». Живет в Тольятти.

Сумин Сергей родился в 1973 году. По образованию – филолог. Опубликован в сборниках «Нестоличная литература» и «Самарский верлибр», журналах «Волга» и «Гипертекст». Около 20 интернет-публикаций. Активно занимается самиздатом. Живет в Тольятти.

Трошин Вячеслав. Поэт. Родился во второй половине XX века в Поволжье СССР. Получил высшее образование экономиста в Самаре. Большую часть года проводит в сельской местности. Живет в Тольятти.